Н.С. ЛОБАС

УБИЙЦЫ

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас
бывший врач сахалинских каторжных тюрем

УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников)

Со снимками преступников

Москва 2008

Предисловие

Выпуская этот труд, я далек от мысли сказать в нем что-нибудь новое по вопросу о человеческой преступности, в освещении которого я принимаю участие только в качестве чернорабочего, подвозящего материал для постройки здания учения о преступном человеке. Продолжительное знакомство с многочисленными представителями преступной армии в каторжных тюрьмах Сахалина дает мне смелость внести в это дело и свою лепту, на которую нужно смотреть как на материал, подтверждающий взгляды представителей уголовно-антропологической школы на преступника, как на человеческое существо деградированное, психофизически оскуделое и хоть ответственное за свои действия, но не в той мере, в какой это принято думать. Я буду считать свою задачу посильно выполненной, если данные о преступнике, собранные в этом труде, принесут в этом отношении хоть маленькую крупицу пользы.

Автор

Харьков
1911 г. 13 янв.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Литературный указатель

E. Spehl. «Руководство к клиническому исследованию и распознаванию».
Romberg. «Болезни сосудов и сердца».
П. Мантегацца. «Наследственность».
Ц. Ломброзо. «Преступление».
Д-р **Грановский**. «Общественное здравоохранение и капитал». «Журнал Общ. русских врачей в память Н.И. Пирогова».
Д-р **Стеллецкий**. «Алкоголизм и борьба с ним». Там же.
Д.А. Дриль. «Психофизические типы».
Его же. «Преступники и преступления».
Д-р **Маньян**. «Алкоголизм».
Проф. **Чиж**. «Медицинское изучение преступника» (труды 5-го съезда врачей в память Н.И. Пирогова).
Проф. **E. Harnack**. «Отравления».
Проф. **Форель**. «Алкоголизм, наследственность и половая жизнь».
Его же. «Половой вопрос».
П.Н. Тарновская. «Женщины-убийцы».
Havelock Ellis. «Преступник».
Н. Лобас. «Некоторые черты из психофизики преступников» (предварительное сообщение). «Врачебная Газета» 1904 г. – № 3.
О. Мирбо. «Дневник горничной». Отчет медицинского департамента за 1889 г.
Игнатий Закревский. «Об учениях уголовно-антропологической школы».

Введение

Вопрос о сущности душевного и физического склада преступников сравнительно недавно сделался предметом тщательного и всестороннего изучения. Работы недавно скончавшегося итальянского ученого Ц. Ломброзо, давшие могучий толчок к этому изучению, повлекли за собой многочисленные исследования его учеников и последователей. Возникла так называемая уголовно-антропологическая школа, последователи которой задались целью путем точного исследования преступника и тех условий, которые его породили и среди которых он жил, выяснить причины, заставляющие избирать для достижения своих целей преступный путь. Последователями уголовно-антропологической школы был внесен в работы естественно-исторический метод исследования. С этого момента классической школе уголовного права, поставившей во главе суждений о преступнике и о его преступной деятельности «свободную» и, притом, «злую волю», был нанесен смертельный удар. В этом огромная, неизмеримая заслуга Ломброзо, искупившая все его ошибки. Обильный научный материал, собранный представителями уголовно-антропологической школы, уже теперь не оставляет сомнения в том, что преступник представляет из себя человеческое существо деградированное, душевно и телесно обеднелое, а потому мало приспособленное противостоять велениям своей инстинктивной природы, и что не злая воля направляет руку вора, убийцы, насилователя, поджигателя, а его порочная психофизическая организация, являющаяся результатом дурной наследственности, алкоголизма, болезней, плохого питания и неблагоприятной социальной обстановки. Ученик Ломброзо, итальянский проф. Ферри так резюмирует положения, добытые уголовно-антропологической школой: «преступление есть явление, которое объясняется ненормальностями биологического характера, происходящими от атавизма, болезней, вырождения, аномалий нравственных; социологическими причинами, заключающимися во влияниях экономических, непри-

способленности политико-социальной и сложных социальных влияний». Сам Ферри мирит все эти мнения и полагает, что преступления порождаются биолого-физико-социологическими причинами. Представители классической школы уголовного права, как я упомянул выше, говорили о злой воле преступников, как исходном пункте их преступной деятельности. Что же такое эта злая воля (удержим пока этот термин), из каких элементов она слагается, какие условия, заложенные внутри преступной личности, или находящиеся вне ее, способствуют возникновению и расцвету ее до той степени, когда у человека понятия о добре и зле совершенно перепутываются, когда он перестает видеть разницу между этими понятиями и считает вполне естественным посягать не только на имущество и честь своих ближних, но даже на их жизнь, – вот те вопросы, которые напрашиваются при знакомстве с преступной деятельностью того, или иного преступника. Не подлежит сомнению, что огромную роль в появлении преступных личностей играют социальные факторы, т. е. те жизненные условия, которые сопровождают человека от колыбели и до могилы; но, вместе с тем, необходимо признать, что условия эти, как бы они неблагоприятно ни складывались, сами по себе бессильны послужить причиной возникновения у данной личности склонности избирать преступный путь, если в организме ее, в ее психофизическом складе не имеется подходящих условий, или, выражаясь врачебным языком, отсутствует предрасположение к заболеванию преступными наклонностями. В самом деле, миллионы людей ведут борьбу за существование при самых неблагоприятных условиях, не выходя из так называемых законных рамок, т. е. норм, выработанных моралью и законами для данной страны и данного времени, и только сравнительно ничтожная часть их, при тех же условиях, отбрасывая эти нормы, как ненужный хлам, идет преступной дорогой. Поэтому вполне естественно искать причины преступности не только в тех или иных жизненных условиях, окружающих данную преступную личность, но и в ней самой, в несовершенствах ее психофизической организации, *не позволяющих* ей избирать тот путь, каким идут все.

В предлагаемом труде на основании личного и продолжительного ознакомления с преступниками и более или менее подробного и тщательного исследования, на сколько мне позволяли место и

крайне неблагоприятные условия работы[1], 80 преступников-убийц, а отчасти, пользуясь некоторыми данными уголовной и уголовно-антропологической литературы, я попытаюсь посильно указать те недочеты со стороны психофизической организации личности, которые, без большой натяжки, можно было бы поставить в связь с наклонностью ее идти преступной дорогой. Для своих исследований я взял так называемых корыстных убийц (убийц-грабителей) и несколько убийц, совершивших свои преступления под влиянием страсти. На корыстных убийцах я остановил внимание на том основании, что у этих представителей преступной армии наиболее ярко, полно и типично проявляются преступные черты.

---

[1] На о-ве Сахалин, при отсутствии необходимых инструментов и литературных указаний.

I
Корыстные убийцы

Убийцы, о которых идет речь, по характеру своей деятельности, должны быть отнесены к тому классу преступников, отличительной чертой которых является нравственная тупость, доходящая у некоторых представителей этого класса до степени полного нравственного идиотизма. Известные представители уголовно-антропологической школы Гарафало и Энрико Ферри считают этих людей прирожденными преступниками. Типичными чертами таких преступников, по словам Гарафало, являются совершенное отсутствие альтруизма, глубочайший эгоизм и полная нечувствительность к чужим страданиям. Я не могу считать корыстных убийц прирожденными преступниками, как и вообще сомневаюсь в существовании преступников от рождения. Допустить возможность существования людей, которые с утробы матери уже предназначены к преступной деятельности, можно дойти до утверждения существования прирожденных воров, убийц, насилователей и т.д. Страшно подумать, что некоторая часть людей рождается уже готовыми преступниками. Признать это предположение верным, значит, признать веру в предопределение, фатум основательной, и тогда придется исключить такую важную причину преступности, как социальный фактор, придется отбросить всякие надежды на возможность исправления таких преступников и, принимая во внимание ту опасность, которую они несут обществу, просто их уничтожать. Рассматривая вопрос о преступности в другой плоскости и считая преступника существом психофизически оскуделым, мы не можем с легким сердцем исключить возможность его исправления и, если многие из преступников, о которых идет речь считаются неисправимыми, то, как мне кажется, только потому, что знания наши о преступности и преступнике пока еще весьма ограничены, что причины, влекущие некоторое число людей на преступный путь, для нас еще недостаточно ясны. Когда учение о преступнике, находящееся теперь в стадии накопления материала, станет на ту высоту, при которой с

полной ясностью можно будет установить причины преступности, тогда только вопрос об исправимости или неисправимости данного преступника будет решен более или менее правильно. «Современные исследователи кладут первые камни для устройства той основы, на которой воздвигнется обширное здание криминальной антропологии, и нельзя теперь судить о тех видах и перспективах, которые откроются с его верхушки»[1]. Перехожу к описанию корыстных убийц, исследованных мной.

К–мов, убивший с целью ограбления ростовщика-меняла, родился в бедной семье; на воспитание был взят людьми богатыми и ими усыновлен. Детство К–мова прошло среди полного довольства, даже – роскоши. Учиться он не пожелал, чувствовал к этому делу большое отвращение, но вкус к красивой, легкой и роскошной жизни получил.

В автобиографии, переданной мне, он пишет: «... я, как и прочие, искал счастья. т. е. денег, которые, как я полагал, составляют счастье. Да, я искал денег. Вся жизнь моя потрачена на поиски их, все приносилось ради них в жертву; я готов был мучить всех, готов был на самый отчаянный подвиг, чтобы только достать денег. Отец оставил мне наследство, но оно все ушло на прожигание жизни, а без удовольствий, как без воздуха, я существовать не мог. Без денег нужно было умирать, а я решил жить, что было равносильно преступлению, без которого в этой жизни мне ничего не оставалось делать; жить – значит бороться, а борьба всякая начинается с преступления».

Такова, я бы сказал, кривая логика этого убийцы. Без денег – смерть, а добыть их можно только преступлением. Иного пути такие люди, как К–мов, не признают.

Свое преступление он рисует такими словами: «Зашел я к ростовщику, чтобы заложить часы. Вдруг, быстрее молнии, отчаянная мысль прожгла мне мозг: старик один, кругом никого... Почему не воспользоваться случаем? Скряга скопил, наверно, кучу денег, а деньги для меня все. И вот, – продолжает К–мов, – когда старик нагнулся, я схватил стоявшую на прилавке чугунную статуэтку и ударил его по голове».

[1] П.Н. Тарновская. «Женщины-убийцы».

Награбив денег у ростовщика, К–мов быстро их спустил, «купаясь», как он говорит, «в море удовольствий». Трудиться К–мов не мог, потому что чувствовал непобедимое отвращение к труду, одна мысль о котором наводила на него тоску. Трудовой путь он считает длинным, скучным и неверным. Натура настойчиво требовала удовлетворения своих желаний, и преступный путь, быстро ведущий к этой цели, представлялся К–мову наиболее целесообразным и вполне естественным.

В Харькове лет 12–15 назад было совершено зверское убийство портного Новикова и его семьи. С убийцами мне пришлось познакомиться на Сахалине. Один из них Н–кин рассказывал мне: «...учился я в уездном училище, но курса не кончил, так как меня очень заинтересовало портняжное ремесло; мне нравилось сшить хорошую вещь, особенно для военных... Со страстью предавался чтению любовных романов; очень любил посещать театры и сам хотел сделаться актером... приехал в Харьков и поступил к портному. Все свободное время посвящал увеселительным местам. Денег на удовольствия не хватало, начал закладывать вещи, а тут, как нарочно, познакомился с хористкой из малороссийской труппы и стало совсем плохо». С этого момента у Н–кина стали бродить мысли о легкой наживе и он, согласившись с товарищами, решил ограбить своего хозяина. Ночью они забрались к Новикову и убили его, его семью, квартирантку и служащего. Рассказывая о своем деянии, Н–кин не упускает ни одной даже мельчайшей подробности. Говорит, что сожалеет об убитых, но невозмутимо-спокойный вид и улыбка при описании ужасающих подробностей убийства («перерубил лоб топором, – говорит Н–кин, – а она еще ковыряется... накрыл ее одеялом; теперь, – говорит он товарищу, – пойдем бить мальчика») говорят за то, что чувство жалости незнакомо этому человеку. Заканчивая рассказ, он говорит мне: «Если вам угодно, я вам нарисую весь план преступления». И, действительно, нарисовал, весьма тщательно обозначив крестами те места, где смерть застигла убитых. Совершив свое ужасное дело, Н–кин с товарищами отправился в дом терпимости, где провел всю ночь.

М–нов, убивший в Петербурге горничную, учился сперва в коммерческом училище, а затем перешел в техническое учили-

ще морского ведомства. «Будучи еще мальчиком, – говорил мне М–нов, – я крал у отца деньги, которые тратил на удовольствия и, особенно, на женщин. Когда начал жить самостоятельно, то все, что зарабатывал, шло на кутежи и женщин. Средств, разумеется, на все это не хватало, а вне такой жизни я существовать не мог – меня к ней неудержимо тянуло. Пришлось познакомиться с обществом людей легкой наживы, и я стал добывать деньги кражами. Несколько раз за это судился. Познакомившись с одной горничной и близко с ней сойдясь, я от нее узнал, что хозяева ее очень богаты. Быстро созрело решение их обокрасть. Горничную я навещал часто и, однажды, воспользовавшись отсутствием хозяев, я решил сделать свое дело, а горничную попросил помочь мне. Она наотрез отказалась и заявила, что будет кричать. Что тут было делать? Оставался один исход: заставить горничную молчать. Времени терять нельзя было, хозяева могли вернуться, и я, зажав ей рот, повалил ее на пол; хотел задушить, но не мог, а тут под руку подвернулся столовый нож; я перерезал ей горло. Когда она перестала хрипеть и биться, я основательно очистил квартиру... Жалости к убитой не испытываю ни малейшей и считаю, что она стоила того, что я с ней сделал. Не мешай, не кричи».

На Сахалине М–нов, будучи мастером на все руки (электротехник, часовщик, музыкант на нескольких инструментах), был поставлен в сравнительно благоприятные условия: заведовал телефонами, управлял оркестром, но удержаться нигде не мог. Несколько раз он бегал с каторги и в это время совершал преступления. Неутолимая жажда удовольствий разбудила зверя в этом довольно интеллигентном и, сравнительно, образованном человеке и погнала его на преступный путь.

Преступники, характеристики которых я привел выше, принадлежат к классу людей сравнительно развитых, но по своей психологии нисколько не отличаются от преступников, рекрутирующихся из рядов темного народа. Их равняет порочная психофизическая организация, влекущая их по одному и тому же пути.

Крестьянин К–пур, совершивший убийство с целью грабежа, с 12-ти лет стал пить водку и заниматься кражами; 14-ти лет попал в исправительную колонию. «Учился там хорошо, – говорит К–пур, – но я не хотел заниматься, бегал из колонии три раза и на воле за-

нимался прежним делом – кражами. Меня ловили и опять сажали в колонию. 18-ти лет меня выпустили и я определился рассыльным в И–ское полицейское управление. Жалованья не хватало на водку и девиц, а без этого какая сладость? Ушел с места и уж больше никаких мест не искал, потому что они мне не нужны были. Пошел воровать, грабить». За кражи К–пур три раза сидел в тюрьме. Находясь в тюрьме, подслушал разговор двух товарищей, из которого узнал, что в городе есть богатая еврейка и живет одна. Выпущенный из тюрьмы, он разыскал еврейку, отрекомендовался ей фельдшером и нанял у нее комнату. «Лечил я ее от разных болезней, – говорит К–пур, – то йодом, то синим камнем, а сам все присматривался, куда она прячет деньги, но ничего не узнал. Надоело мне ее лечить, и я надумал сделать с нею так, как мне было нужно. Заболело у еврейки горло; помазал я ей йодом шею и попросил платочек, чтобы завязать. Стал завязывать, хорошенько придавил, а из еврейки и дух вон. Вылечил, – добавил он, смеясь. – Напрасно задушил, – продолжает К–пур, – никакой пользы не взял. Дурак был, лучше бы заниматься кражами, не попал бы сюда» (на Сахалин). На мой вопрос, не жалко ли ему старухи, ответил: «Чудак, ваше б–дие, какая может быть жалость, если пуститься на такие дела».

М–ков, крестьянин, совершивший много убийств, сообщил мне, что с 12-ти лет пошел бродяжить и в это время «поворовывал по малости». Пил много; пропивал и прогуливал с девицами все, что добывал кражами. Последним «делом» М–кова было убийство семьи, состоявшей из шести человек. «Жалко было убитых, – говорил он мне, – занапрасно пропали. Думал найти большие деньги, а взял деньги не настоящие, бумаги какие-то с пупонами (купонами); порвал их».

На вопрос сколько всего человек убил, ответил: «Душ пятнадцать, не больше». «Убивал, – говорил он, – сразу, никогда не мучил. Зачем людей притеснять, это, по-моему, самая неуважаемая штука».

Ш–кин, крестьянин, сосланный за убийства и грабежи в каторжные работы, на Сахалине, с целью ограбления квартиры военного капельмейстера, зверски убил его денщика. «В детстве, – рассказывал мне Ш–кин, – баловался здорово, сладу со мной не было». Любимой шалостью этого убийцы было мучить птиц, животных. «Грабежи и убийства делал, – говорил он мне, – чтобы были деньги

на водку и девиц. Баловал я этим делом шибко. Для этого только и жил на свете».

Известный убийца П–хов, убивший в Луганске члена окружного суда А–ча, его жену, ребенка, кухарку и дворника, сообщил мне, что еще с 10-ти лет начал питать склонность к женщинам, а когда стал юношей, склонность эта превратилась в страсть. Для добывания денег, необходимых ему для удовлетворения ее, он совершил массу краж. Прослышав, что у А–ча имеются большие деньги, приехал в Луганск «с благотворительной целью», как он мне сказал, смеясь: пристроил к А–чу горничную, свою сообщницу, которая ночью и впустила его в квартиру. А–ч был убит сонный в своем кабинете. Покончив с А–чем , П–хов вошел в спальню его жены, с которой помещался и ребенок. Г-жа А–ч проснулась. П–хов потребовал у нее ключи от комода, от стола. Требование было немедленно исполнено. Ребенок плакал, и П–хов дал ему яблоко, лежавшее на столе. Покончив с грабежом, П–хов убил топором мать и ребенка. С дворником и кухаркой он покончил раньше. Когда я спросил его, зачем ему нужно было убивать мать и ребенка, он ответил: «И рад был бы их оставить в живых, но не мог. В нашем деле свидетелей в живых оставлять нельзя».

Полное спокойствие, с каким П–хов передает ужасающие подробности преступления, отсутствие жалости к жертвам и даже ироническое к ним отношение – все это указывает на отсутствие у этого человека сознания совершенного им зла. Для жалости нет места в этом каменном сердце. Об одном жалел П–хов, что обманулся в расчете на богатую добычу.

Егор З–ной происходит из преступной семьи. Отец его – пьяница и вор, по приговору общества, сослан в Сибирь. Три брата за различные преступления сосланы на поселение и в каторжные работы.

Егор с 17-ти лет стал заниматься кражами, отдавая предпочтение конокрадству. Несколько раз сидел в тюрьмах. Где-то слышал, что верный способ не попадаться на преступлениях – это запастись свечами, приготовленными из человеческого жира. Сговорившись с братом, он отправился добывать жир.

Ради этой цели они решили убить своего священника. Проследили, что он ездит на пасеку, находившуюся в лесу, и стали его здесь сторожить. В обычный час священник приехал, но в тот мо-

мент, когда З–ной и его брат подкрадывались к нему, чтобы выполнить свое решение, на пасеку приехал мужик, чтобы звать батюшку на какую-то требу. Тогда братья отложили задуманное дело до более благоприятного момента.

Отойдя от пасеки, они вышли на опушку леса и здесь встретили девочку, свою односельчанку, отыскивавшую куда-то забредших лошадей, о чем она им и сообщила, спросив, не видели ли они лошадей. В один момент у братьев созрело решение добыть жир от этой девочки. Они сказали ей, что видели лошадей в лесу и предложили указать, где.

Когда завели девочку в чащу леса, то набросились на нее и зарезали. Вырезав из тела несколько кусков, они завернули их в платок девочки и сейчас же отправились вытапливать жир. Чудодейственной свечи им не удалось приготовить.

«Когда куски мяса положили в горшок, а горшок поставили в печь, то пошел такой треск, – рассказывал мне Егор, – что мы испугались и убежали».

Вскоре после этого З–ной убил стариков (мужа и жену), полагая, что не мало найдет у них денег, но ошибся в расчетах, так как денег не нашел. «Даром только руки марал, – говорил он мне, – набрехали нам, что у них деньги большие».

З–ной – человек тупой, жестокий и, казалось, совершенно лишенный нравственного чувства. Он абсолютно слеп по отношению к разнице между добром и злом. Рассказывая об убийствах, совершенных им, он держит себя так, как будто бы совершал самые обычные человеческие дела. «Стукнул топором старуху, – говорил он, – раз, она еще ворочается; я ее в другой раз – ворочается; размахнулся в третий, – как дам, она и ноги протянула. Живучая! Старика только раз ударил, он и не колыхнулся».

Рассказ о том, как З–ной с братом убили девочку, ради добывания жира, настолько возмутителен по ужасающим подробностям, что я не решаюсь его привести. После убийства стариков З–ной совершил еще много преступлений, но в них не попался. «Бог терпел, помогал по малости», пояснил он мне.

М–нов и Ч–шов с детства занимались нищенством, а потом служили то пастухами, то в работниках у крестьян.

Перед совершением преступления служили работниками у зажиточного крестьянина. Жена крестьянина, желая отделаться от

мужа, предложила М–нову и Ч–шову убить его, пообещав за это три рубля. Они охотно и легко согласились. Жена крестьянина дала им ружье, порох и дробь и сказала, чтобы они застрелили его, когда он отправится в свою сторожку в лесу.

М–нов и Ч–шов дождались, когда хозяин уехал в лес, зарядили ружье и пошли за ним. «Подошли мы к хате, – рассказывал мне М–нов, – видим: дверь в сенцы приперта. Я толкнул, она подалась. Гляжу, а хозяин спит на полу, храпит. Я нацелился... чик! Осечка. Должно порох отсырел, или пистон попался плохой. Хозяин заворочался, однако, не проснулся. Я в другой раз – чик! Опять осечка. Тьфу, анафема, будь ты проклят! Надел другой пистон. Нацелился прямо в голову (М–нов все время показывает, как он целился, прижмуривает один глаз), бах! Здорово заворочался и стал хрюкать, как свинья. Я опять давай заряжать ружье, да, видишь, припас перемешал: засыпал наперед дробь, забил пыж, ничего не поделаешь, а он ворочается. Что тут будешь делать? Добить прикладом? Боюсь в сенцы входить. Хозяин затих. Ну, думаю, теперь шабаш. Пошли домой. Давай, – говорит товарищ, – ружье зароем, а то, как бы не попались». Стали на пахоте ямки копать. Он, значит, одну ямку копает, а я другую. Выкопали. Товарищ говорит: «Давай ружье сюда, моя ямка лучше». А я: «Нет, моя лучше». Он меня по уху, я его, и пошла промеж нас драка. «Ну, – говорит, – шут с тобой, закапывай в свою».

В десяти шагах от трупа, убитого ими человека, они препираются и дерутся из-за ямки, несомненно, считая это дело более важным, чем человеческая жизнь, которую они только что отняли.

– Вам не жалко убитого? спросил я М–нова.

– Не наше дело, – ответил он: – хозяйка приказала.

У убийц – тупые, идиотские лица; безразличные, как у животных, взгляды. Желания их дальше сытной еды не идут и как предел их – трехрублевка, прельстившая их и толкнувшая на убийство. М–нов и Ч–шов положением своим в каторге довольны. «Чего нам? – говорит один из них. – Пить, есть дают, одевают, обувают».

Из приведенных разговоров этих убийц с несомненностью вытекает, что в них совершенно заглохло сознание добра и зла. Стоя на весьма низкой ступени умственного развития, они, вместе с тем, являются полными нравственными идиотами.

Убийца Ш–бов, сибиряк, человек очень неглупый, происходит из богатой крестьянской семьи. Дед и отец Ш–бова сильно пили водку; мать умерла от мозговой болезни, брат матери страдал падучей болезнью. В наследство от этой семьи Ш–бов получил ненасытную жажду к удовольствиям и тупость в области нравственного чувства, что и погнало его на преступный путь.

Ш–бов с легким сердцем переходит от грабежа к грабежу, от убийства к убийству, которых на совести его не менее десяти. В последний раз он убил богатую женщину. «Когда я залез к ней, – рассказывал Ш–бов, – она проснулась и выстрелила в меня из револьвера, но не попала: я ее пристукнул ломом. Стрелять вздумала; этакая старая кикимора», добавил он, улыбаясь.

Попавшись на этом преступлении Ш–бов был судим военным судом и приговорен к смертной казни, но помилован.

На вопрос, что испытывал он, выслушав смертный приговор, ответил, что страха не чувствовал, а был на себя крепко сердит. «Имел большие деньги от грабежей, – говорил он, – а никак не мог остановиться; все тянуло на преступления. Не мог я утерпеть, чтобы не пойти на грабеж, если кто обскажет, что у такого-то есть деньги». – «А убивать людей трудно было?» спрашиваю его. «Зачем трудно. Бил без всякого сумления».

В тюрьме Ш–бов держался особняком, почти не сходился с товарищами. Он очень гордится своим преступным прошлым. «Мы ведь не мелкие сошки, – говорит он, – чтобы якшаться со всякой дрянью, мы – громилы».

М–рек, знаменитый польский разбойник, совершивший около 200 вооруженных грабежей, является в умственном отношении тоже человеком далеко незаурядным, а количество совершенных им преступлений говорит о неудержимом, почти стихийном стремлении этого человека идти исключительно преступным путем.

С хорошо вооруженной шайкой в 10–15 человек он делал дерзкие набеги на помещичьи экономии. Подвергал обитателей этих экономий всяческим истязаниям, грабил.

М–рек написал мне свою биографию. На 48-ми листах он описывает свои похождения, подробно и любовно останавливаясь на каждом грабеже, на каждом убийстве. Обстоятельно говорит об обстановке помещений, которые грабил, хвастливо описывает свой

костюм, свое вооружение. Еще с большей любовью он останавливается на своих кутежах и романических похождениях, всякий раз непосредственно следовавших за грабежами.

Описывая один из своих грабежей, он говорит: «Забрался я в дом и нашел там, на свое счастье, все, что мне было нужно: одежду, часы, деньги и даже паспорт дворянский. Забрал это все, пошел в ближайший лес и там поблагодарил Бога за такую награду».

В другом месте автобиографии он рассказывает, что тихонько забрался в помещичью усадьбу и попал в комнату, где спала барышня. «Я стал, – пишет он, – и гляжу на жертву. Вижу, на руке у нее несколько колец с брильянтами. Я стал потихоньку снимать кольца; барышня проснулась, открыла глаза. Я говорю: «молчи, а то тут твоя смерть». Она стала как мертвая. Я снял кольца, повернулся поискать, нет ли еще чего, а она, как вскочит с кровати... Мне не хотелось ее убивать. Очень понравилась. Я ее ударил ногайкой. Она упала на пол и больше уж не поднималась. Обморок с ней сделался».

Когда я его спросил, отчего он не попытался заниматься честным трудом, он мне сказал: «Дурак я что ли? У меня были полны карманы денег; жизнь была веселая, хорошая. Эх только бы вырваться отсюда, пожил бы опять!»

М–реку удалось вырваться. Он бежал, переправился на плоту через Татарский пролив и очутился в Хабаровске на Амуре. Здесь он задумал ограбить магазин богатого китайца. Грабеж был предупрежден, М–рек был схвачен на месте преступления и снова прислан на Сахалин. Находясь в тюрьме, был задумчив и мрачен. Через год, при попытке бежать с работ из-под конвоя, был убит.

Ни одного дня своей жизни (М–реку было 32 года, когда он был убит), начиная с юношеских лет, М–рек не провел без грабежей, лесных скитаний, кутежей и, судя по автобиографии и рассказам, считал такую жизнь единственно возможной для себя. Он с полным убеждением отстаивал свое право только на такую жизнь и всех, кто с ним не соглашался, считал ничего непонимающими глупцами. Жизнь М–река до момента, в который он совершил свое первое преступление (изнасилование), складывалась недурно, но совершенно заглохшие этические представления, сильно развитые инстинкты и чудовищный эгоизм предуказали его жизненный путь, обставив его огромным числом преступлений.

Убийца Ст–ко, крестьянин Южно-Уссурийского края, из зажиточной семьи, переселившейся из Малороссии. Ст–ко, охотник за оленями-пантачами, пришел к заключению, что такая охота для него недостаточно прибыльна, и что выгоднее охотиться не за оленями, а за охотниками добывающими панты[1]. Превосходный знаток всех таежных тропинок и уголков, прекрасный стрелок, он выслеживал и подстерегал охотников, возвращавшихся с охоты, и убивал их из винтовки. У убитых забирал панты, ружья, деньги и все, что находил ценным. Никто из охотников, встречавшихся со Ст–ком в тайге, не возвращался домой. В окружающих селениях исчезали люди, и никому в голову не приходило, что богач Ст–ко – причина их исчезновения.

Один тюремный надзиратель, отбывавший военную службу в Южно-Уссурийском крае, в качестве унтер-офицера охотничьей команды, рассказывал мне, что без малейшего страха ходил на тигров, которых убил несколько штук, но, когда в одно из своих скитаний по тайге случайно увидел Ст–ко, который его не заметил (в это время уже стала ходить молва о страшном охотнике за людьми), то так испугался, что почти потерял сознание. Упал на землю и стал ползком уходить от страшного человека.

В последнюю свою охоту Ст–ко из засады застрелил 6 охотников и ограбил их. Попался на продаже ограбленных ружей. Был сослан на Сахалин в бессрочную каторгу.

Ст–ко человек угрюмый, неразговорчивый, с рыжей растительностью на голове и лице. Глаза стальные, холодные. Взгляд пристальный, жуткий. Несомненно, что этот убийца, охотник за людьми, был совершенно лишен чувства сострадания к ближним. Он с таким же хладнокровием подстерегал людей, с каким, вероятно, подстерегал дичь. Прицеливался верной рукой и убивал. Воображение его целиком занимали только драгоценные панты, а все остальное, до человеческой жизни включительно, он считал незаслуживающим интереса.

Грузин Б–швили, совершивший на Кавказе несколько убийств с целью грабежа и ограбивший почту, был сослан на Сахалин в каторжные работы. Здесь он не оставил своих разбойнических привычек.

[1] Панты – молодые рога благородного оленя, считающиеся в Китае чудодейственным лекарством и ценящиеся 200–300 рублей за пару.

Некоторое время он служил в качестве лакея у одного сахалинского чиновника, но это занятие ему было не по душе и он попросил отчислить его в тюрьму, из которой скоро бежал. Добрался до материка и был пойман. Когда его привезли на Сахалин и от пристани вели в тюрьму, он прорвался через цепь конвойных и бежал под их выстрелами. Все поиски оказались безрезультатными. Б–швили, как в воду канул.

Через несколько дней он дал о себе знать целым рядом грабежей и убийств. Он нападал на дорогах на проходивших и проезжавших, врывался в населенные пункты и грабил лавки и магазины. На дороге в п. Александровский (на Сахалине) он выстрелом из ружья убил одного купца, ранил пулей и добил кинжалом его кучера, перерезав ему горло. В течение 8-ми месяцев он грабил и убивал проезжих по дорогам, налетал на селения и был неуловим. Б–швили убивал не только состоятельных людей, но поселенцев, почти нищих. Мне пришлось видеть таких двух, убитых Б–швили. Точно какой-то демон убийства вселился в этого человека.

В конце-концов Б–швили был выслежен командой, посланной для его поимки, и окружен лесу. Он долго и отчаянно защищался, выпустил массу пуль и был убит.

Ч–н, сосланный на Сахалин за убийство и грабеж, отбыл срок каторжных работ и, будучи уже поселенцем, совершил убийство женщины и ребенка, желая воспользоваться нищенским имуществом. Свое деяние описывает с мельчайшими подробностями, очень обстоятельно поясняя, как и куда наносил удары топором, что происходило с жертвами после каждого удара. С улыбкой рассказывал, как ребенок после удара топором покатился с кровати, на которой лежал вместе с матерью. Совершив убийство, Ч–н тут же, рядом с трупами, поел пирогов, найденных им здесь же. Потом, захватив кусок ситца, ушел в соседнее селение, где на другой день был взят.

Ч–н – молодой человек (около 30 лет) с неподвижным, похожим на маску лицом, с низким лбом и равнодушным взглядом. Он совершенно не сознает ужаса своего деяния и рассказывает о нем, как о чем-то в высокой степени обыденном, привычном. Я думаю, что он точно так же рассказывал бы о том, что в лесу рубил дрова, что пахал землю. Это типичный представитель семьи нравственных идиотов.

Ир–да Ю–шева задушила своего сожителя сонного, не стесняясь присутствия своих детей, видевших сцену убийства. На Сахалин она попала за удушение мужа. Задушив сожителя, она обрядила его в полушубок, подпоясала; не забыла даже заткнуть за пояс рукавицы. Надела на убитого шапку и башлык; вытащила его во двор, положила в сани в естественной позе заснувшего человека; запрягла лошадь и вывезла труп за 5 верст от селения. Оставив лошадь на дороге, она ушла домой.

Под утро лошадь привезла убитого к воротам его дома. Убийца заявила следователю, что сожитель ее накануне уехал в город. «Должно быть, замерз, – пояснила она, – напился в городе и замерз, когда ехал домой».

Когда труп отвозили в лазарет, Ю–шева провожала его с плачем и причитаниями. «Вася, Вася, – кричала она, – на кого ты нас, горемычных, покинул, что ты с нами, горькими сиротами, сделал?»

Когда ее уличили в убийстве, она сказала, что тяжко было жить с покойным, а потому и убила его. Ей возразили, что убитый был ей незаконным мужем, что она просто могла уйти от него, заявив властям (такие уходы обычны на Сахалине). Она ответила, пожимая плечами и улыбаясь: «Не хотела начальство утруждать».

Около года я наблюдал убийцу в тюрьме, часто с ней разговаривал, но ни разу в ней не заметил ни одной искорки чувства сожаления к убитому отцу ее детей, ни разу она не интересовалась судьбой этих детей, помещенных в приют. Всегда и я и другие видели ее веселой и жизнерадостной.

Б–ов был сослан на Сахалин за несколько убийств; здесь убил своего приятеля, узнав, что у него имеются деньги.

Через два часа убийца был взят на базаре во время карточной игры. Сапоги и одежда его были в брызгах крови. «Откуда кровь?» спросили его. «А я почем знаю», грубо бросил он, нисколько не смущаясь. «Ты убил З–лея?» – «На чорта он мне сдался», говорит он совершенно спокойно.

Татарин Л–ня Г–лин, совершивший несколько убийств, в последний раз убил беременную женщину и мертвой разрезал живот. «Хотел посмотреть, как там лежит ребенок», говорил он.

Д.А. Дриль в своей книге «Преступность и преступники» описывает 19-летнего французского убийцу Abadie, который совершил

многочисленные преступления и в числе их три убийства. Он был приговорен к смертной казни. «Abadie, – пишет Дриль, – изложил целую теорию, в которой ярко отразились особенности его нравственной стороны, его самочувствия, натолкнувшие его на убийства, дававшие ему возможность легко выполнять их и оставаться спокойным после их совершения».

На суде и после суда в тюрьме Abadie был спокоен и нахален. «Следует вонзить нож в горло, – цинично поучал он присяжных на суде, – и повернуть его направо и налево; таким образом расширенная рана всегда смертельна». На вопрос, что бы он стал делать, если бы когда либо сделался свободен, Abadie ответил: «Я бы принялся за старое ремесло». Дефекты в области нравственного чувства и чудовищный эгоизм являются типичными чертами для этого убийцы.

Другой французский убийца, знаменитый Lacenair, говорит: «Я никогда не имел господствующих страстей, если не считать страсти к золоту... я испытывал ужас от пустоты в моем кармане». По его словам, «убить человека ему было так же легко, как выпить стакан воды». «Эти последние слова, – говорит Дриль, – не были одной пустой фразой, как наглядно показывает его кровавая деятельность, приведшая его в 32 года на скамью подсудимых по 30-ти обвинениям в кражах, мошенничествах, покушениях на убийство и убийствах». Lacenair говорит с презрением одному преступнику: «Ты никогда не совершишь ничего такого, что бы возвело тебя на эшафот».

Убийца Gigax, описанный Дрилем в цитированном выше сочинении, задушил старуху. На суде, рассказывая об убийстве, он спокойно говорит: «Я сделал ее мертвой». При этом он сделал характерный жест рукой, сжимая пальцы. Когда Gigax и его товарищи покончили со старухой и ее служанкой, то первый цинично заметил: «Пять минут было достаточно для служанки; хозяйка взяла целых семь. Никогда я не думал, что так легко убивать». После убийства преступники с приглашенным ими знакомым рабочим аппетитно поужинали. Их случайный товарищ, узнав через день об их аресте, невольно воскликнул: «Это невозможно; они едят с таким аппетитом, имея два убийства на совести!»

На сахалинской каторге мне пришлось видеть немалое число убийц, для которых, подобно Lacenair'у, убить человека так же легко, как выпить стакан воды. Я знал убийцу, еврея В–ча, который был

сослан за убийство в Сибирь и здесь совершил несколько убийств. Последним его делом было убийство 11-ти китайцев. Ночью он забрался в китайскую фанзу и перерезал все ее население от мала до велика. О своих убийствах он рассказывает в спокойном, эпическом тоне[1]. Другой убийца убивший на Сахалине семью, состоявшую из мужа, жены и пятерых детей, вскоре после убийства попал ко мне в лазарет. Я наблюдал его несколько недель. Он вел себя так, как человек с совершенно спокойной совестью: хорошо спал, с аппетитом ел, интересовался ежедневными жизненными мелочами, вел спокойные беседы с товарищами. Никто бы не подумал, глядя на него, что на совести его страшное дело, что у него еще свежа память о 7 трупах, залитых кровью.

Заканчивая описание убийц, основными свойствами которых являются дефекты в области нравственного чувства и, как следствие их, полная нечувствительность к чужим страданиям, отсутствие жалости, отсутствие сознания совершенного зла, я прошу позволения коротко остановиться на одном преступнике, который с юных лет и до глубокой старости не мог свернуть с преступной дороги. В каторге этот человек пробыл 66 лет. Вот его краткая биография:

Родился в 1812 году; в 1820 году был взят в кантонисты, а в 1831 году зачислен на действительную военную службу, откуда скоро бежал. С этого момента, начинается его преступная деятельность. В 1834 году он совершил первое убийство, а в 1880 последнее. В промежуток между этими годами он совершил массу разнообразнейших преступлений. В течение 46-ти лет он воровал, мошенничал, сбывал фальшивые деньги, грабил и убивал. Славой о своих деяниях он наполнил всю Сибирь. Попав на Сахалин, он и здесь совершил несколько преступлений. Последний раз он был судим в 1891 году и, несмотря на свои 79 лет, был приговорен к 20 годам каторги и 100 плетям. Я знал этого человека с 1892 по 1899 год. Будучи неспособен к каторжным работам, он был зачислен в богадельню. Этот человек с «конской внутренностью», как он сам говорил, раз попав на преступный путь, уже не мог свернуть с него в течение 57 лет, переходя от одного преступления к другому. Жесточайшие наказания, кото-

---

[1] Один убийца передавал мне подробности совершенного им убийства: «Я перерезал ей горло, т. е., собственно, не перерезал, а проткнул шею ножом, как помню, справа налево.

рые выпали на его долю за долгие годы каторги, не смогли его столкнуть с дороги, избранной им с юношеского возраста. Помимо каторги, клейм, прикования к тачке, этот «дедушка русской каторги», как именует его в своей книге о Сахалине В.М. Дорошевич, получил массу розог, плетей и шпицрутенов (палок). В заключение своего жизнеописания, которое он мне передал, он написал:

«В точности всего истязания получено:

2000 палок, 425 плетей, 230 розог.

100 ударов плетьми отменено врачом».

Несомненно, что в организм этого человека было заложено что-то такое, что неудержимо, почти стихийно влекло его по преступной дороге.

Нарисовав несколько портретов корыстных убийц с их удивительной психологией и весьма своеобразной логикой, я в дальнейшем еще вернусь к характерным чертам их психики, а пока остановлюсь на их литературных произведениях, которые до некоторой степени послужат нам пособием к освещению душевного склада убийц.

II
Убийцы в своих литературных произведениях

Преступный люд, как замечено исследователями его быта, питает большую склонность, подчас доходящую до страсти, к изложению своих мыслей, впечатлений и переживаний на бумаге. Мне кажется, что причина этого явления заключается, отчасти, в тщеславии – этой обычной для преступников черте. Сколько мне пришлось наблюдать, многие из них считают себя людьми необыкновенными, выдающимися, чуть ли не героями, миссия которых заключается в непрестанной борьбе с обществом, виновным, по их мнению, во всех их бедах.

На эту борьбу преступник смотрит весьма примитивно. «Жизнь это – борьба, – пишет один из них в автобиографии, – а всякая борьба всегда начинается с преступления». Считая жизнь свою интересной, а деятельность почти геройской, преступник горит желанием познакомить с ней всех его окружающих, вызвать к себе удивление, сочувствие, а потому любит рассказывать о своих похождениях или писать о них.

Произведения преступников в литературном отношении, за редкими исключениями, не представляют интереса, но, являясь довольно ярким отражением преступной психологии, они могут служить важным подспорьем в деле изучения преступника.

Обычной окраской литературных произведений преступников являются слащавость и сентиментальность, а обычным лейтмотивом – жалобы на людскую несправедливость, на злодейку-судьбу, печаль об утраченных удовольствиях, о погибшей жизни...

В этой главе я хочу познакомить читателей с душевным складом преступников, каким он является в личной обрисовке в их литературных произведениях, на образчиках которых я теперь остановлюсь.

Убийца-грабитель, К–н написал рассказ из своей жизни и начинает его так: «Хотя и еще не стар, мне 39 лет, но чувствую себя

настолько надломленным физически, что жизнь мне уже кажется в тягость, и неудивительно – я столько переиспытал, перечувствовал в жизни, что удивляюсь, как я еще дожил до сего дня. Теперь я чувствую, что скоро, даже очень скоро, несмотря на мои молодые годы, злой рок прекратит мое жалкое существование, так как на борьбу с жизнью – увы! – я уже не способен. К чему, спрашивается, жить далее и прозябать бесцельно? Разве может челнок, разбитый бурей, плавать по волнам? Нет, тысячу раз нет! Этой глупой скачке с препятствиями, которую принято называть жизнью, я произнес уже приговор и приговор печальный, но безусловный!

«Жизнь – это глупая комедия, это мировой театр, где режиссер – сама природа и суфлер – случай. Если ты хороший актер и желаешь счастья, т. е. денег, хватай всякого за горло, кто их имеет. Я искал счастья, я готов был мучить всех, чтобы добыть денег».

«Люди говорят, что деньги дают все, но что это все? Жилище в 20 комнат, стол из 10-ти блюд, минутные наслаждения... и еще что? Говорят, что они дают власть и тешат самолюбие. Правда, меня подобострастно встречают лакеи ресторанов и клубов, мне кланяются мелкие и жалкие людишки; наконец, мне готовы пожимать руки даже и те, которые выше других забрались на жизненные подмостки. Вот вся утеха самолюбия, но разве она прочна? Сегодня я богат и все это есть, а завтра обеднел и от меня, как от зачумленного, все отворачиваются. Итак, пора бросить эту глупую игру, которая не стоит свеч...»

«О юность, юность! Я, кажется, больше всех на свете должен сожалеть, что ты только каким-то светлым, небесным метеором мелькнула передо мной и безвозвратно канула в вечность».

К–н жалеет о своей прошедшей юности, как о чем-то светлом, небесном, совершенно забывая, что юность эта окрашена кровью его жертв. Имея от роду 19–20 лет, он совершил убийство и грабеж. Награбленные деньги пошли на кутежи, на «прожигание жизни», как он сам говорит в автобиографии.

К–н в своей нравственной слепоте, присущей, в большей или меньшей степени, всякому преступнику, совершенно не понимает, что о такой юности, какая выпала на его долю, нельзя вспоминать, что сожаление о ней – ненормально, прямо как о чем-то светлом, что сожаление о ней – ненормально, прямо уродливо.

Дальше К–н пишет, что в детстве он жил в богатом доме, среди роскоши, считал этот дом своим родным и случайно узнал, что он только приемыш, что мать его бедная еврейка. «Так вот как! – восклицает он. – Я, день тому назад гордившийся своим происхождением, вдруг оказался каким-то ничтожеством, сыном какой-то жидовки! Я почувствовал страшную обиду и такое отчаяние и глубокое горе, что не будь я еще 14-летним мальчиком, то, наверно, сошел бы с ума. Итак, спасибо детству! Оно нарисовало мне будущее, которое ожидало меня, как жертву. О мать, мать, зачем только ты родила меня? Какой рок заставил тебя произвести меня на белый свет? Но я... воздержусь укорять тебя».

Негодование и гнев на судьбу, сделавшую К–на сыном «какой-то жидовки», «страшная обида» и «глубокое горе», которые почувствовал он от сознания, что он не аристократического происхождения, в достаточной степени характеризуют нравственный склад его, ту канву, на которой жизнь потом вышила такие страшные узоры, как грабежи, убийства.

Умерла мать и оставила К–ну в наследство дом и деньги.

«Итак, я был жидом, – пишет он, – но, получив от матери наследство, я сделался богатым человеком, и это облегчило мое горе, но жизнь так складывалась, что я не мог забыть своего жидовского происхождения. «Здесь живет жид К–н», говорит бывало кто-нибудь, проходя мимо моего дома. И, Боже мой, как это шокировало меня. Я проклинал свою мать. Меня манило к какой-то особенной жизни, к каким-то неведомым подвигам, к блеску, к славе, а тут это проклятое звание отталкивало меня от той среды, в которой я мог найти свой идеал. Я твердо решил сбросить с себя невыносимое звание «жид» и быть дворянином не по одной только крови...»

«Я уехал в Петербург, где постепенно приобрел лоск, а блестящие молодые люди приучали меня к «прожиганию жизни» и возбуждали жажду к наслаждениям. Деньги быстро ушли. Блистать в свете я уже не мог».

В эту полосу жизни у К–на зародилась мысль о преступлении. Решение быстро и легко созрело. Он совершил убийство с целью ограбления. «С этого времени жизнь моя должна была сделаться интересной. Я моментально стал очень богатым человеком, только – увы! – я не мог наслаждаться спокойно: я должен был скрываться от пресле-

дований полиции. Это уже была не жизнь, а какая-то бешеная скачка, полная самых разнообразных драм и фатальных превращений».

На каторге К–н горестно восклицает: «Итак, гонясь за славой и деньгами, я вот достиг какой карьеры! Что же это такое будет? Боже мой, за что это, за что? 19 лет страданий! За что? Мудр был бы тот человек, который мог бы ответить на этот отчаянный вопрос! Как часто он бросается року безумной требовательностью немощного человечества и где его разрешение? За что? Если есть ключ к этой вечной загадке, он не в моих руках, и пытаться найти его бесполезно... В конце-концов живой могилой для меня явился мрачный Сахалин – это ужасное кладбище безвременно похороненных людей. Кругом слышатся жалобные вопли и стоны несчастных ссыльных, терзаемых нуждой, тоской и плетью, а под напором ветра глухо рычит вечно сердитое море – этот верный сторож для всех тех, кто не корчится под ударами волшебницы-судьбы».

Убийца К–н, действительно, не понимает, за что страдает. Таковы свойства его психофизической организации и он совершенно прав, когда говорит: «Ключ от этой загадки не в моих руках».

«Я родился, – пишет каторжник П–кин, совершивший жестокое убийство с целью ограбления, – в 69-м году, как рассказывали мои родители, в самую глухую, непроглядную сентябрьскую полночь, тринадцатым и уже последним поскребышем плоти и крови материнского чрева. Она, моя родимая голубушка, будучи тяжко беременна мною, так усердно поклонялась сорокаградусному Бахусу, что впала в белую горячку. В ее отуманенных глазах кровные детушки казались страшными чертями, лихо пляшущими вокруг нее. Болезненная родительница с ужасным криком бросалась на стены от страшного видения, забивалась под кровать, под печку, где просиживала по целым суткам, не евши, не пивши...»

«Можно ли было подумать здраво, глядя на такую страшно безумную родительницу, что она за каких-нибудь 2–3 дня до родов образумится, прочухается и благополучно разрешится от чудовищного бремени?»

П–кин очень рано пошел по преступной дороге, занимаясь кражами. Пятнадцатилетним мальчиком он попал в тюрьму, куда его потом всегда тянуло, говорил он «как к матери родной». Двадцатилетним юношей он пошел на убийство.

В своей преступной деятельности он винит наследственность, винит мать за то воспитание, которое она ему дала.

Свои мысли по поводу воспитания, полученного им, он высказывает в таких стихах:

* * *

Надо правду сказать:
В горькой доле моей
Грешна пьяница-мать,
Бог судья будет ей.

* * *

Все ласкала меня
По головочке, вишь;
Ни за что не браня,
Хоть ты что натворишь.

* * *

К табачку и винцу
Приучила сама.
«Надо ж быть молодцу»,
Говорила она.

* * *

Так и впрямь с пьяных глаз...
Ну и быть по сему.
Вот и вышел как раз
Молодец ко всему.

* * *

Все мне на руку стать,
Спуску нет ничему.
Как мне баила мать,
Так и быть по тому.

* * *

Я пятнадцати лет
Породнился с тюрьмой;
К тридцати кругосвет
Обогнул столбовой,
Путь-дорогой в конец,
Кандалами гремя.

Вот каков молодец
Вышел, стало-быть, я.

* * *

Эх, родная, прости,
Если как, не сдержась,
Помяну по пути,
Не ладом, озлобясь.

* * *

На распутицу в ширь
Да раздольным словцом
Оглашу всю Сибирь,
Проходя молодцом.

«Эту разудалую песенку, – говорит в своих воспоминаниях П–кин, – я воспел уже по прибытии с Акатуевского рудника на о-в Сахалин. Не успел отбыть в Акатуе первого десятилетнего срока каторги, как достукался, выйдя в вольную команду, вторичного каторжного пайка. Надо ж быть молодцу, ну и быть потому», добавляет он.

Убийство П–кин совершил в компании с товарищем по прежним тюремным сидениям. «Это преступление, – пишет он, – было совершено двумя молодчиками среди белого дня, как в темной ночи...»

«Матрена Ивановна (квартирная хозяйка П–кина) жила, как улитка, замкнувшаяся в раковине. Борис (П–кин ведет рассказ в третьем лице и называет себя Борисом), соколик, матушкин сынок, оставался один в своей полутемной квартирке. Он лежал на старенькой кушетке, пролежанной его бездельными боками до потрохов. Сквозь дыры старой ситцевой обивки торчали клочья мочала. Над кушеткой слабо тикали стенные часы, а за отставшими обоями шуршали мыши, поднимая страшную возню и писк. Становилось жутко одному в этой сумрачной комнате».

«Борис не улежал бы ни одной минуты, если бы не просвистал накануне этого дня со своих молодецких плеч последнего теплого пальто, а мороз трещал в это ясное ноябрьское утро...»

«Вот в эти самые тошнехонькие минуточки к Борису явился задушевный его приятель Федор, с которым он сошелся в тюрьме на высидке по второму разу.»

«Они выпили бутылку очищенной, принесенную Федором, и начали раскидывать оживившимися мыслями, где бы разжиться деньжонок.»

«– Вот что, Федор, – сказал Борис: – согласен ты жениться на Христовой невесте? А? – Федор выпучил на него глаза. – Ей, ей, я не в шутку говорю. Хочешь, я тебе сосватаю нашу хозяйку? Она барышня еще; даром, что черти давно уже рога посшибали, искавши ее скаредную, шестидесятилетнюю душонку, накопившую себе на тот свет целомудренное приданое.

«– Черт тебя знает, что ты мелешь, Борька, – сказал Федор.

«– Не черт знает, а ты, кажется, хорошо знаешь, что я на ветер не люблю слов пускать. Если ты на самом деле Федор, а не Федора в сарафане, то мы с тобой обделаем важное дело, а не пустячное: на тысячи загуляем... На что она живет, кащейка эта, хозяйка-то наша: ни Богу свечка ни чорту кочерга на белом свете. Мне думается, что за ее душу скаредную и греха не будет, если спровадим ее на тот свет, где грошиков корыстных нет. Ну, так как же, дружище, согласен ты на «пан, или пропал»? Или сотнями шуметь, или кандалами греметь!»...

«– Я одно думаю, – ответил Федор: – что башка у тебя сегодня не на месте...

«– У меня-то башка на месте и настоящая, а вот у тебя, как вижу, на плечах головушка девичья. Эх ты, гайка у тебя слаба. На словах-то мы все молодечимся! Я, мол, хоть в воду, хоть в огонь готов броситься, лишь замечу глазком одним, что золотце блестит или там серебрецо, а как случится доказать свою удаль на деле чистом, смотришь, и стал как есть трубочистом, а не артистом.

«Эта прямота Бориса затронула за ретивое Федора. Он послал несколько слов забористых и решился на «пан или пропал». Или сотнями шуметь, или кандалами греметь».

Сейчас же убийцы отправились к квартирной хозяйке. Она их впустила и, узнав, что Борис пришел нанимать комнату для Федора, попросила их садиться. Шли разговоры. Федор что-то сказал.

«– Да, да, вы совершенно правы, – говорит хозяйка, – что-о.....», – на этой гласной букве. – пишет П–кин, – горло хозяйки очутилось в руках Бориса, прыгнувшего на нее разом, как кот на мышь. Он повалил ее на пол; наступив коленом на грудь, и, давя ей горло, шептал:

«– Давай!.. Ищи что-нибудь такое прикончить ее!»

Федор, как шальной, метался по комнате, не зная что ему делать и где чего искать такого, что нужно было его приятелю Борису.

«Там, в кухне ищи!» крикнул Борис. Федор нашел топор.

Борис отклонил свою башку, наклоненную над головой жертвы: «бей», прошептал он. Федор грякнул обухом в голову ее. Она страшно замычала и вдруг задрыгала по полу шумно ногами. Последовал еще и еще обух ей в голову. «Готова», сказал Федор, бросив топор в лужу крови, смешанной с мозгами...

«Да, таким манером мы укокошили старую чертовку, которая морила себя на черством хлебушке и студеной водице и все, значит, чорту мошну набивала; потому, кому же больше, ежели у нее не было никаких родственников. Спровадили мы ее к покойным сродничкам за две тысячи пятьсот рублей. Обделали мы дело прямо среди белого дня и так чисто это вышло у нас, что все, казалось, шито, крыто и надпись прибита: «потемки».

Приведенный рассказ П–кина весьма ярко рисует психику корыстных убийц. Болезненно тоскливое настроение от невозможности, по неимению денег, покутить; настроение, весьма легко и свободно наводящее на решение совершить убийство; бахвальство, ирония по адресу жертвы и глумление над ней, отсутствие жалости – вот черты, отличающие убийц-грабителей.

Находясь на каторге, П–кин, как будто бы, раскаивается в совершенном деянии. В стихотворении, озаглавленном им: «Роковой день», он говорит:

Бес меня искусил.
Взяв топор, я пошел
Старушонку убил
И с деньгами ушел.
Но не долго гулял –
Грех попутал меня,
Далеко не удрал,
Разыскали в три дня.

* * *

Я в работу сужден
Сроком на десять лет,

И зачем я рожден,
Окаянный, на свет!
Не придется побыть
На родной стороне.
Знать, все нужно забыть.
Что так памятно мне.

* * *

Молод был я тогда,
Как судили меня,
Не забыть никогда
Рокового мне дня.
«Душу ты загубил»,
Будто слышу укор,
Сон теперь мне не мил:
В крови снится топор.

В другом стихотворении П–на, озаглавленном «Старый сон», еще резче звучит сожаление о содеянном преступлении.

Ниже я постараюсь показать, насколько можно верить в это сожаление и вообще в раскаяние таких убийц как П–кин, а пока прошу позволения привести только что названное стихотворение «Старый сон».

Какой мне чудный сон приснился.
Едва ль сумею описать:
Старик седой ко мне явился
И говорит: «Пора вставать!»
Я встал, ничуть не испугался,
Смотрю и думаю, кто он?
Он осторожно оглянулся
Назад, кругом, по сторонам.
Вдруг, как-то чудно улыбнулся
И палец приложил к губам.
...
Ко мне он низко наклонился
И начал тихо говорить:
«Кто завладел твоей душою
И чьим орудием ты стал?

Того, кто назван сатаною,
Кто против Бога восставал.
Ты с давних пор его слугою
И с ним ты в тесной дружбе жил.
Что сделал ты с своей душою,
Во что ее ты превратил?
Где ангел твой, души хранитель?
Как дерзко ты его прогнал!
Проснись же, демона служитель,
Теперь я все тебе сказал!»
Я тотчас вздрогнул и проснулся.
Мороз по коже пробегал.
Кругом со страхом оглянулся,
Но старца я уж не видал.
Так страшно, жутко вдруг мне стало,
Я осенил себя крестом,
Чего дотоле не бывало,
И вновь забылся старым сном.

Сколько мне приходилось наблюдать убийц-грабителей и вообще корыстных убийц, мне не случалось видеть, чтобы они раскаивались в своих преступных деяниях. Так оно и должно быть, потому что преступник, по своему складу, является человеком, плохо разбирающимся в добре и зле, человеком, который не может себе ясно представить всего ужаса своих деяний и их последствий. Его инстинктивная природа настойчиво требует удовольствий, наслаждений, и он жадно к ним стремится, не считаясь с препятствиями, при чем человеческая жизнь является тоже обыкновенным препятствием и отнять ее, ради намеченной цели, не составляет большого труда для таких людей как П–кин, о чем достаточно красноречиво говорят его повествования.

П–кин, как и другие корыстные убийцы, о раскаянии не думает и о совершенных им преступлениях сожалеет постольку, поскольку они лишили его утех прежней жизни, прежних наслаждений, о которых он любовно вспоминает.

В одном из своих стихотворений он обращается к своему сердцу, которое «жаждет лишь страсти», и говорит:

Брось, ретивое,
Думать забудь;
Время былое
Нам не вернуть.

Мучения совести, о которых говорит П–кин в своих стихах, сожаления по поводу союза с сатаной, скорбь об изгнанном ангеле-хранителе души – только рисовка. Стоит вспомнить, как П–кин, по его же словам, хладнокровно обдумывал убийство, как легко решился на него, как его совершил, как издевается над своей жертвой, чтобы ни минуты не сомневаться в этом.

Тотчас после убийства П–кин бросается в вихрь удовольствий, которые для него – все и о которых он вспоминает с грустью. Можно ли жалеть какую-то «старую чертовку», являющуюся для П–кина незначительной, нестоящей внимания, эпизодической фигурой, попавшейся на пути к наслаждениям. Стоит ли раскаиваться в том, что отнял жизнь у человека, который «ни Богу свечка ни черту кочерга», и П–кин не раскаивается. Вспоминая о времени, проведенном тотчас после убийства, он, видимо, переживает драгоценные для него минуты кутежа и разврата. Подробно и любовно он останавливается на них в своих повествованиях.

В день убийства П–кин уехал в соседний город и нанял номер в гостинице. «Мне привезли девицу, – повествует он, – хорошенькая, черненькая «барашечка»; на круглом столике перед диваном, по моему приказанию, появились – коньяк, портвейн, венгерское и различные закуски и сладости. На коленях у меня сидела прекрасная девица, моя «барашечка». Когда она выпила со мною пополам рюмку коньяку, а затем рюмку венгерского, она запела. «Ах ты, барашечка моя», воскликнул я, обнял ее и мы с ней выпили чертову дюжину сладострастных поцелуев... Гуляли здорово; было на что кутить, время хорошо провести...»

Про Христову невесту забыл. Ее, укокошѐнную, замкнули на замок в доме, и дело с концом...

Одет я был хорошо. Не стыдно было сидеть в гостинице с господами штатскими и военными... Сижу себе благороднейшим образом. Хор поет, машина играет нам разные арии; пьем коньяк с лимоном... А тут на Сахалине:

Забудешь все числа
И дней имена,
Коль пища так кисла
И та несполна.
Чаек-то кирпичный,
Лишь, знай, попивай.
Такой, брат, отличный,
Что нос зажимай.
Вкуснее навоза,
А все-таки пьешь,
Привычка – заноза,
Ее де сжуешь.

* * *

Ах, отстань ты, тоска,
Дай свободно вздохнуть;
Ты уж слишком горька,
Отвяжись, дай уснуть.
Завтра снова придешь,
Не уйду от тебя,
И за сердце возьмешь,
Словно крепко любя.

«Разве я жил, – говорит П–кин в своих записках, – как живут люди? Чему я учился, что видел, о чем думал, что творил? Я десятки тюрем прошел с 15-ти до 30-ти лет – вот моя жизнь, свет и научная школа. Теперь, когда я обращаю свои серо-туманные бельма на все прошлое, я подумал: увы, мертвые не воскресают из гробов. Да, я теперь сущий мертвец, который не может наслаждаться земными благами, не может чувствовать по-настоящему. Правда, по временам, творю чудесные стихи, в которых выливаются все тяжкие сердечные грехи».

Отец мой занят был делами,
Следить за мною он не мог,
А как поднялся я годами,
Тогда я сам уж стал не плох.
Меня ничто уж не страшило,

Я познакомился с тюрьмой,
Куда всегда меня тянуло,
Как сына к матери родной.

После двух тюремных сидений последовало убийство.

Вспоминая о нем, П–кин говорит: «Тысячи ведь были у нее, у моей хозяйки – Христовой невесты. Если б не тысячи, не пошел бы на это дело. Разве уж я впрямь головорез какой, что мне, как плюнуть раз, так душу загубить не за понюшку табаку».

По логике П–кина, загубить душу можно, но для этого нужно иметь достаточные основания в виде «тысяч». Он считает головорезами тех убийц, которые совершают убийства из-за грошей.

Каторжник К–в питает большую склонность к стихотворству и всякую свободную минуту посвящает этому делу. В стихотворениях, которые я привожу ниже, высказываются интересные взгляды на преступления и на некоторые их причины.

Говоря об убийцах, я всякий раз подчеркивал их неудержимое тяготение к удовольствиям, во главе которых стоит уродливо развитой половой инстинкт. Ради удовлетворения его преступник не останавливается перед жесточайшими преступлениями.

В стихотворениях К–ва эта причина преступности резко подчеркнута.

Стихотворения очень длинны, и я ограничусь отрывками из них. Дело идет об одной казачке, которая была сослана в каторгу за убийство мужа, и об ее любовнике-каторжнике.

. . . .
Улик нашелся целый воз.
Ее в убийстве уличили.
И суд ей каторгу поднес
С прогулкой в рудники Сибири.

* * *

И здесь, призванию верна,
Умея «дуть в свое кадило»[1],
Кокеткою слыла она
И многих за носы водила.

---

[1] Уметь «дуть в свое кадило» – хорошо знать свое дело.

***

У ней последней жертвой был
Какой-то каторжник Е–ев,
Который так ее любил
И так всегда ее лелеял,
Что с ада был готов достать,
Чего б она ни пожелала.
Готов был красть и убивать,
Лишь бы она так приказала.

Все, что добывал Е–ев, уходило на эту женщину. Подошли плохие времена, денег не было, а без них он должен был отказаться от нее, но...

...Тут уж, видно, быть греху.
Ему красавица сказала,
Что деньги есть и на виду,
Лишь бы рука не задрожала.

***

И стал, как бешеный, ходить
Он, страшной думою объятый.
Пока, чтоб дело совершить,
Не подтолкнул его «рогатый.

. . . .

Е–ев решил убить богатого мужика М–ова, на которого указала любовница:

Однажды утром, до зари,
Еще и солнышко не всходит,
Как в луже спекшейся крови
Семью М–ова находят.

***

Две дочки, старая жена
И сам М–ов, жертва рока,
Под взмахом грозным топора
Уснули крепко и глубоко.

Убийца не нашел денег, и автор, осуждая его, говорит:

Ему и петли даже мало,
Что деньги в бедности искал.
Ужель богатых не хватало?
. . . .

Затем поэт принимает под свою защиту убийцу в говорит:

...Да кто ж из нас не согрешал?
Убил, украл, так что ж такое.
Вся наша жизнь ведь так идет.
Сегодня ты схватил чужое,
А завтра мой убить черед.
И то случится, что родную
Ты даже мать не пощадишь,
А то убить семью чужую, –
Какой тут грех признать велишь?

По своей психологии и логике этот преступник-поэт нисколько не отличается от П–кина (см. выше) и других преступников, которые не находят греха в том, чтобы убить *чужого* и *богатого* человека.

Один преступник, которого я знал на Сахалине убил стариков (мужа и жену), приютивших его на ночь, и когда я его спросил, не жалко ли ему было убитых, простодушно ответил: «Зачем жалеть? Другое дело, когда из родных кто умрет... поплачешь, а тут люди чужие»...

Haveloc Ekllis говорит в своей книге («Преступник») об одном грабителе, который писал в своих записках: «Страх угодить в тюрьму и воображаемое угрызение совести, о чем люди толкуют, – все это вещи, к которым скоро привыкают и которые в конце-концов доставляют приятное ощущение... Будучи арестованы, мы живем на счет других... на счет лиц, которых мы же ограбили».

Дальше он говорит, что желал бы подольше посидеть в такой тюрьме, где бы мог научиться хорошо «работать» (грабить, воровать), чтобы потом жить, «ничего не делая».

Жить, ничего не делая – вот заветный идеал преступника, ибо он питает органическое отвращение к честному труду.

Один сахалинский каторжник пишет в своем стихотворении:

Накажи меня Бог, бедокурного –
Ослепит мне пусть молнией оченьки,
Разрази меня тотчас же гром,
Если лгу я, что нет моей моченьки
Жить на свете, питаясь трудом.

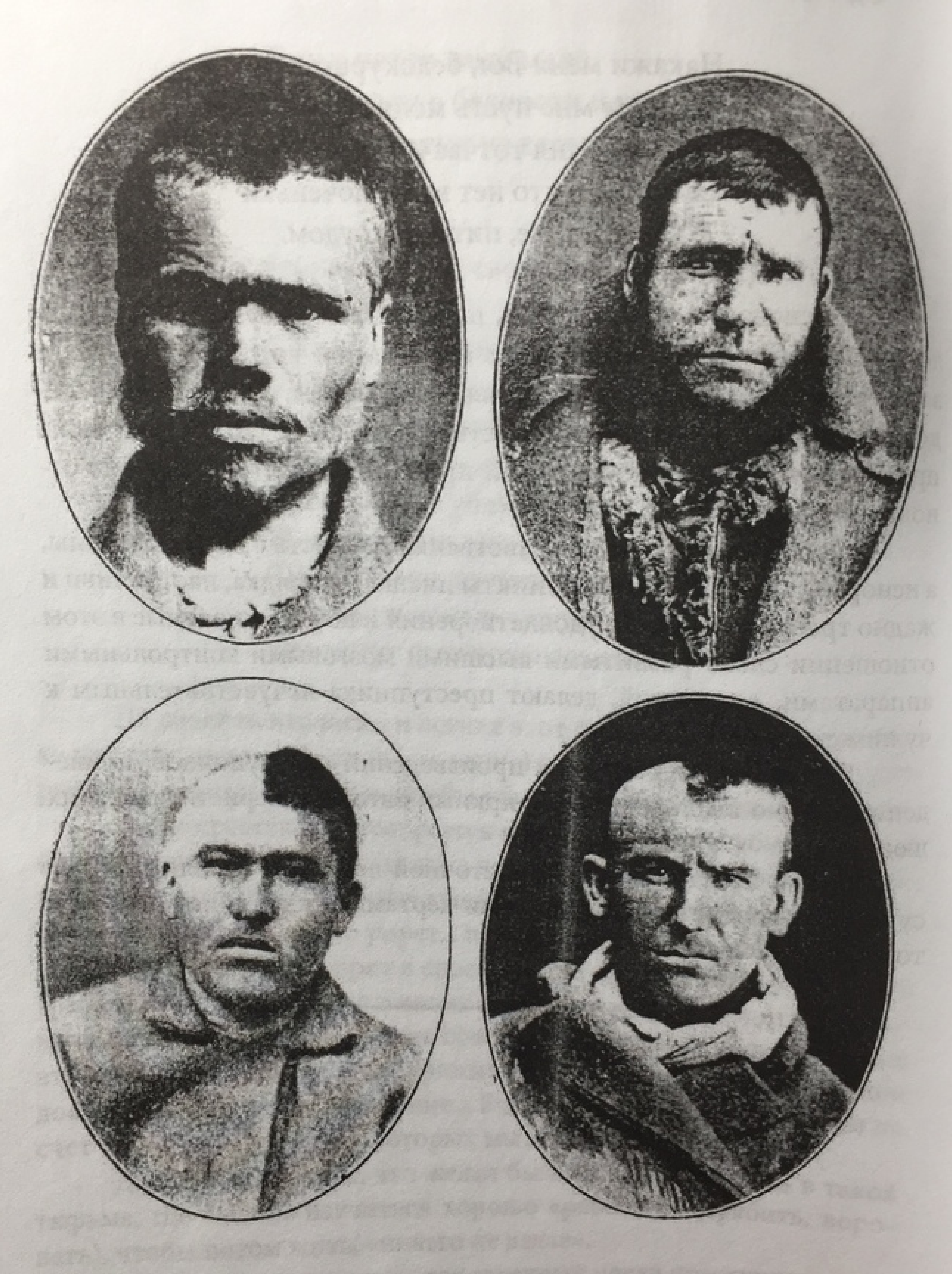
На основании наблюдений, произведенных мною над наиболее типичными представителями преступной армии, я пришел к заключению, что преступник, являясь человеком, болезненно сосредоточивающим внимание на собственном «я» не может себе ясно представить вредоносности своей преступной деятельности по отношению к другим.

Нездоровый эгоизм и нравственная тупость с одной стороны, а ненормально развитые инстинкты низшего порядка, настойчиво и жадно требующие своего удовлетворения и не сдерживаемые в этом отношении слабо развитыми высшими мозговыми контрольными аппаратами, – с другой, делают преступника нечувствительным к чужим страданиям.

Отрывки литературных произведений преступников, приведенные мною выше, являются яркими автохарактеристиками этих людей.

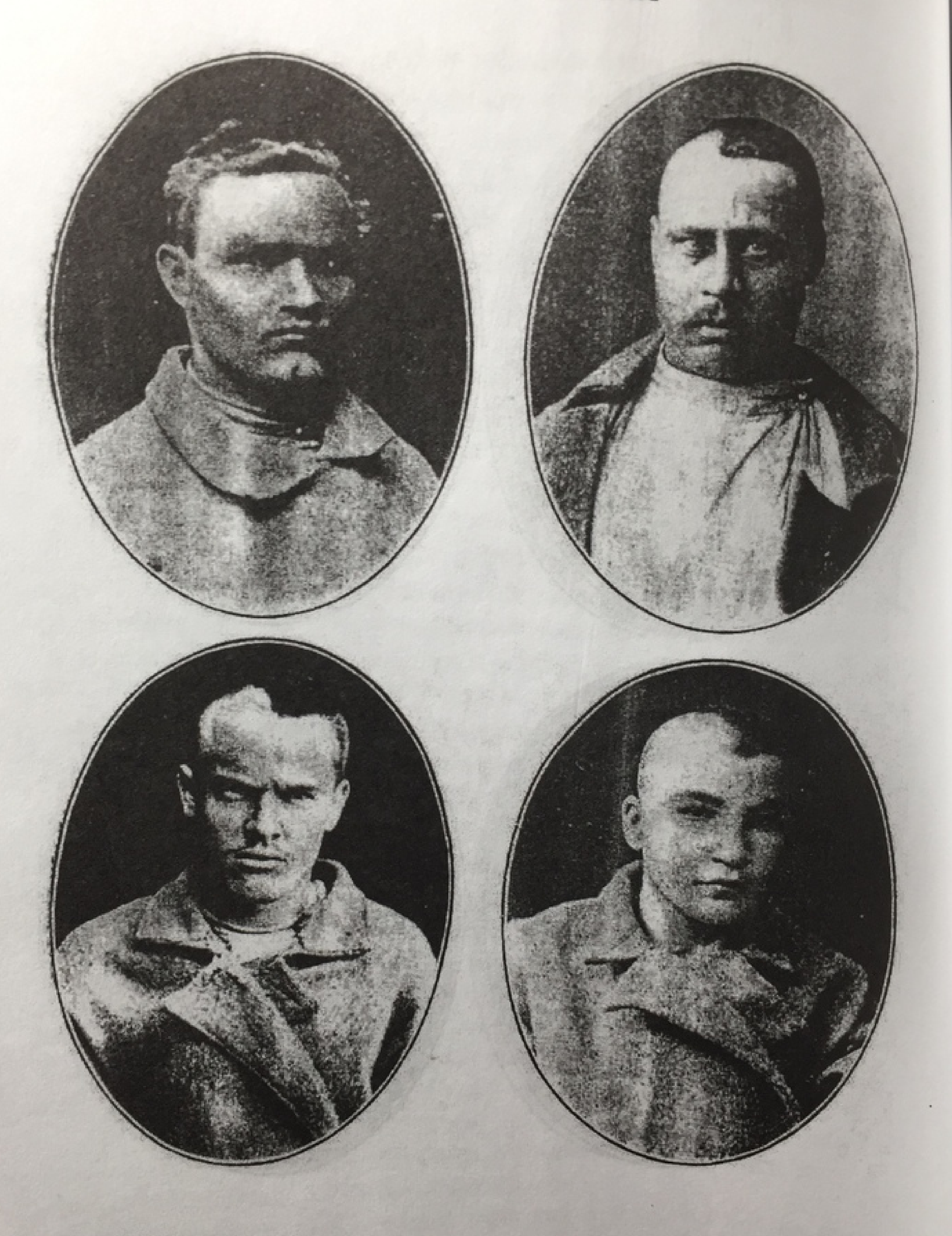
В них преступники с достаточной ясностью и полнотой рисуют свои портреты со всеми теми чертами психики, на которые я только что указал.

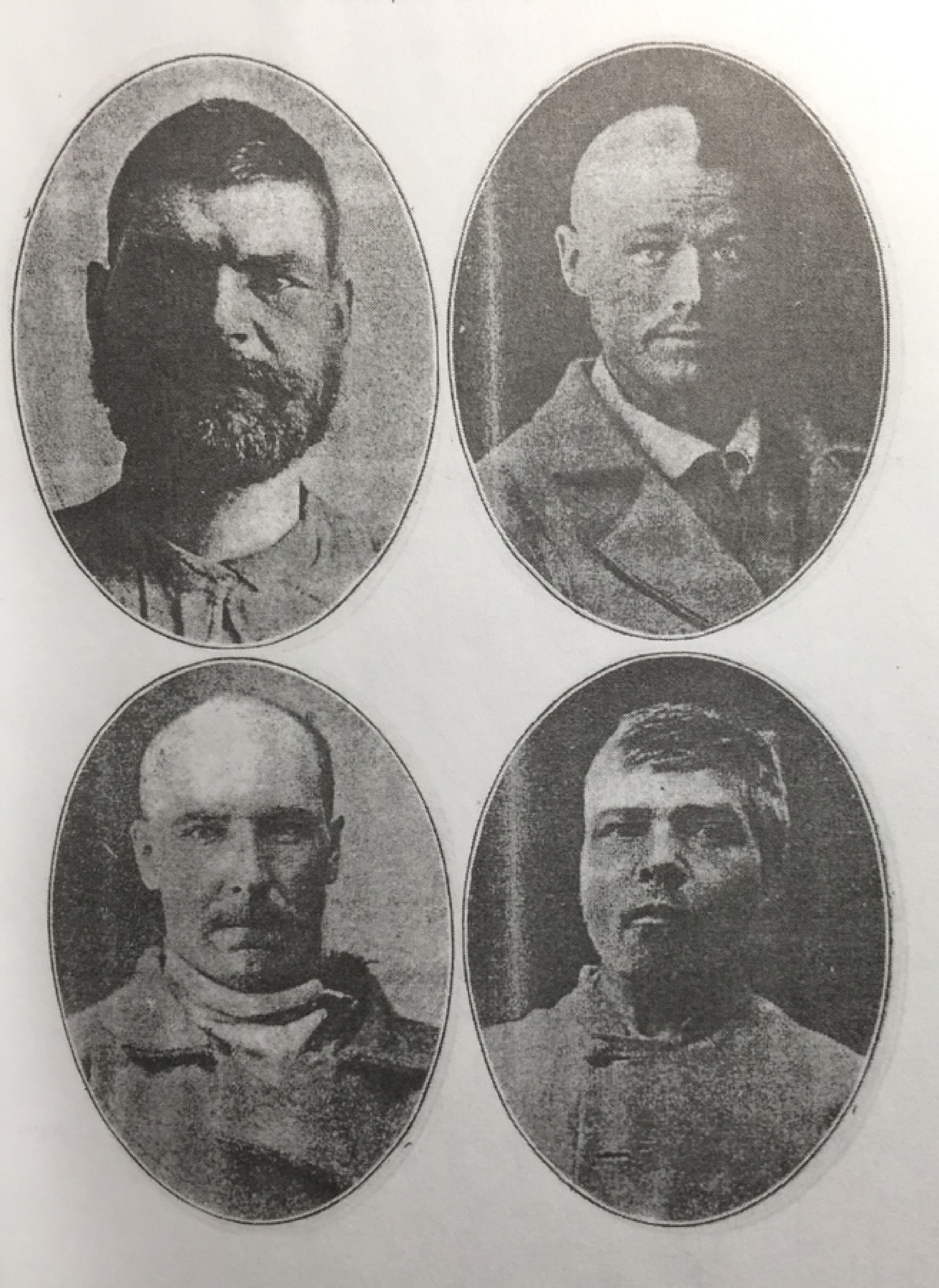
УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

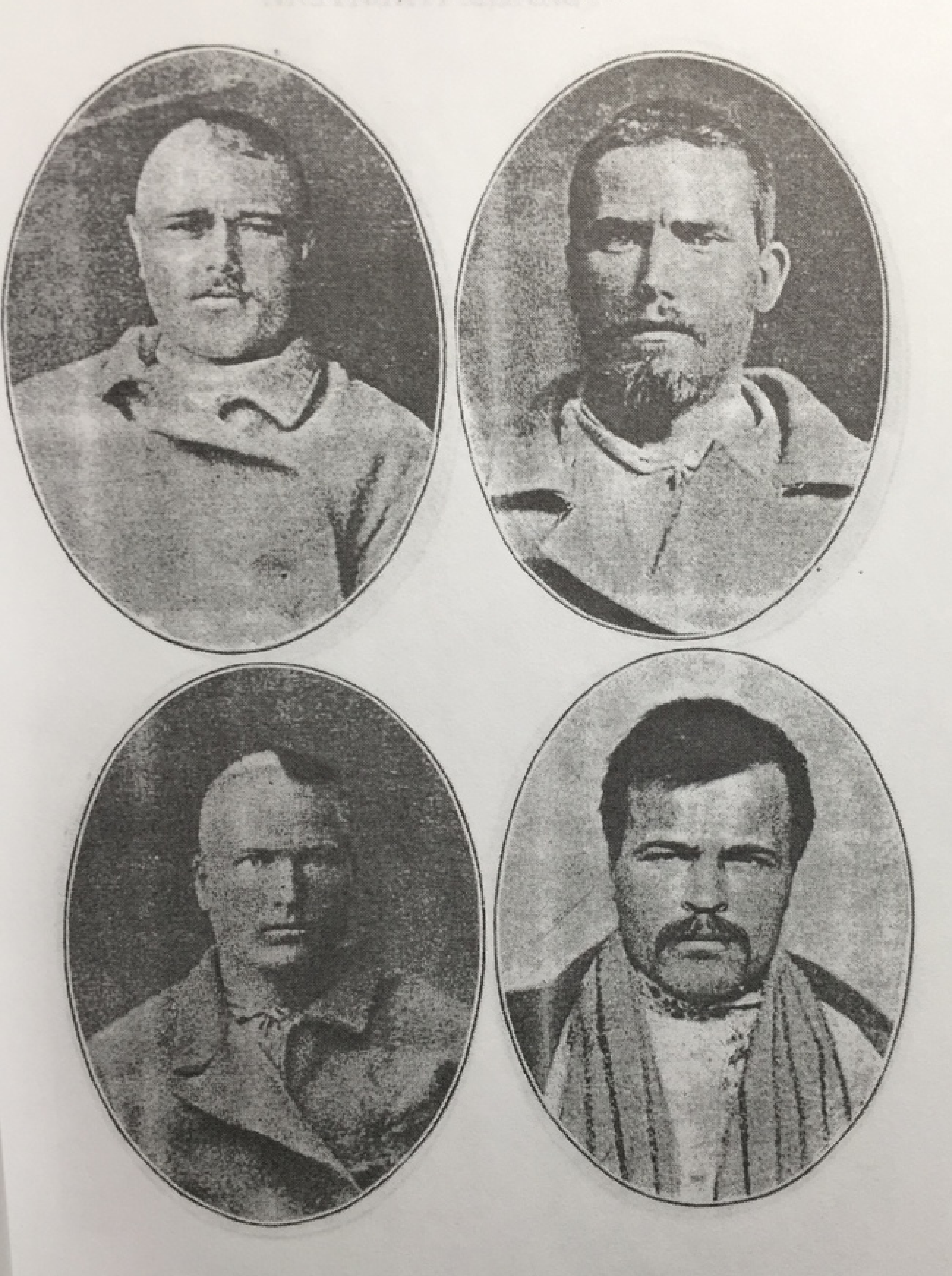

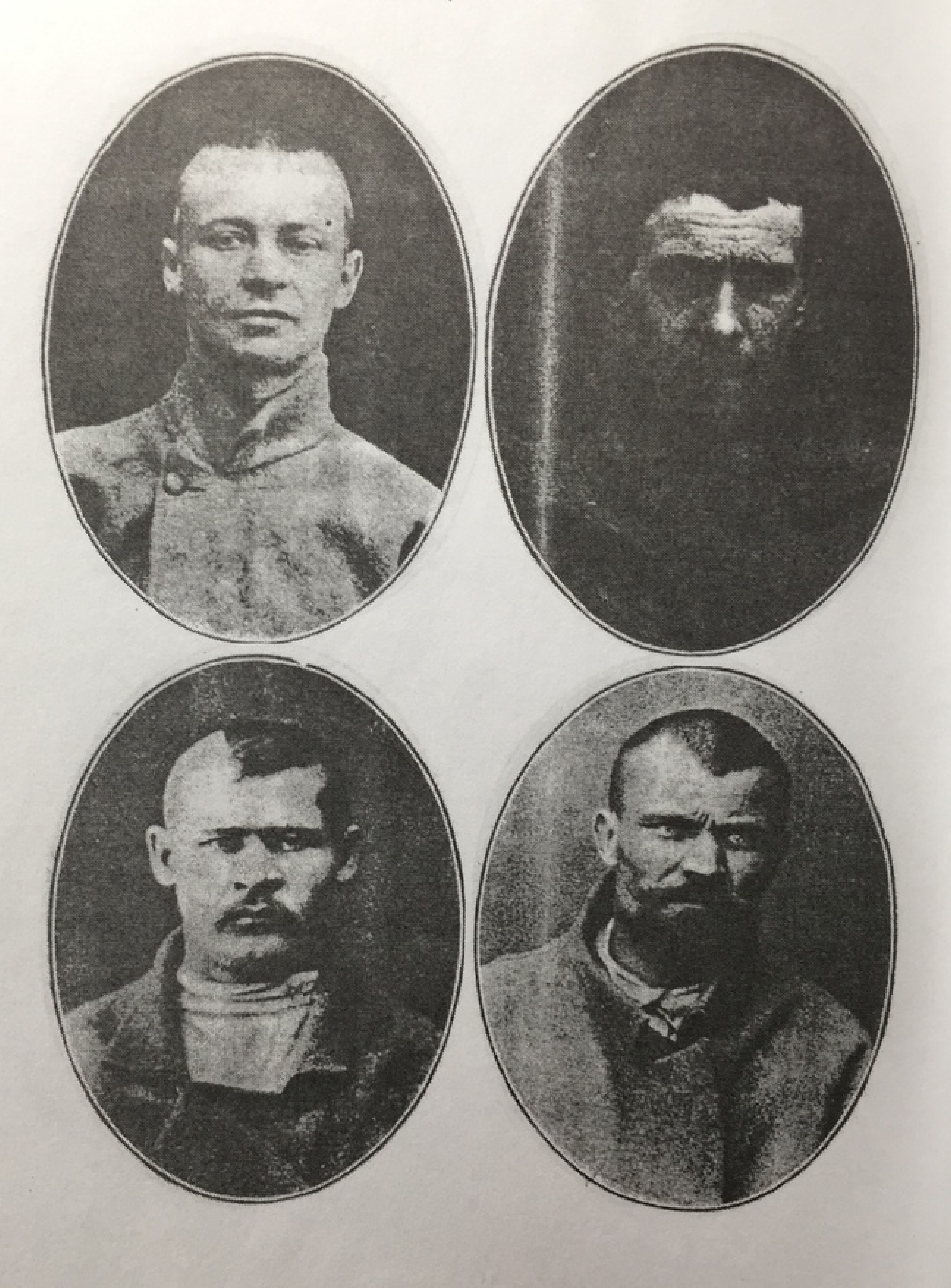

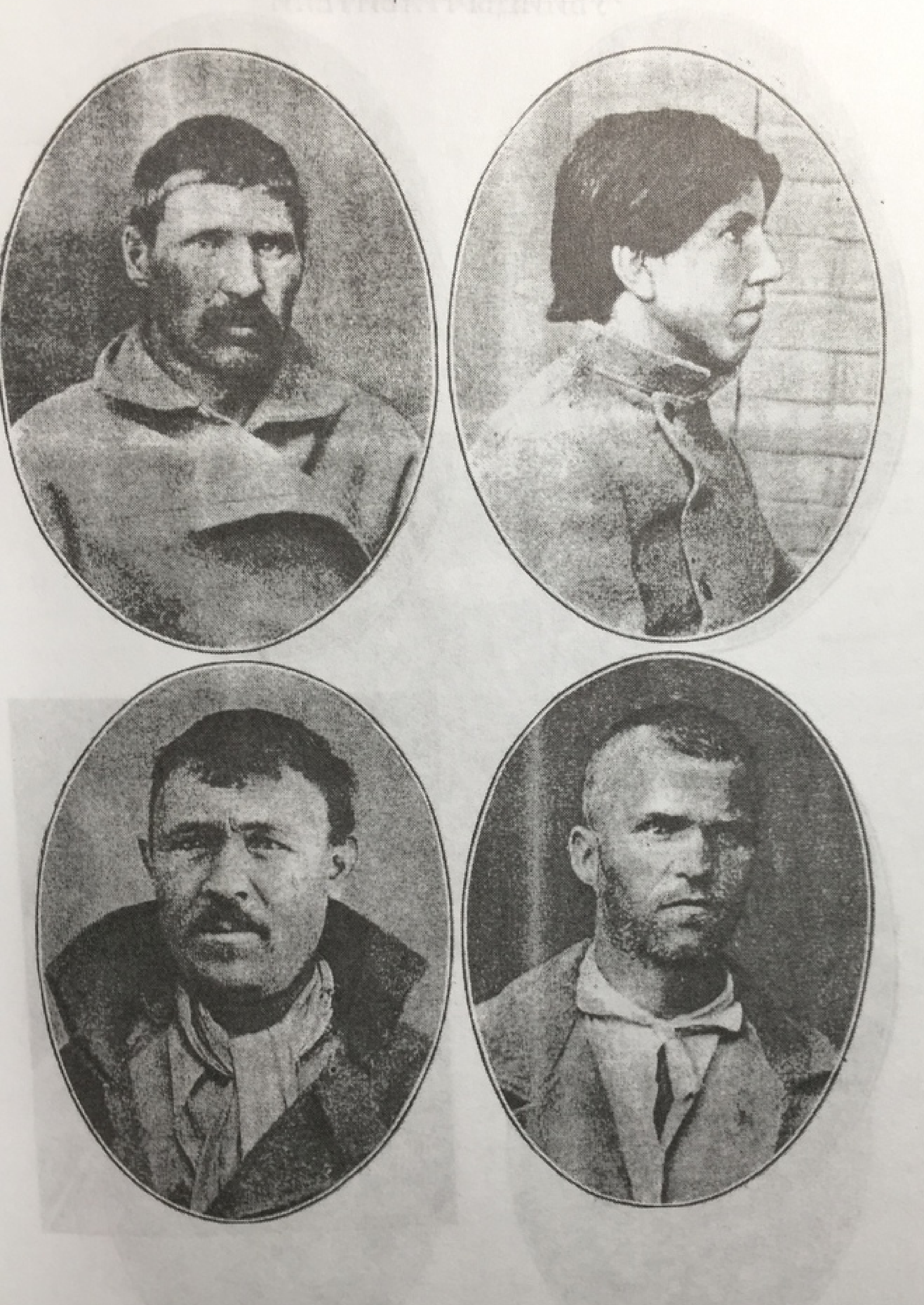

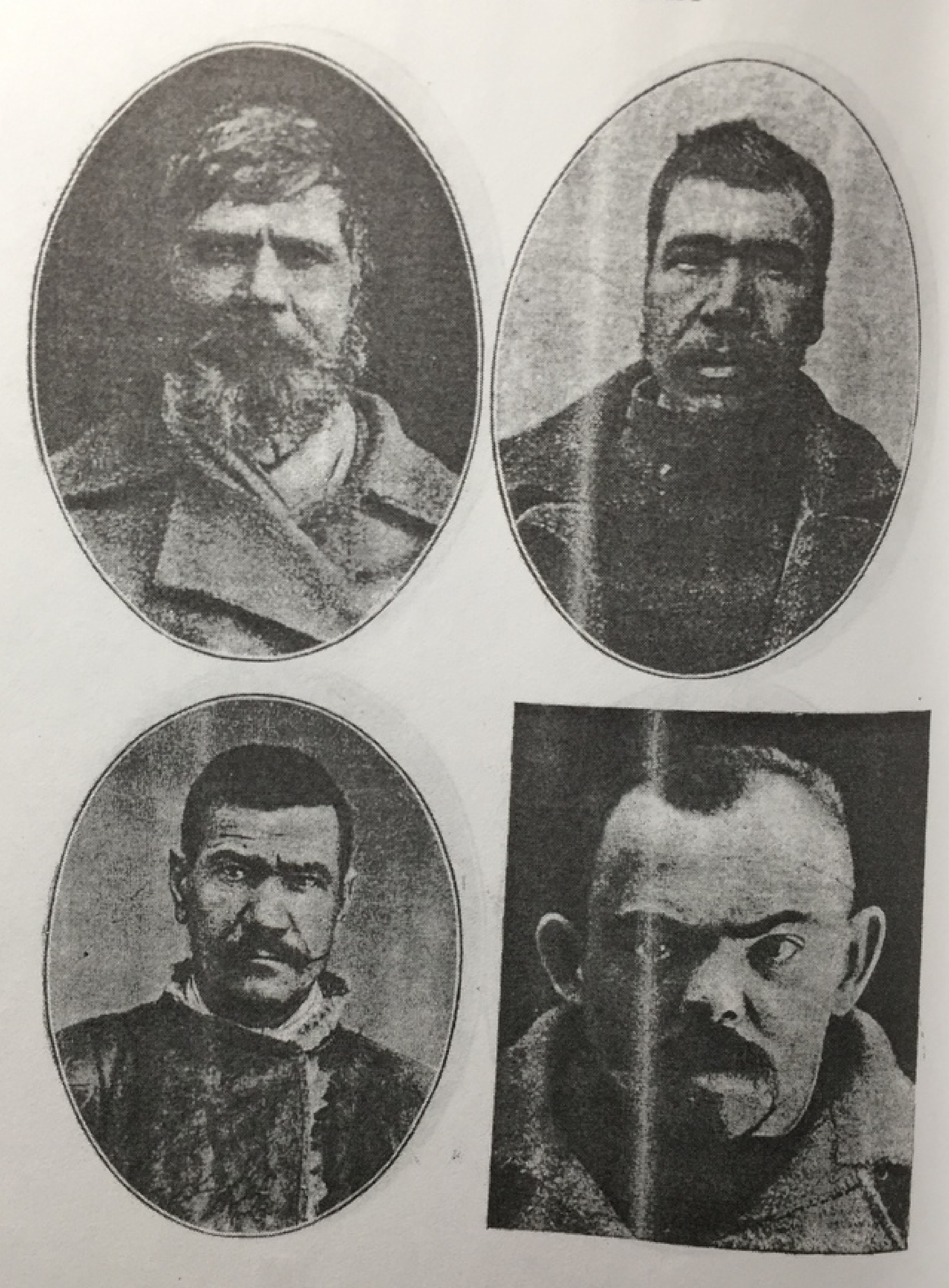
УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

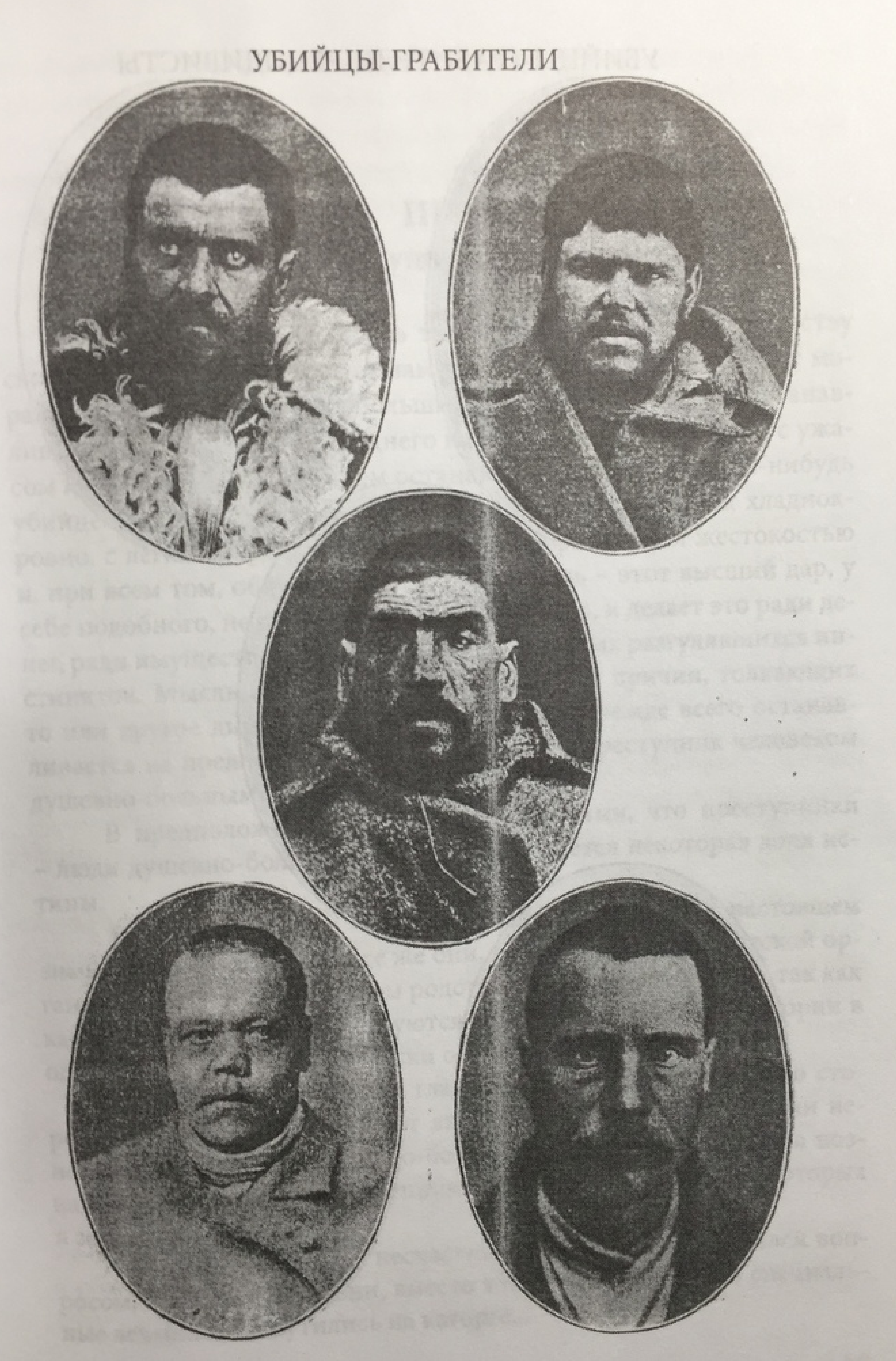

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

III.
Убийцы – душевно-больные

Преступная деятельность того или иного лица, по существу своему, резко расходясь с нормами, выработанными законом и моралью и привычными для большинства людей, невольно останавливает на себе внимание среднего нормального человека. Он с ужасом и понятным недоумением останавливается перед каким-нибудь убийцей; ум его не может помириться с тем, что человек хладнокровно, с легким сердцем, весьма часто с поражающей жестокостью и, при всем том, обдуманно, отнимает жизнь – этот высший дар, у себе подобного, не щадя ни малого ни старого, и делает это ради денег, ради имущества, ради удовлетворения своих разгулявшихся инстинктов. Мысль нормального человека ищет причин, толкающих то или другое лицо на преступный путь, и прежде всего останавливается на предположении, не является ли преступник человеком душевно-больным?

В предположении, разделяемом многими, что преступники – люди душевно-больные, несомненно, кроется некоторая доля истины.

Если преступники – люди не душевно-больные в настоящем значении этого слова, то все же они, по своей психофизической организации, состоят в близком родстве с душевно-больными, так как кадры, из которых рекрутируются те и другие, имеют свои корни в одной и той же психофизически оскуделой, порочной семье.

Показав в предыдущей главе преступников, которые со стороны своих психических черт являются до известной степени ненормальными, но не душевно-больными, в настоящей главе я познакомлю читателей с преступниками душевно-больными, которых я знал на Сахалине.

Встречаясь с этими несчастными, я невольно задавался вопросом, каким образом они, вместо того, чтобы попасть в специальные лечебницы, очутились на каторге...

Ссыльно-каторжный П–шев сослан в Сибирь на поселение за поджог. В Сибири дважды судился за покушение на убийство и был приговорен к 15 годам каторги и ста плетям.

С 17-летнего возраста П–шев, живя в селе, стал всячески бороться с деревенскими неправдами. То он публично обличал в неправдах своих однодеревенцев и сельских властей, то писал о деятельности этих властей всякому начальству включительно до губернатора, то посылал обличительные корреспонденции в газеты. Он – горячий обличитель всех деревенских зол, он – стойкий защитник всех угнетенных и обездоленных. За свою обличительную деятельность он много раз сидел в кутузках и вообще терпел всякие мытарства, но это нисколько его не охлаждало и он продолжал упорно идти своей дорогой. В конце-концов, не найдя нигде управы на одного из своих односельчан, он поджег его амбар и за это был сослан в Сибирь.

Здесь П–шев нашел широкое поле для своей обличительной деятельности, ибо жизнь ссыльных в Сибири была окружена сплошной, беспросветной неправдой. Он настойчиво и страстно борется с представителями тюремной администрации, за что терпит многочисленные и жестокие наказания. Его секут; по целым месяцам держат в карцерах, закованного по рукам и ногам, а он все не унимается, все обличает. Он подает сотни прошений различным лицам и учреждениям, начиная с тюремного врача и кончая генерал-губернатором.

В одном из прошений, поданном им начальнику нерчинской каторги, он пишет: «... Члены Государственного Совета не заинтересованы истягощением каторжников, а заинтересованы лишь исправлением поведения и безусловно отрицают деспотство. Мнение оное я признаю благим, но оно исполняется лишь на словах, подобно «блажен муж», а на деле «вскую шаташеся». В сем, я имею честь объяснить в–му в–дию, что я не могу равнодушно смотреть, как братья и сестры и я сам помираем в деспотстве... Я не в силах вынести всех нелепостей, зависящих от корыстолюбия... Я был вынужден написать прошение на имя в–го в–дия. Я прошу командировать ко мне надлежащего чиновника или вызвать меня в г. Читу... Начальник тюрьмы Д. ход оного прошения отказал и меня месяц содержал в темном карцере в ручных и ножных оковах и с обманом вызвал меня

в лазарет и, между прочим, привязал меня к «кобыле»[1] и причинил мне жесточайшее телесное наказание, от которого я изъят, согласно врачебного свидетельства, и отдал меня под покровительство и правосудие избранной им шайки тюремных авантюристов!»

В заключении своего прошения П–шев пишет: «Я просил снять с меня звание психопата, а они постановили 30 дней одиночного заключения в ручных и ножных оковах и препровождают оное при моем статейном списке сахалинскому губернатору, что для меня крайне прискорбно и удивительно». «Управление нерчинской каторгой уподобилось обличить мое отечество владычеством, торжеством и вампирством древних софистов, попирают истинную правду сущей ложью и выдают меня на страдания великого Сократа, пострадавшего за право, за правду, идеи и свободы народов. Я не откажу себе выступить на сцену общего заключения и дополнения философских проблем и психологических вопросов. Хотя тяжба моя с упомянутыми вампирами неравносильна, но я смею сказать, что «не в силе Бог, а в правде», и правды не умолчу вовек!!»

Долгие годы провел П–шев в сибирской каторге, перенес неисчислимое количество наказаний за свое искание правды, но не сдавался и во время наказаний кричал: «правды не умолчу во век!!»

Сибирская тюремная администрация перепробовала все виды наказания для исправления этого «злостного» преступника и, истощив свое терпение, решила его сплавить, как неисправимого, на Сахалин.

В первый раз я увидел П–шева в день прибытия его на Сахалин, на пристани. Несколько странный вид его заставил меня обратить на него внимание. Я заговорил с ним. Быстрая, несвязная и нервная речь, дрожание рук, подергивание лица – все говорило за то, что передо мной человек не совсем нормальный. Узнав, что я врач, он сейчас же стал жаловаться на свои недуги. «У меня, – говорил он, – angina pectoris и stenocardia (болезнь сердца), а они присудили меня к ста плетям. Разве это можно»?[2] Я принял его в лазарет, а через несколько дней ясно обнаружилось, что он душевно-больной. Он передал мне прошение на Высочайшее имя.

[1] Скамья, на которой наказывают арестантов.

[2] За покушение на убийство двух каторжников П–в действительно был приговорен к ста ударам плетьми.

В прошении было написано: «Честь имею утрудить Особу Вашего Императорского Величества сим: вызвать меня в кабинет Ваших чертогов, имеющего к Вам аудиенцию, которая не требует отлагательства. Мною пройден терновый, колючий путь; я достиг элемента Иоаннова и нахожусь на о-ве Сахалине, взамен о-ва Патмоса и исполняю слова апостола Фомы. Я пишу настоящим русским акцентом нашего языка, что ныне исполнилось все: теория и практика да произошли вместе. Таинственный репортер, социал-демократ (он пишет: «ссециал») П–шев».

Через несколько дней он подал бумагу старшему врачу лазарета такого содержания: «Старшему врачу о-ва Сахалина, таинственного репортера, самоучки, свободного гражданина и сына отечества России, П–шева. Критика. Приговором енисейского губернского суда, состоявшимся 31-го июля 1890 года, я приговорен в каторжные работы на 13 лет. Ныне я не помню, какой год, по Монаршей милости, мне следует 4 года. Я имею право быть теперь поселенцем, а вы, в–ше в–дие, заботитесь запихать меня в тюрьму. Кроме того, я одержим болезнями. Я за целую мою жизнь не совершил никаких преступных деяний, достойных уголовного суда, а страдаю лишь по оговору моих недоброжелателей. Когда я из вас укладу спать коголибо, тогда я с удовольствием сяду в тюрьму. У нас и так кругом вода, а посредине беда. Я страдаю, как страдал премногоуважаемый мною господин Чернышевский. Честь имею заявить, что мне требуется необходимое по возможности занятие. Законов лживых я не исполняю и власти не повинуюсь! Прошу исправить по грамматике и обратить ко мне для переписки набело и потом в редакцию «Сына Отечества». К сему подписуюсь проситель свободный гражданин, сын отечества России П–шев».

В одном из своих многочисленных прошений, копии которых передавал мне, он пишет: «Не в силе Бог, а в правде». В силу существующего закона и по роду имеющейся у меня болезни, покорнейше прошу снять с меня обязательство и водворить на поселение, где я приму энергические меры дельными и полезными трудами, хотя бы при новостроящейся Сибирской ж. д., снискивать себе пропитание, где надеюсь быть полезным не только медицинскими, но и технологическими услугами, в чем прошу быть уверенными и, смею, можете надеяться, а слово «каторжник» я совершенно стираю из книги жиз-

ни всякого человека, живущего под кровом неба. Ныне же я крайне обижен и к преступлению готов. Пеньковый галстук мне не страшен».

По-видимому, П–шев никогда не подвергался судебно-психиатрическому исследованию. Если бы это было, то, нужно думать, что он не попал бы на сахалинскую каторгу. Достаточно было познакомиться с писаниями П–шева, чтобы не осталось ни малейшего сомнения не только у врачей, но и у лиц тюремного надзора, в его душевной болезни, а между тем, начальство, знакомясь с этими писаниями, приходило к заключению, что П–шева нужно запирать в темные карцеры, заковывать в кандалы и нещадно сечь.

На Сахалине П–шев обличает начальство за пищу, за дурные помещения, за телесные наказания. Однажды, натолкнувшись в тюрьме на телесное наказание, он снял с «кобылы» приговоренного, разогнал надзирателей, ударил палача и обругал начальника тюрьмы.

Вслед за этим он побежал в камеру и там написал бумагу, которую послал начальнику тюрьмы. В бумаге было написано: «Я, нижеподписавшийся, начальник тюрьмы, даю эту подписку таинственному репортеру П–шеву в том, что отнюдь не буду истязать братьев и сестер моих, ибо члены Государственного Совета не заинтересованы» и т. д. (см. выше).

В П–шеве, человеке, одержимом глубоким психическим расстройством, меня поражала его наблюдательность, его способность подмечать даже и самые малые сахалинские грехи. Его характеристики событий и лиц на о-ве Сахалине, приводимые им в своих писаниях, поражают своей правильностью и полнотой, принимая во внимание его глубокое психическое расстройство. В прошениях П–шева, наряду с бредовыми идеями, рассыпано столько интересных замечаний и наблюдений о сибирской и сахалинской каторге, что они могли бы послужить ценным подспорьем историку русской каторги.

В докладной записке на имя генерал-губернатора П–шев пишет: «Честь имею утрудить особу в–го п–ства и покорнейше прошу о нижеследующем: господин начальник тюрьмы в действительности обличает себя в звании сатаны, злоупотребляет жизнью тружеников и пьет кровь всего народа. Бедно страждущая братия моя, во

избежание деспотизма иезуитов, невольно умалчивает и не доносит жалоб вашему высокопревосходительству. Начальник причинил несчастному портному Ив. жесточайшее телесное наказание, заковал и заключил в кандальное испытуемое отделение. По долгу взятой на себя обязанности с 1877 года, я проехал большую половину моего отечества и нигде не видел, чтобы с вола можно было добывать две шкуры.

«Кроме того, начальник насильственно и деспотически сводит браки страждущих братий и сестер моих[1]. Поступки оные влекут за собой преступные деяния[2]. При том же морит в карцерах: на одну кубическую сажень воздуха сажает по 3, 4 и 5 человек и потом причиняет жесточайшие телесные наказания, – словом, приготовляет всеобщий бунт.

«При подобных членах, как смотритель З. и поддувало ада М. (старший надзиратель тюрьмы), исправления поведения братьев и сестер моих отнюдь быть не может. Смотрителя З. и надзирателя М. уберите с острова, как кровопийц и негодяев, а то я за себя не ручаюсь...

«Со мной было поступлено неоднократно весьма деспотически, что меня успокоить не может, ибо я социал-демократ – практикант и правды не умолчу вовек. Поведение мое удовлетворительно; люблю личный и честный труд и восстановляюсь на высшую степень, лишь обижен здоровьем физическим: диагноз мой свирепствует и лечению не уступает, в особенности при каких-либо незаконных против человечества обид...»

Когда П–шев находился в спокойном состоянии, что случалось очень редко, то все разговаривавшие с ним находили его здравомыслящим. В области обычных разговоров и дел, он ни единым намеком не показывал, что психика его глубоко расстроена. Для меня являлось совершенно несомненным, что и поджог, и убийство он совершил, будучи душевно-больным. Отбывал этот человек каторгу единственно вследствие невнимательного к нему отношения. Таких людей, обыкновенно, считают сутягами, назойливыми просителями и вообще беспокойными и вредными людьми.

---

[1] На Сахалине ссыльно-каторжн. женщины отдавались начальством, весьма часто принудительно, в сожительство поселенцам.

[2] Весьма часты на Сахалине убийства сожителями сожительниц и наоборот.

Ре–нов из бродяг, непомнящих родства, был водворен на поселение в Сибирь. За упорное скрытие своего родопроисхождения и места побега был присужден к временным заводским работам на 5 лет и к 25-ти ударам плетьми.

Отбыв срок работ, Ре–нов судился за поджог и покушение на убийство чиновника. За эти преступления и за буйное поведение был присужден к 50-ти ударам плетьми и к ссылке на Сахалин. Здесь он был помещен в психиатрическое отделение.

Подобно П–шеву, он ищет правды; на словах и письменно постоянно требует, чтобы ему объявили «законную резолюцию». «Всякие испытания я перенес, – рассказывал мне Ре–нов: – испытывали меня розгами, испытывали плетьми, испытывали прикладами и кулаками; сокрушали ребра мои и связывали веревками, но я исполнился духа, испытания перенес, веревки разорвал. Видят, аспиды, что ничего со мной не сделают, и стали испытывать меня химическим путем, при помощи электрического мыла!»

Ре–нов называл себя правителем природы, главой винта вечно движущейся машины. В качестве «правителя природы» считает себя вправе обращаться с начальством презрительно и высокомерно. Все наказания, выпавшие на его долю, и ссылку на Сахалин Ре–нов считает испытанием, посланным свыше. Все атмосферные явления и стихийные бедствия (бури, наводнения, лесные пожары) – «дело его рук», чтобы напомнить неблагодарному человечеству о себе.

Ре–нов одевался в кафтан из арестантского сукна, обшитый галунами; волосы перевязывал лентой. Когда он гулял, на плече у него сидел прирученный белый голубь. «Я кроток, как этот голубь, и сердце мое чисто», говорил он. В минуты возбуждения Ре–нов, обладавший чудовищной силой, все разрушал вокруг себя: ломал мебель, вышибал двери и окна, выворачивал телеграфные столбы, но никогда не чинил насилий над людьми. «Я – избранник природы, я блюститель мировых судеб, я сын человеческий и не прикоснусь к сыну человеческому», говорил он. Единственный раз он «прикоснулся» к сыну человеческому. Недовольный за что-то на врача психиатрического отделения, он сорвал с него шапку, наполнил брусникой и в таком виде насильно надел ее на голову врача.

Ре–нов страдал пироманией (страстью к поджогам) и несколько раз пытался сжечь свое помещение, а однажды чуть не погиб в

огне, зажегши в своей палате тюфяк и подушки. Нужно ли говорить о том, что сахалинская тюремная администрация относилась скептически к душевному заболеванию Ре–нова, хотя он ее письменно и обвинял в том, что она испытывала его «химическим путем при помощи электрического мыла».

Б–нов сослан на Сахалин за покушение на убийство матери. Мне несколько лет пришлось наблюдать этого преступника. Кроткий и в высокой степени деликатный человек, поэт и мечтатель, Б–нов пишет нескладные стихи, мучится над решением вопросов о добре и зле, старается найти объяснение этих понятий в Апокалипсисе. Часто тоскует, не спит по ночам. Иногда целые дни лежит на кровати с высоко приподнятыми ногами. Говорит, что кровь отливает от верхних частей тела и наполняет ноги, которые делаются такими тяжелыми, что их с трудом можно оторвать от пола, а поэтому он, лежа так, старается перегнать кровь из ног в туловище. Б–нов передал мне тетрадь своих стихов с таким заглавием: «Сочинения моего двенадцати- и пятнадцатилетнего возраста. Стихотворил Б–нов».

Вот образчики его стихов:

«Экспромпт 5-часового труда, сказанный о мечте.
Циклодия (??)».

То праздник мне все вспоминался,
То плач ребенка слышен был,
То небосклон с зарей сливался,
Рыбак то важно в лодке плыл.

«Письмо на родину в стихах»

Шлю вам от искреннего сердца пожеланья,
Чтоб получили вы здоровье, радость и любовь.
Принять прошу от долгого молчанья
Все от того, в ком ваша кровь.
Чтоб вашей искрою ко мне благоволенья
Вздрогнуть могло оков моих кольцо;
Чтоб цепь от ран в крови, по мановенью
Могла б слететь, как это письмецо;

Чтоб чуждый я, незнаемый, позорный,
Заутрени услышать звон возмог;
Чтоб темным утром голос чудотворный,
Сказал бы мне: уйдем, ведь здесь острог.

В конце тетради стихов Б–нов пишет: «Ссылаясь на изложившиеся обстоятельства, находясь в которых, едва ли не всякий теряет верный центр цели стремления к жизни, но утрачивает энергию сил, мужество и тому подобное. Читателей прошу: почтите даром доблести.

И сочинения мои шарадой назовутся,
И ребусом для каждого в чертогах отзовутся.

Впрочем, стихи эти будут переизложены мной, так как непонятны и их автору. Последний стих меня смутил, понять я его не могу... нет... нет!»

Этот человек попал на Сахалин по недоразумению. Будучи душевно-больным, он все же разбирается во всем окружающем и сильно страдает, попав в среду преступников и в сахалинскую каторжную обстановку.

Штабс-капитан З., убивший в припадке ревности своего денщика и сосланный в каторжные работы, еще находясь под следствием, из тюрьмы подавал всюду, начиная со следственной власти и кончая Военным Министерством, проекты своих изобретений.

Всем изобретенным им машинам он дал название «Парадоксонов». Красиво и тщательно сработанные чертежи машин с объяснительным текстом он передал мне. Он изобрел «двигатель-Парадоксон, при помощи столба воды», «стальную воздушную артиллерию-Парадоксон», которая должна была подниматься на воздух при помощи безвоздушных цилиндров и конусов, и многие другие машины, название которых я теперь уже не припомню. В объяснительном тексте к чертежам машин приведены многочисленные математические формулы и вычисления. Во всех своих прошениях, сопровождавших проекты машин, он писал властям, что отдает свои изобретения государству для его славы и могущества и никакого вознаграждения за них не желает.

Достаточно было познакомиться с сумбурными проектами З., чтобы ни одной минуты не сомневаться, что человек этот осужден в каторжные работы за преступление, совершенное им под влиянием психоза.

З., вскоре по прибытии на Сахалин, был помещен в психиатрическое отделение. Здесь он все время разрабатывал свои проекты и хлопотал о помещении в тюремных мастерских для выделки изобретенных им машин-«Парадоксонов». Будучи человеком вполне спокойным, он пользовался полной свободой и мог гулять где угодно. Во время таких прогулок он посещал чиновников, врачей и всех горячо убеждал дать ему возможность осуществить его проекты, говоря, что они дадут миллионы и что теперь он не желает отдавать их государству, представители которого так невнимательно отнеслись к его предложению. Однажды врачи получили от З. такое письмо:

«Наш секрет»

«Милостивые государи, каждому из вас я выдам обязательство на один миллион моей уплаты. Будем друзьями! У кого из вас я сегодня пообедаю? После обеда в кабинете напишу обязательство. Изобретатель машин-«Парадоксонов» З».

Одним из врачей он был приглашен на обед, после которого выдал обязательство уплатить миллион руб. Как мог быть осужден в каторжные работы человек, когда он знакомил властей со своими проектами, когда с первых дней прибытия на Сахалин стало ясно, что он страдает резкой и далеко зашедшей формой прогрессивного паралича?

Учитель гимназии З–н сослан в каторгу за убийство гимназистки. Вскоре после совершения преступления он покушался неудачно на самоубийство, выстрелив себе в ухо.

На Сахалине он был помещен в качестве писаря в одну из канцелярий. Несколько раз он переменял места и нигде не мог ужиться.

За покушение на убийство на Сахалине был посажен в тюрьму для испытуемых (на Сахалине она носит название «кандальной» тюрьмы). Отсюда врачами, как проявивший признаки душевного расстройства, он был переведен в лазарет, откуда он подал начальни-

ку округа жалобу на врачей такого содержания: «Врачом П. я, неизвестно по какой причине, был объявлен душевно-больным. Никогда не страдая душевным расстройством, я не давал г. П. никакого повода своим поведением выводить обо мне такого рода заключение, тем более, что во все время, пока я находился в тюремном лазарете, я едва ли произнес десяток слов... По выходе моем из тюремного лазарета, доносившиеся до моего слуха, постоянно и неизвестно откуда, различные голоса сделались еще более явственными и отчетливыми. Мне постоянно и всюду слышались голоса, произносящие угрозы и подстрекательства к убийству.

«Голоса, постоянно изменяясь, мучили меня беспрерывно однородными вопросами, выпытывая у меня, кто мои родственники, их место жительства... Не понимая происходящего, но догадываясь, что это далеко не галлюцинация, я до такой степени терзался этими безостановочными явлениями, что доходил до исступления».

На З–на на суде и на Сахалине смотрели, как на человека здорового. Если бы во время следствия был возбужден вопрос о психиатрической экспертизе этого убийцы, он не попал бы в ужасающие условия сахалинской обстановки, исключающей всякую возможность выздоровления.

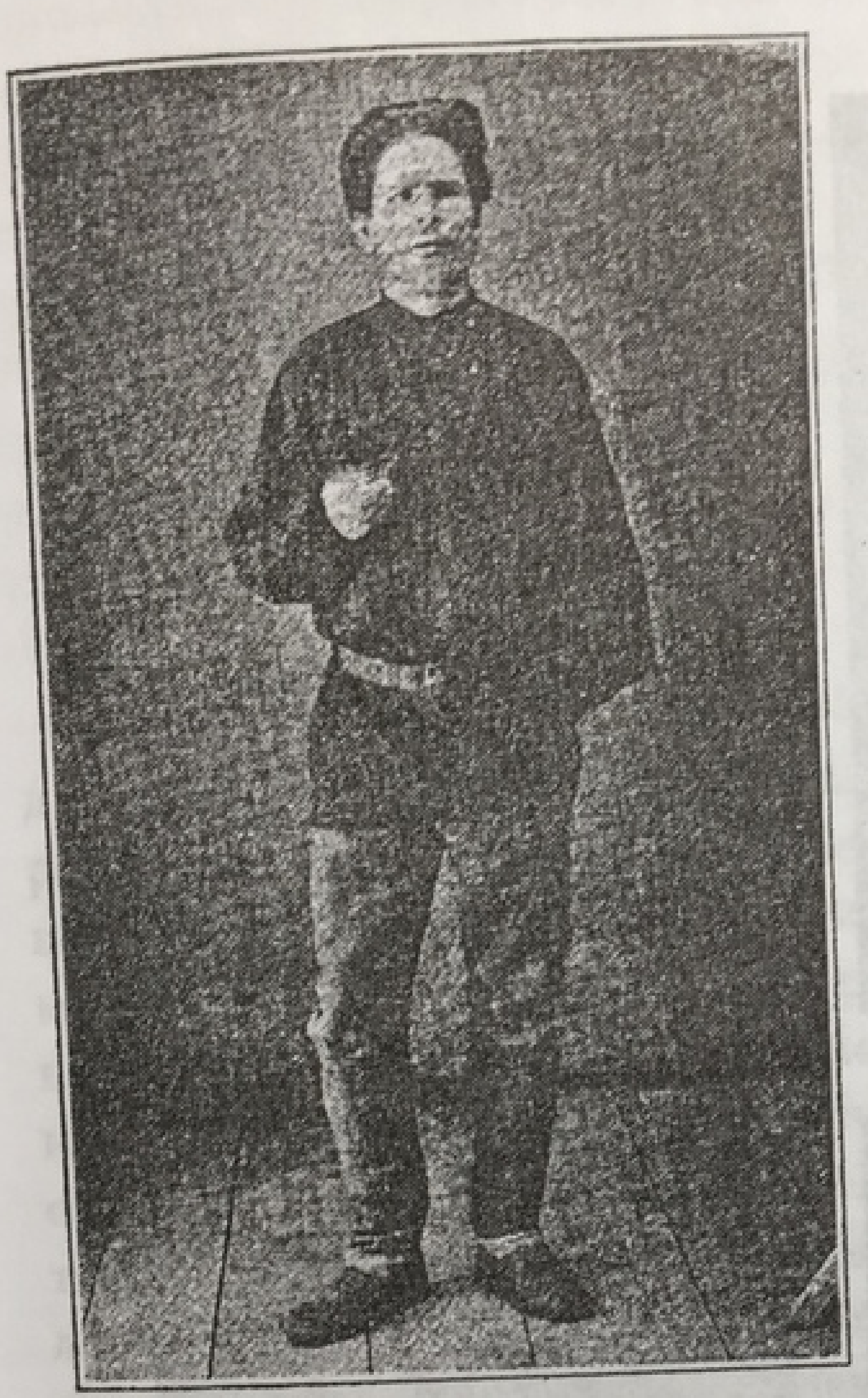
Всех на Сахалине поразило преступление ссыльно-каторжного В–ва, заключенного в одной из сахалинских тюрем за убийство и грабеж. В–в, сговорившись с одним из товарищей по тюрьме, бежал. В тайге он убил товарища и питался мясом, вырезанным из его тела. Вскоре он был пойман.

Я попросил его рассказать, как он совершил свое ужасное деяние. Он необыкновенно спокойно описал мне, как совершил убийство, подкравшись к товарищу сзади, как, затем, приготовил обед из печени убитого и мяса вырезанного из его тела.

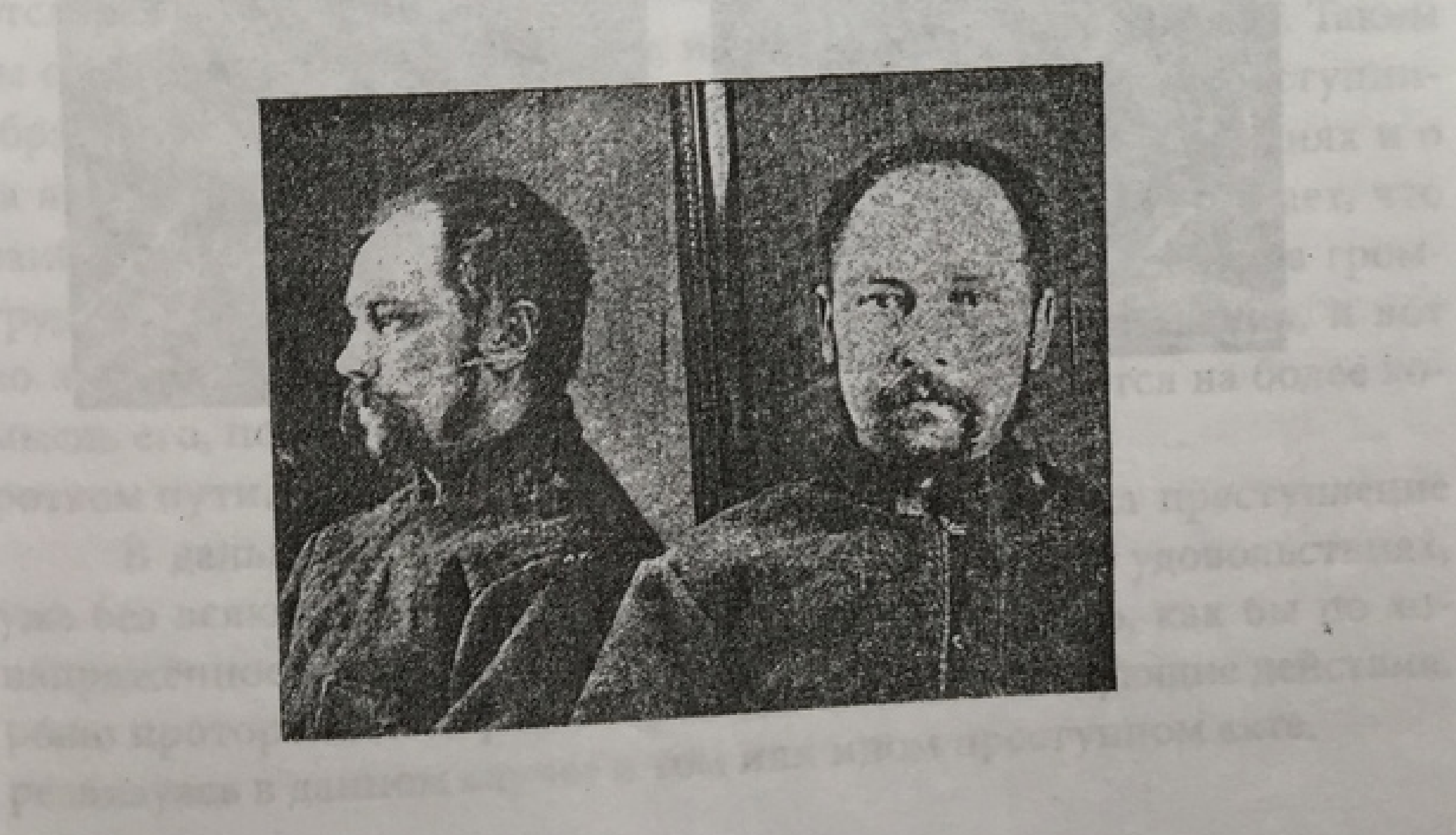
То невозмутимое спокойствие, с которым В–в описывал приготовление пищи из убитого им товарища, при чем, вспоминая подробности, он не забыл упомянуть, что в суп «для вкуса» прибавлял молоденькой крапивы, навело меня на предположение, что я имел перед собой человека с пораженной психикой. Предположение мое оправдалось вполне: будучи помещен в больницу, В–в начал проявлять резкие признаки душевного расстройства. Появились галлюцинации угрожающего характера, а за ними бред преследования.

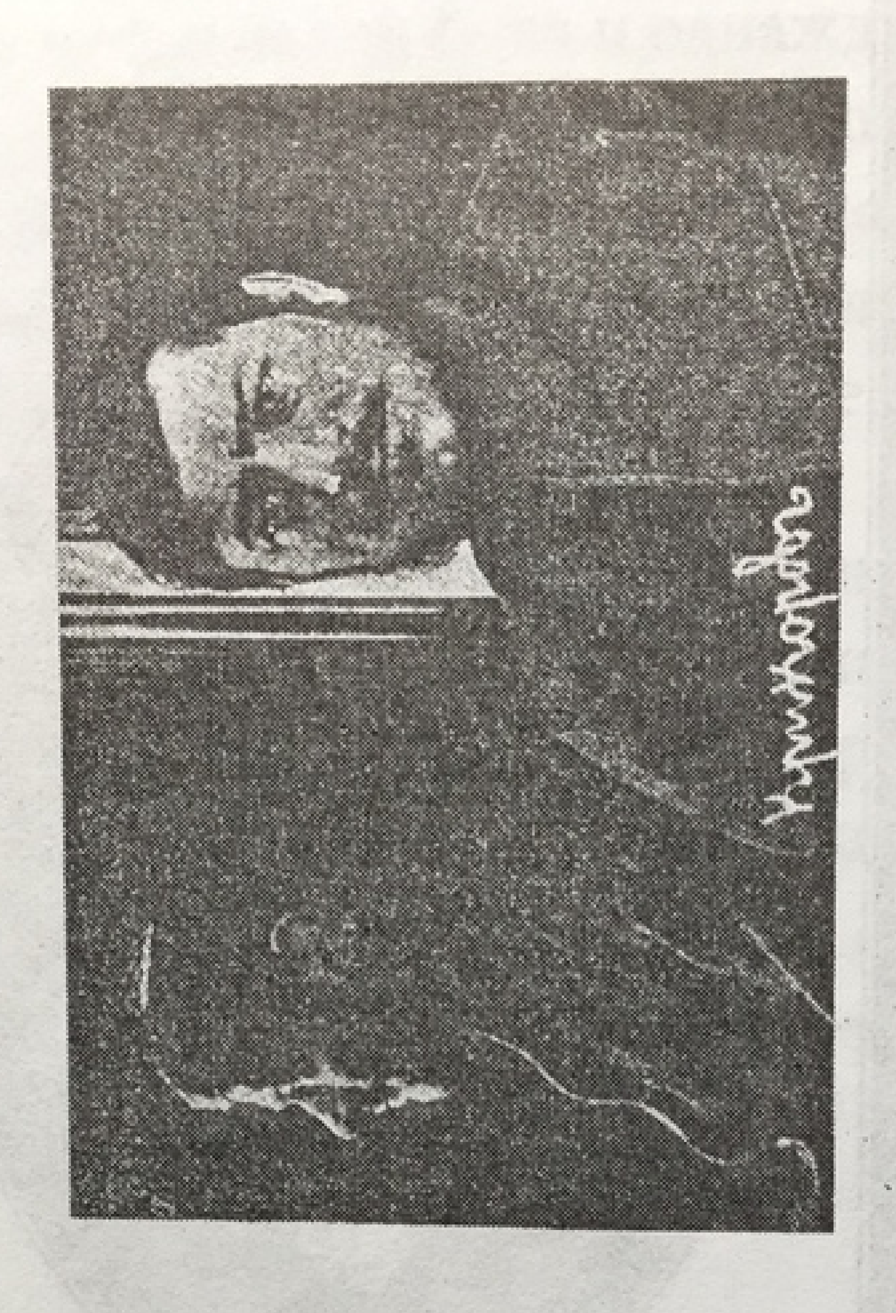
Под влиянием страха быть убитым товарищами он попросил, чтобы его перевели в тюрьму, в одиночную камеру. Здесь галлюцинации не покидали В–ва и однажды, ясно услышав, что надзиратели хотят сжечь его в одиночке, пришел в неистовство, выломал тяжелую дверь в своей камере, разогнал надзирателей и выбежал на тюремный двор, где его удалось взять только при помощи хитрости. Когда его вели в больницу, он весь дрожал, озираясь по сторонам глазами, полными ужаса...

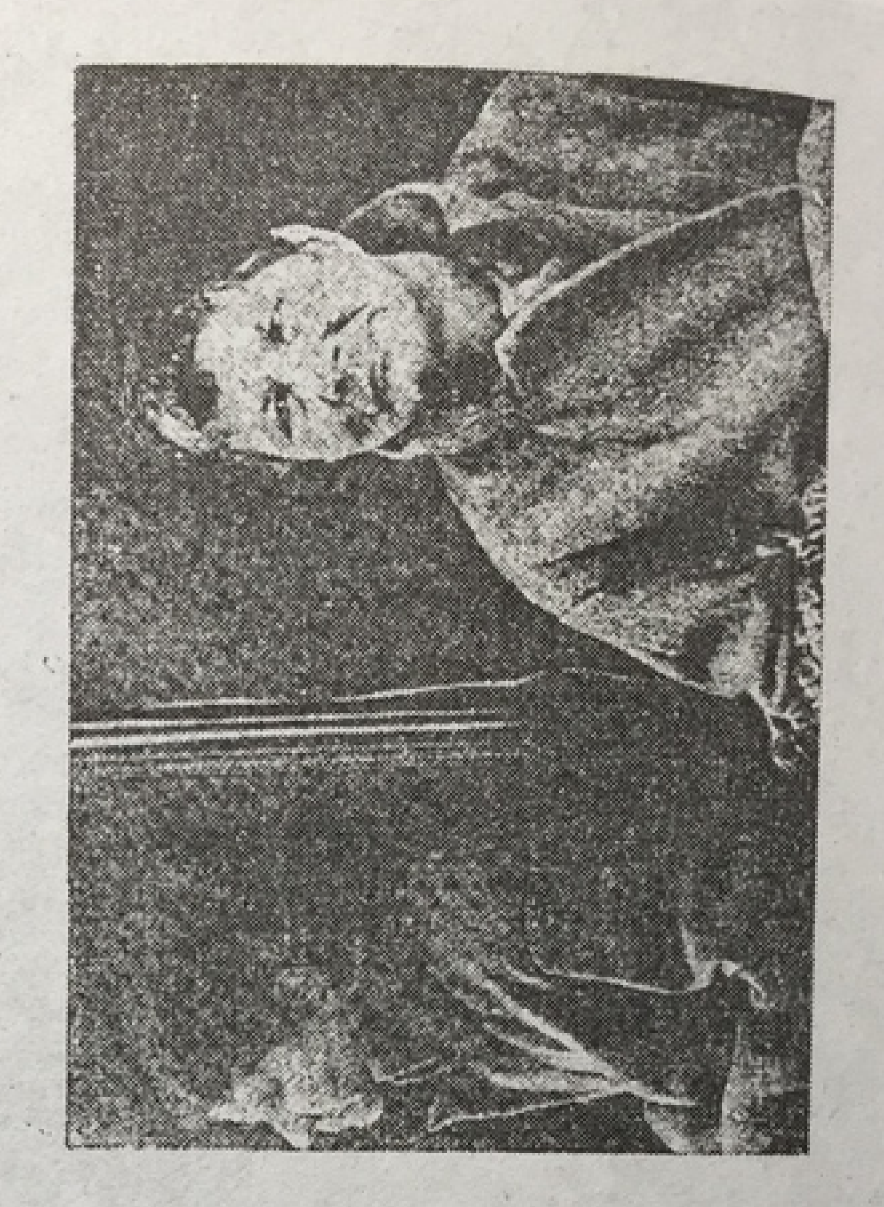
Этим я заканчиваю описание душевно-больных преступников, число которых среди преступников вообще, как мне пришлось видеть, очень велико, что, повторяю, служит лишним доказательством сродства психофизической организации тех и других.

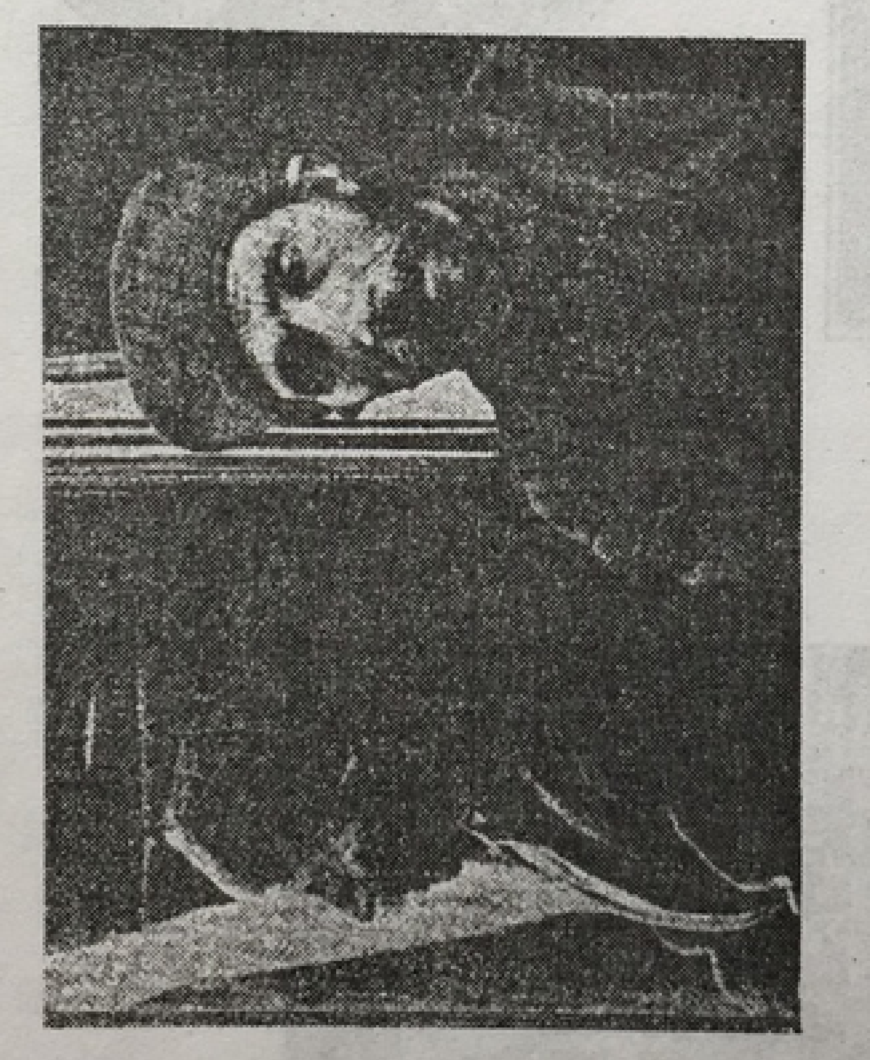

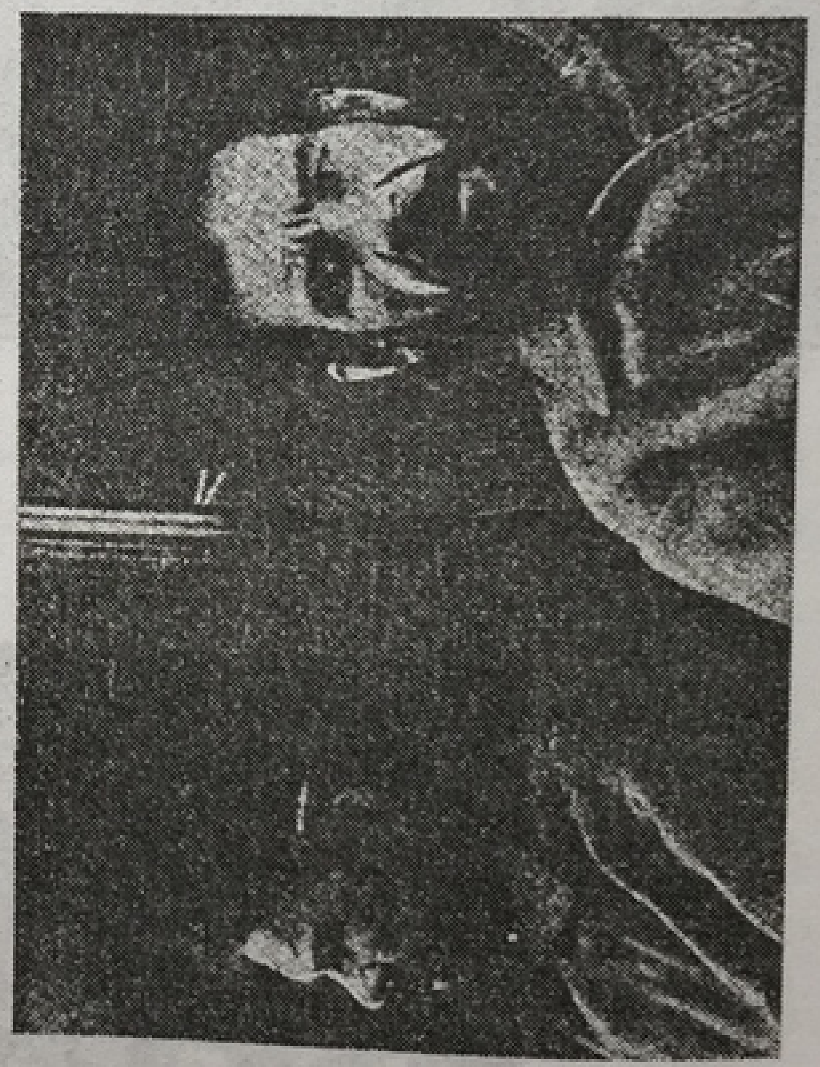

Крижоровъ

IV

Психика убийц и их физическая организация

Преступление и болезнь – родные сестры.
Доктор Гааз

Преступная деятельность убийц, какой мы видели ее в предыдущих главах, показывает, что одним из главных недочетов со стороны их психики является резкое преобладание деятельности низших мозговых центров над высшими при полном почти отсутствии контроля вторых над первыми; другими словами, инстинкты таких преступников бодрствуют, всецело овладевая ими, а интеллектуальные силы спят, или весьма слабо проявляют свою деятельность. Отсюда ненормально повышенное, не признающее никаких преград, тяготение этих преступников к благам мира низшего порядка. Половые удовольствия, стоящие на первом плане, грубые желудочные удовольствия с пьянством во главе и вообще легкая, веселая жизнь представляет из себя те конечные цели, на которых сосредоточиваются все помыслы корыстных убийц и к которым они неудержимо, я бы сказал, стихийно стремятся, избирая путь преступления. Таким образом, доминирующим по яркости представлением у преступника является представление о разнообразнейших удовольствиях и о наиболее удобных путях к их достижению. Преступник знает, что трудовой путь для этого длинен, скучен, неверен и тяжел, а громко звучащие инстинкты требуют быстрого удовлетворения, и вот мысль его, после недолгих колебаний, останавливается на более коротком пути, преступном.

В дальнейшей своей деятельности он идет на преступление уже без всяких колебаний. Яркое представление об удовольствиях, напряженное желание их поскорее получить, легко, как бы по хорошо проторенной дороге, переходит в соответствующие действия, реализуясь в данном случае в том или ином преступном акте.

«Жить – значит наслаждаться; для того, чтобы наслаждаться, нужно бороться, а борьба без преступления невозможна», написал в своей автобиографии один из убийц, исследованных мной. – Требования, предъявляемые преступнику со стороны его инстинктивной природы, настолько настойчивы и повелительны, что совершенно заглушают в нем такие движения души, как жалость к ближнему, чувство сострадания, движения столь естественные для нормальных людей. Большинство убийц не проявляет жалости к своим жертвам, а иногда даже питает к ним озлобление. «Чего его жалеть, – говорил мне один убийца про свою жертву: – он уже померши, а я вот тут (на Сахалине) терпи муку». Другой, убивший стариков, говорил: «Зачем жалеть? Они были старенькие и так бы все равно скоро умерли». Третий совершенно искренне скорбит о том, что случайно не добил свою жертву. «Эх, – восклицает он горестно, – не добил старую чертовку; не был бы здесь!» – «Напрасно убил, – сетует четвертый: – ничем не попользовался». «Не жалко, когда убьешь, – говорит пятый, – а жалко, когда ничего не возьмешь». По-видимому, преступная личность не обладает способностью правильной оценки своих действий, или эта способность у нее слабо развита. На Сахалине мне пришлось видеть молодую женщину, которая в сообществе со своим отцом убила бабушку с целью ограбления. Явившись на Сахалин, она начала ссориться с отцом и пришла на него жаловаться начальству, заявив, что он не отдает ей денег. «Каких денег?» спрашивает начальство. «Да мою часть». – «Какую часть?» – «Да часть уговоренную денег, что взяли через преступление». – «Другая женщина, убившая с любовником своего мужа, на суде, улыбаясь, говорила: «... Когда мы его прикончили, Поляков (любовник) и говорит: «куда мы его теперь девать будем?» А я ему: «Да хоть съешь, мне все равно».

Недочеты со стороны психики убийц, выражающиеся отсутствием жалости к жертве и неспособностью правильной оценки своих действий, служат, с одной стороны, причиной поразительной жестокости, наблюдаемой у многих из них, а с другой, объясняют необыкновенную редкость раскаяния среди них. Если они когда-нибудь и сожалеют о совершенном деянии то постольку, как мы видели выше, поскольку это деяние отразилось на их судьбе неблагоприятно. Убийца, как я говорил выше, свой ужасный путь для добывания средств считает наиболее легким, удобным и вполне естественным,

а потому других путей не признает. Длительный труд дает ему очень мало в смысле удовлетворения его ненасытных инстинктивных склонностей и потому для него ненавистен. Уже одно представление о таком труде угнетает его столь неприятными и даже мучительными ощущениями, что он впадает в глубокую тоску. Он всеми силами старается подавить эти ощущения более для него яркими и живыми, постоянно фиксируя свои мысли и внимание на возможности быстрого обогащения и его заманчивых последствиях. Таким образом, представление о длительном труде, будучи постоянно подавляемо, не может свободно переходить в соответствующий волевой акт, и мозговые пути, по которым этот акт проходит свободно у нормального человека, у преступника делаются непроходимыми. Он всячески избегает всякого труда и, если вынужден работать, то делает это с величайшим отвращением.

Говоря о недочетах со стороны психики убийц, я должен еще упомянуть об их необыкновенном легкомыслии, поразительной непредусмотрительности и об отсутствии или понижении у них чувства самосохранения. Порешив совершить преступление, убийца совершенно не останавливается на мысли о последствиях своего деяния для общества и о тех опасностях, которые грозят ему лично. Всецело поглощенный радужными перспективами, сулящими ему всяческие наслаждения, он органически неспособен сосредоточить свои мысли на обратной стороне медали. Покончив свое преступное дело, он не старается, за немногими исключениями, тщательно скрыть следы его, а торопится поскорее пожать его плоды. Очень многие убийцы, добыв средства, часто даже не успев переменить платье, залитое кровью их жертв, стремятся в притоны кутежа и разврата. Для иллюстрации только что сказанного я приведу несколько случаев, которые мне пришлось наблюдать на Сахалине. Поселенец Б–нов, отбывший каторгу на Сахалине за убийство и грабеж, совершенные им на Кавказе, на месте ссылки совершил убийство при таких условиях: на первый день Пасхи Б–нов с товарищем зашли к знакомому поселенцу. Поселенец сообщил, что ему нужно на ½ часа отлучиться к соседу по делу. Когда он ушел, Б–нов, зная, что у товарища, с которым он пришел, имеются деньги, не долго думая, схватил тут же лежавший топор, убил товарища, взял у него из кармана деньги, а самого его свалил в подполье. После убийства

Б–нов отправился на базар, где было праздничное гулянье, и там сел играть в карты. Хозяин, вернувшись домой, увидел лужи крови на полу, окровавленный топор и кровь на ляде, закрывавшей подполье, поднял тревогу. Сбежался народ, прибыли власти и из подполья вынули еще теплый труп человека, пришедшего сюда с Б–новым. Хозяин указал на него, как на вероятного убийцу. Б–нов был взят на базаре за карточной игрой. Сапоги его были залиты кровью. Торопясь получить удовольствие, в данном случае от карточной игры, он не имел времени обратить внимание на уличающие его свежие следы убийства. Сосредоточив свое внимание на том, что у товарища есть деньги, что хорошо было бы на них покутить, поиграть в карты и вообще весело провести праздник, он в один момент решается на страшное дело и совершает его, когда мимо дома снует праздничная толпа, когда каждую минуту может вернуться хозяин.

Другой убийца в 12 часов дня входит в квартиру военного капельмейстера, находящуюся на бойкой улице, убивает денщика его, ломает комод и настолько увлекается грабежом, что забывает закрыть входную дверь, не замечает вошедшего разносчика булок, который, наткнувшись на картину грабежа, поднимает тревогу. Вокруг дома собирается толпа, которая шумит, а убийца ничего не замечает, усердно работает. Его застают за грабежом и берут. Такой почти детской непредусмотрительностью отличаются все убийцы. Непредусмотрительностью и ослаблением чувства самосохранения, с одной стороны, и неутолимой жаждой наслаждений – с другой, без большой натяжки, можно объяснить тот факт, что никакими наказаниями, как бы они жестоки ни были, даже угрозой смертной казни, нельзя устрашить преступников и, следовательно, нельзя предупредить преступных деяний. Жизнь это подтверждает на каждом шагу. Этим я закончу вопрос о тех чертах психики, которые мне пришлось подметить у преступников-убийц и перехожу к физической организации их.

Из приложенных в конце главы таблиц, в которых помещены данные физического исследования 80-ти убийц, можно видеть, что, приблизительно, у 60–70% из них найдены неправильности со стороны конфигурации черепа и у 55–60% установлены признаки физического вырождения[1].

[1] Описание тех и других имеется в вышеупомянутых таблицах.

Мной также производилось исследование кожной чувствительности убийц и состояния их коленных рефлексов, но полученные данные не дают точек опоры для более или менее определенных выводов. Весьма интересные данные получились при исследовании мною кровеносной системы убийц. Производя исследование преступников, обращавшихся ко мне за медицинской помощью, я в большом числе случаев находил у них поразительную слабость сердечной деятельности, выражающуюся глухими сердечными тонами и малым, нередко весьма медленным пульсом. Натолкнувшись на такое явление, я решил произвести сфигмографическое исследование пульса убийц. Полученные мною «кривые» пульса я сравнил с «кривыми», добытыми проф. Брюссельского университета E. Spehl'ем[1] у сердечных больных, и пришел к заключению, что часть их тождественна с теми кривыми, которыми Spehl характеризует сужение аорты, часть имеет сходство с кривыми, полученными им у больных, одержимых артериосклерозом. Имея в руках такие «кривые», я с некоторой вероятностью могу предположить, что у исследованных мною убийц имеется порочное состояние аорты, выражающееся ее узостью. Принимая во внимание отсутствие у этих преступников приобретенных страданий сердца и сосудов, за исключением, быть может, небольшого числа их, одержимых артериосклерозом, я склонен предположить, что это состояние (узость) аорты врожденное и касается не только этого главного артериального сосуда, но и всех артериальных стволов. Проф. Romberg говорит в своем руководстве[2]: «Врожденная узость артерий большого круга была известна еще старым врачам... и сердце в этих случаях часто также необыкновенно мало и обладает слабой мускулатурой... В некоторых случаях узости артериальных стволов даже весь организм отстает в своем развитии». Что касается артериосклероза, то и это заболевание сосудов, нужно думать, играет видную роль в порочном состоянии артерий преступников, комбинируясь с врожденной узостью их. Существование артериосклероза у преступников можно предположить уже a priori, так как большинство их, как увидим ниже, алкоголики, а алкоголь в ряду причин, деградирующих кровеносную систему, как с несомненностью установлено, занимает первое место. Имея перед

[1] E. Spehl. «Руководство к клиническому исследованию и распознаванию болезни».
[2] Romberg. «Болезни сосудов и сердца».

собой «кривые» пульса убийц[1], указывающие на известную порочность их кровеносной системы, и принимая во внимание ту огромную, можно сказать, первенствующую роль кровеносных сосудов в экономии организма, как тракта, по которому распределяются питательные материалы по самым отдаленным уголкам его, необходимо признать, что кровяная волна, попадая в узкие, а иногда вместе с тем, неподатливые вследствие артериосклероза артерии, не может приливать к органам в достаточном количестве. Такое положение дела влечет за собой малокровие этих органов, голодание их и, eo ipso, ненормальную их деятельность. Если при узости артериальных стволов имеет место слабая работа сердца, то условия притока крови к органам еще более ухудшаются. Само собой разумеется, что в наименее благоприятных условиях находятся органы, наиболее удаленные от центрального органа кровообращения. К числу таких органов нужно отнести головной мозг с его серым веществом и психомоторными центрами, ослабленное питание которых не может не отразиться на душевной деятельности человека.

В пользу порочной организации кровеносной системы преступников, как мне кажется, отчасти говорит и тот факт, что среди них, повидимому, более часты страдания сосудов и сердца, чем среди других людей. Как будто бы кровеносная система преступников, по сравнению с таковой же других людей, является более ранимой и предрасположенной к заболеваниям. На 680 преступников, освидетельствованных мною в 1897 г. (на Сахалине), я нашел 38 сердечных больных, что составляет около 6%. Из санитарного отчета по о-ву Сахалину за 1896 год видно, что на 24622 ссыльных было 496 больных сердечными болезнями, т. е. 2%, а из 443.703 лиц, призывавшихся к отбыванию воинской повинности в 1889 г., найдено 1389 больных сердечными болезнями[2], т. е. 0,3%. Если мы к этому прибавим, что на все число больных, зарегистрованных Российской империи в 1889 году, приходится 0,8% сердечн. больных, и вспомним, что % таких больных сильно понизится, если его отнести к общему числу населения, то даже, сделавши большую скидку на возможные ошибки, мы должны прийти к заключению, что преступники, по сравнению с другими людьми, в отношении сердечных заболеваний, пользуют-

[1] Кривые пульса убийц см. с. 76–83.

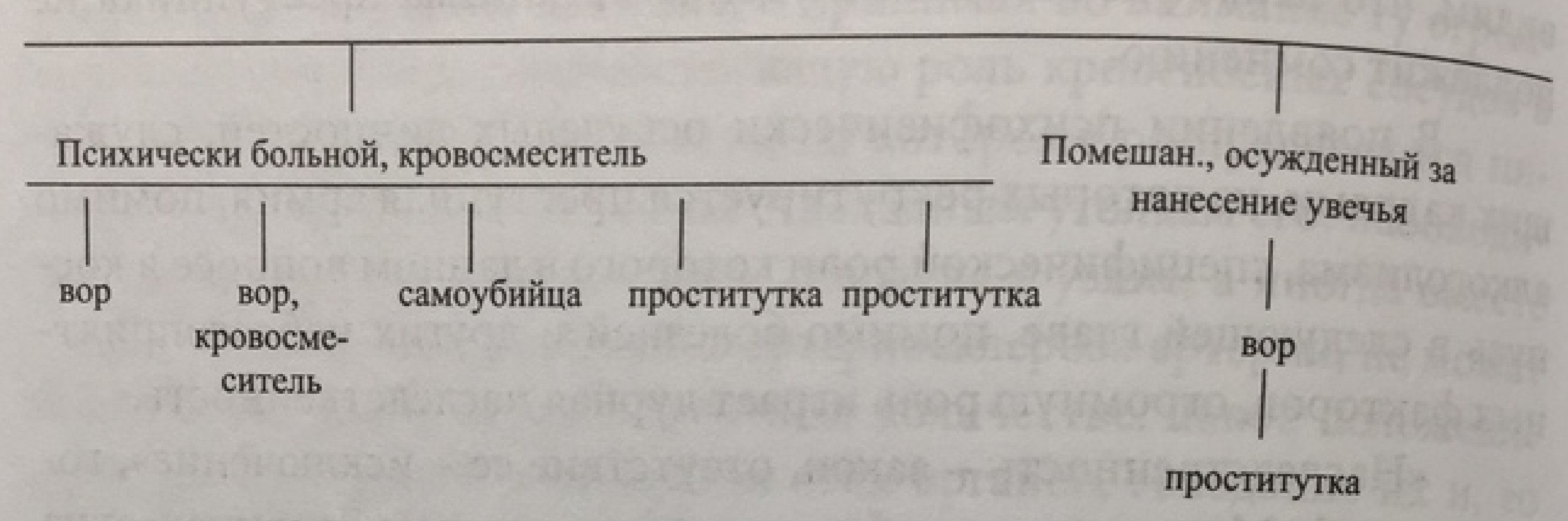
[2] Отчет медицинского департамента за 1889 г.

ся большой привилегией. Из приведенных в этой главе данных мы видим, что психофизическое оскудение организма преступника не подлежит сомнению.

В появлении психофизически оскуделых личностей, служащих кадрами, из которых рекрутируется преступная армия, помимо алкоголизма, специфической роли которого в данном вопросе я коснусь в следующей главе, помимо болезней и других неблагоприятных факторов, огромную роль играет дурная наследственность.

«Наследственность – закон, отсутствие ее – исключение», говорит проф. Мантегацца и добавляет, что, по словам Дарвина, «одна генерация передает другой все то зло и добро, которое она содержит, а в других случаях бывают наследственными лишь некоторые особенности»[1]. Из приводимых ниже примеров мы увидим, какое влияние оказывает наследственность в передаче зла, т. е. тех психофизических уклонений, которые деградируют людей из поколения в поколение до крайних степеней оскудения, влекущего за собой душевные и нервные заболевания, преступления, проституцию и т. д. Ц. Ломброзо в одном из своих трудов[2] говорит об одном американском ученом (Harwis), который был поражен множеством преступлений, совершенных в Гудзоне лицами, носящими одну и ту же фамилию. Просматривая списки населения этой местности, он открыл, что значительная часть жителей ее происходит от некоей Metgare, женщины дурного поведения, жившей 200 лет тому назад. Потомство ее достигло 900 душ, из числа которых было 200 преступников и 200 душевно-больных. Одно потомство, по словам Ломброзо, точно прослеженное и состоявшее из 834 человек, дало 76 преступников, проведших в тюрьме 166 лет. В Павии Ломброзо наблюдал одну семью, в которой в нескольких поколениях чередовались помешанные с преступниками и проститутками, как видно из прилагаемой родословной таблицы.

[1] П. Мантегацца. «Наследственность».
[2] Ц. Ломброзо. «Преступление».

Весьма ярким доказательством наследственности является наблюдение Despin'а, проследившего генеалогию семейства Lemair'а и Chretien'а. Родословная этого семейства, составленная Ломброзо, представляется в таком виде:

G. Chretien

Петр, убийца
Фома, убил свою жену
I. B.

А., вор и разбойник, умер на каторге

Мартын, убийца
Франсуа, убил жену
Франсуа, женился на Tanze, женщине дурного поведения

Е.Х. вор, дядя Lemair'а
М. Роза, судившаяся 11 раз за воровство, замужем за
S. F., вор

А. Tanze
С., вор

Мария, воровка

Андрей, убийца (от первого брака)
вор
вор
убийца
вор
убийца
вор
(от первого брака с Розой Chretien)
Венедикт, вор

Виктор, вор

Викторина, честная женщина, замужем за Lemair'-ом

S. Lemair

Август
Франсуа

Т., муж Викторины
Август
Виктор Lemaire

Lemaire, убийца, поджигатель
П., вор

Самым поразительным примером наследственности является семья американца Маха Juke. От развратника Juke и его жены пьяницы произошло потомство, давшее 200 воров и др. преступников, 280 нищих и калек, 90 проституток. – Исследуя убийц, я нашел, что большинство их происходит из семей в значительной степени оскуделых. Из приложенной в конце главы таблицы можно видеть, что среди близких родственников преступников (отец, мать, сестры, братья, дяди, тетки, дед), исследованных мной имелось 36 человек, одержимых тяжкими нервными и душевными болезнями (эпилепсия 10, истерия 4, паралич 3, душевные болезни 18, идиот 1) и алкоголизмом 66. Что касается душевных и нервных болезней, то цифры, приведенные здесь, как мне кажется, далеко ниже действительных, так как показания преступников, людей в большинстве случаев простых и темных (крестьян), могли касаться только случаев экскизитных, бросающихся в глаза. Не резко выраженные психозы и большая часть нервных болезней должны были пройти мимо них незамеченными. Таким образом, и по моим наблюдениям выходит, что в деле формирования оскуделых людей, из которых некоторая часть идет на преступный путь, тяжелая наследственность играет большую роль. Занимаясь вопросом об оскудении преступной личности, я решил проследить, не отражается ли оно на ближайшем потомстве ее. Для этой цели я провел исследование 112 детей преступников школьного возраста и нашел у 66-ти из них резкие неправильности черепа и у 12 – признаки физического вырождения. Кроме того, у детей преступников я нашел и более резкие недочеты со стороны их физической организации. На 120 детей, осмотренных мной в сел. Михайловка на Сахалине, населенном бывшими каторжниками, я нашел 5 детей, у которых недочеты физической организации выразились в форме уродств (недоразвитие глазных яблок с отсутствием радужных оболочек; отсутствие роговиц, замененных белковой оболочкой; уродства со стороны конечностей и мочевого пузыря). Из приведенного материала видно, что преступники, происходя из семей, в которых люди с обеднелым организмом не представляют большой редкости, сами являются в значительной степени оскуделыми и детей рождают таких же. Выше я упомянул о неправильностях со стороны черепа и признаках физического вырождения, найденных мной у преступников. Плоский затылок; скошенный череп;

низкий, подавшийся назад лоб; микроцефалия (малая голова), оксицефалия (остроголовие), асимметрия лица; аномалии со стороны глаз, носа и ушей; выдающаяся вперед верхняя, или нижняя челюсть (прогнатизм); сильно развитые скулы, неправильно поставленные зубы, седлообразное нёбо; торчащие уши – все эти аномалии, встреченные мной у преступников (убийц), были находимы у них многими исследователями, при чем некоторые из них придавали этим аномалиям неподобающее значение. Некоторые из исследователей вопроса о преступности считали их присущими только преступникам, характерными для них. Делались даже попытки приурочить те или иные признаки к той или другой категории преступников, причем, по форме черепа, носа, ушей и т. д., старались определить характер преступных наклонностей их обладателей. Еще в 1781 году Лафатер говорил о науке (физиономике), при помощи которой можно «понимать своеобразную речь природы, написанную на лице человека и во всей его внешности и узнавать его внутреннее по его внешнему... Красота и безобразие лица находятся в тесном соотношении с нравственной стороной человека»[1]. Позднее (в 1819 г.) немецкий врач Галль, много работавший над изучением человеческого мозга, «старался диференцировать функции каждой его части и определить влияние различных степеней развития мозга на форму черепа» и этим положил начало эмпирическому искусству френологии, занявшей место физиономики Лафатера[2]. Каспер в своем труде над выражением лица убийц указал, как на особенности этого класса преступников, на широкий череп, холодный неподвижный взгляд, впалые глаза и т. д.[3] Ломброзо говорит, что у убийц нос имеет форму птичьего клюва, а у воров нос плоский или вздернутый[4]. Стремление отыскать физические черты, характеризующие те или иные преступные наклонности, повлекло за собой многочисленные исследования в этом направлении. Сделаны тысячи разнообразнейших измерений преступников. П.Н. Тарновская произвела тщательные и подробные измерения у 160 женщин-убийц и наряду с ними измерения у безгра-

[1] Д.А. Дриль. «Преступность и преступники».

[2] Havelock Ellis «Преступник».

[3] Игн. Закревский. «Об учениях уголовно-антропологической школы».

[4] Там же. Из приложенных здесь снимков убийц можно видеть насколько справедливо подобное утверждение Ломброзо. *Автор*.

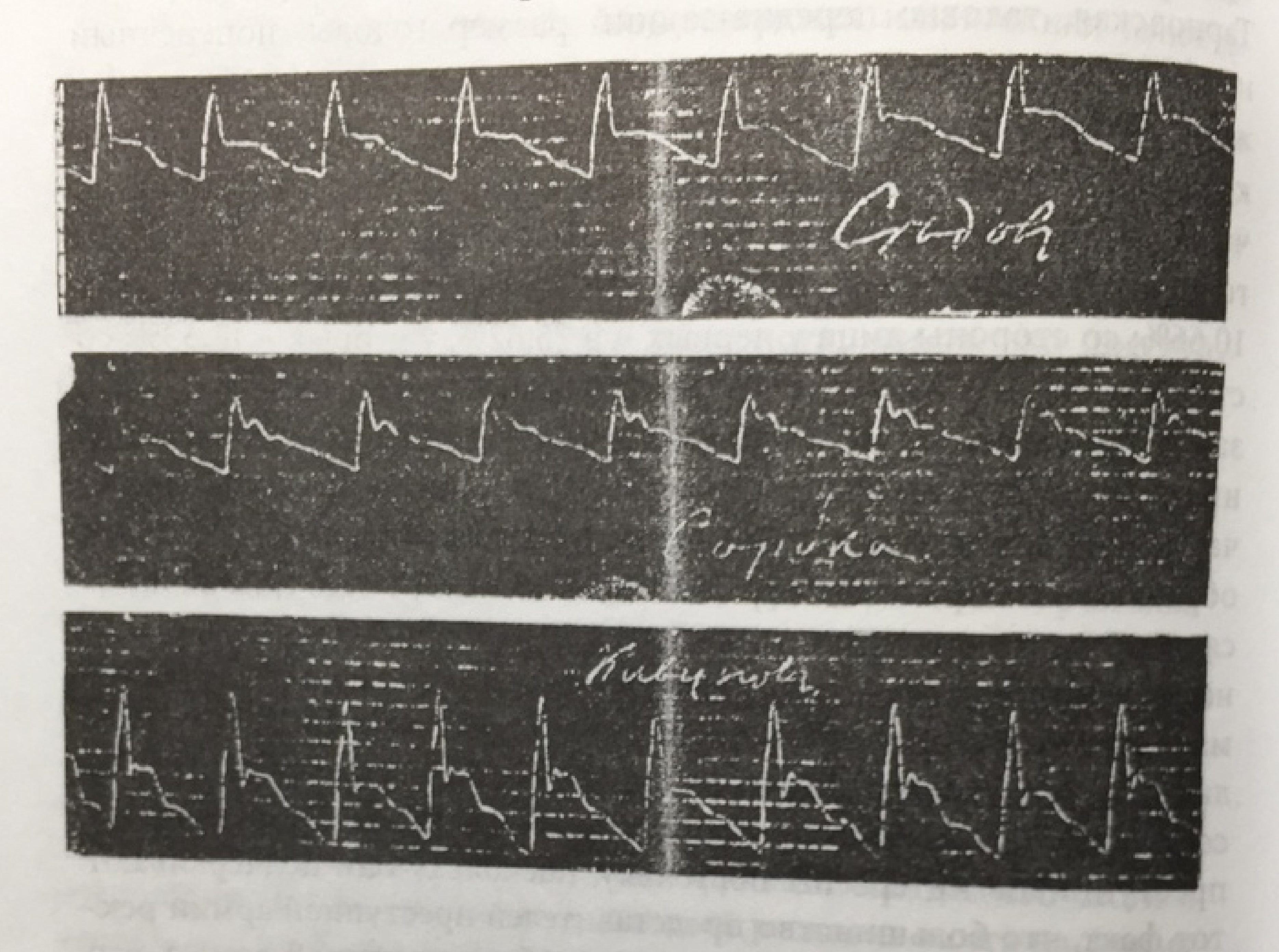
мотных и интеллигентных непреступных женщин и собрала у всех признаки физического вырождения. Выводы, к которым пришла Тарновская, таковы: передне-задний размер головы, поперечный наибольший размер и горизонтальная окружность у непреступных женщин более развиты, чем у женщин убийц. Признаки физического вырождения встречаются у женщин преступных несравненно чаще, чем у непреступных. Так, признаки вырождения со стороны головы у женщин-убийц наблюдаются в 66,25%, у непреступных – в 10,66%; со стороны лица у первых – в 75,62%, у вторых – 11,33%; со стороны ушей – 34,6 и 6,66%[1]. Вообще выводы всех исследователей, занимавшихся вопросом о недочетах со стороны физической организации преступников, говорят за то, что они встречаются весьма часто у преступников, чаще, чем у непреступных людей. Это никоим образом не говорит в пользу того мнения, что эти недочеты являются для преступников, как для таковых, характерными, типичными, и не прав был Ломброзо, когда, основываясь на психофизических аномалиях и «атавистических» чертах, создавал свои типы преступных людей и, в частности, тип прирожденного преступника. Аномалии со стороны физической организации, как и психические недочеты у преступников интересны постольку, поскольку они подчеркивают тот факт, что большинство представителей преступной армии рекрутируется из людей психофизически обездоленных. Я думаю, что среди этих людей можно встретить такой же процент аномалий в их физической организации, как и у преступников, потому что и те и другие являются продуктом одних и тех же социальных условий.

---

[1] П.Н. Тарновская. «Женщины-убийцы».

«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ[1]

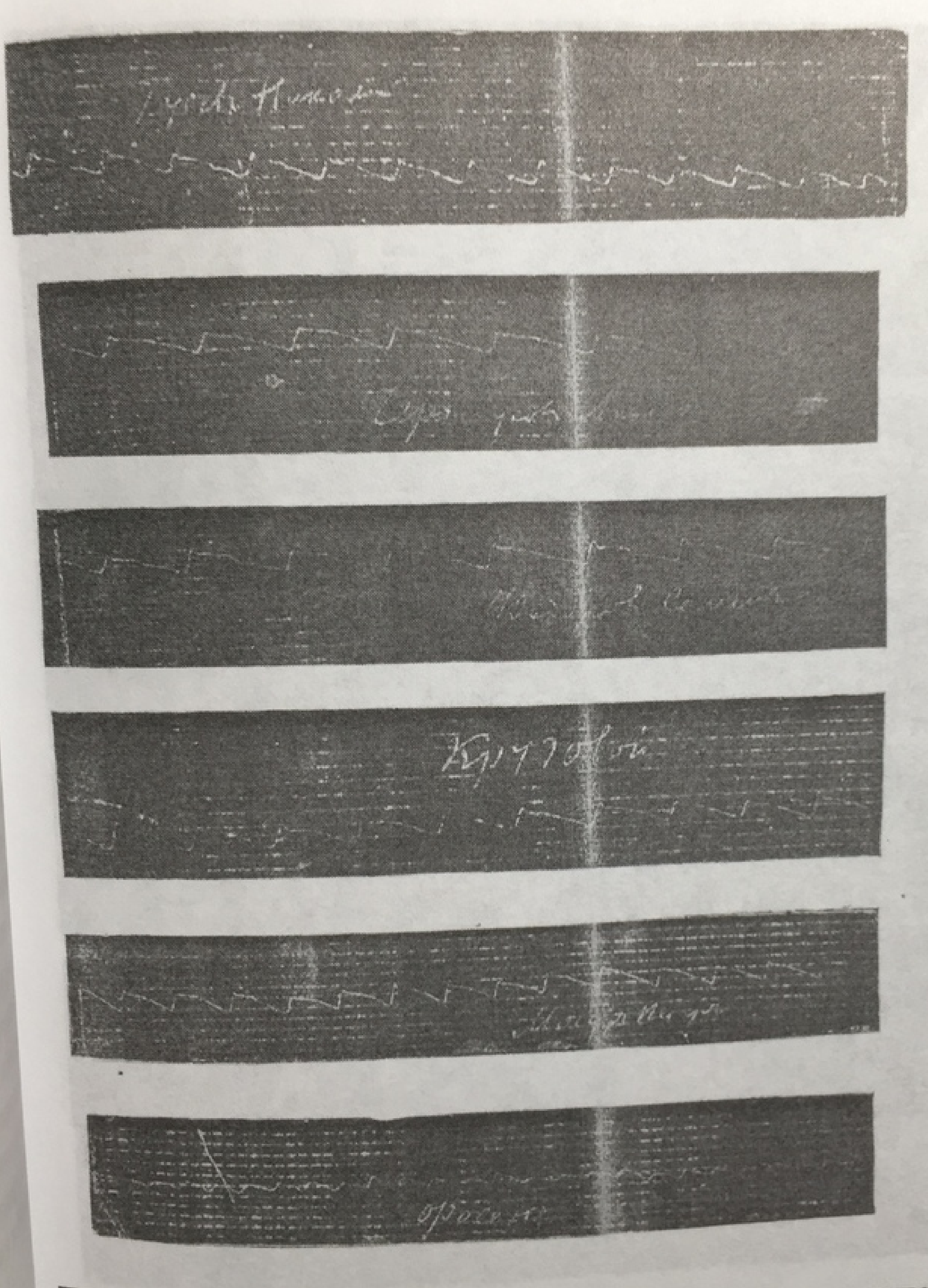
Нормальный пульс

[1] Эти «кривые» приведены для сравнения с последующими.

«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ

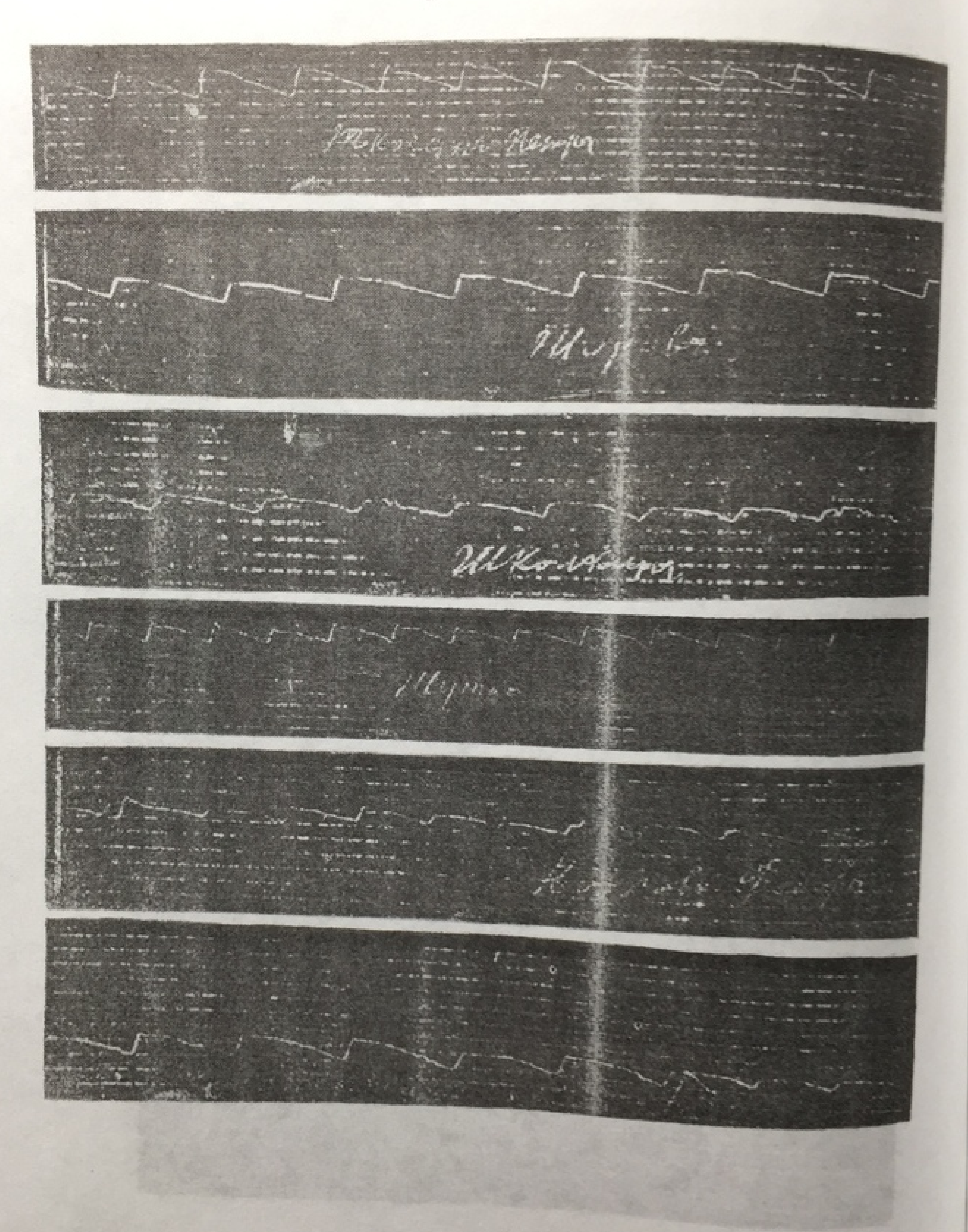
Ненормальный пульс[1]

[1] Эти «кривые» почти тождественны с теми, которыми Spehl в своем руководстве к распознаванию болезней иллюстрирует узость артерий.

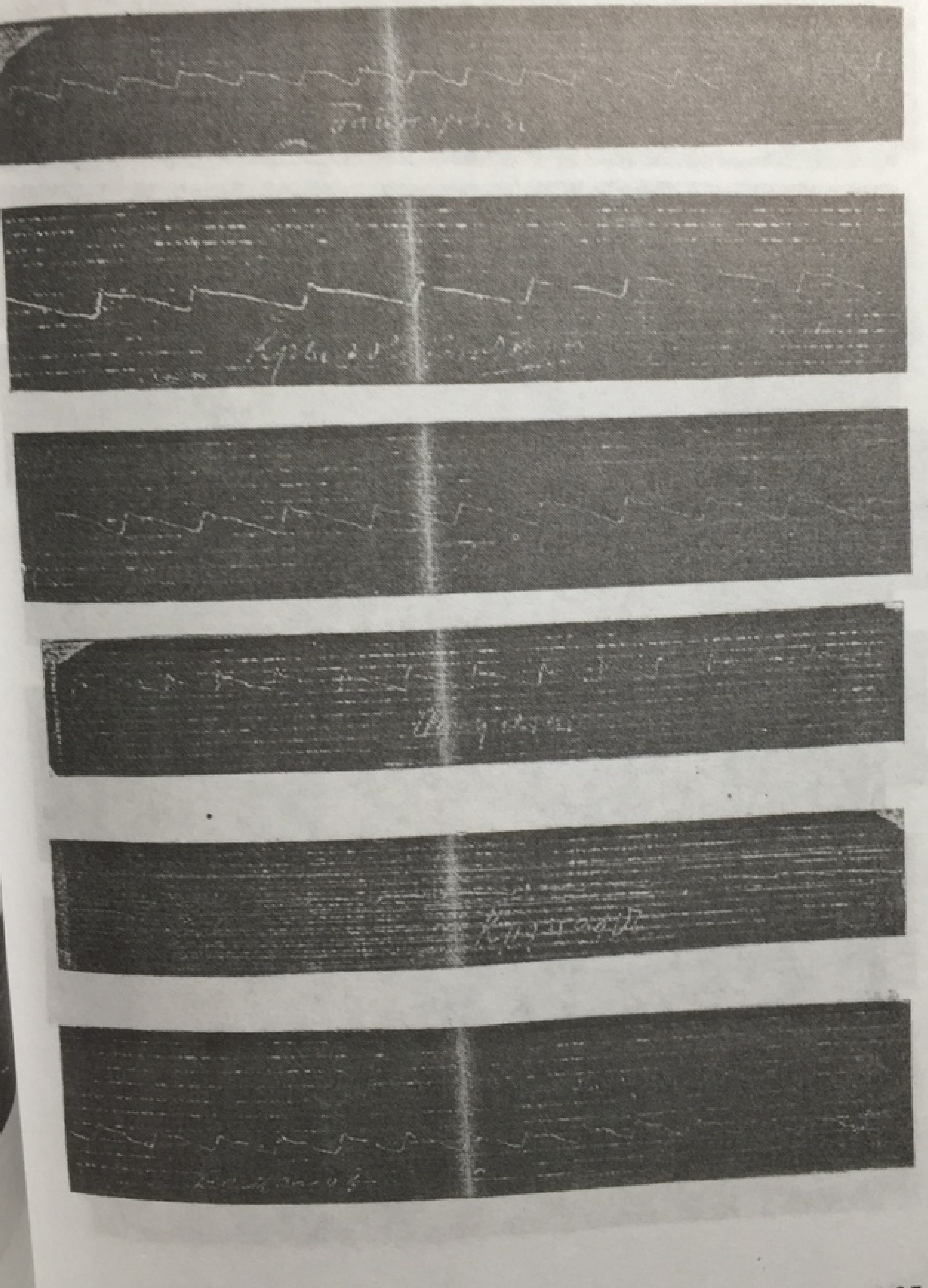
«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ

Ненормалыший пульс

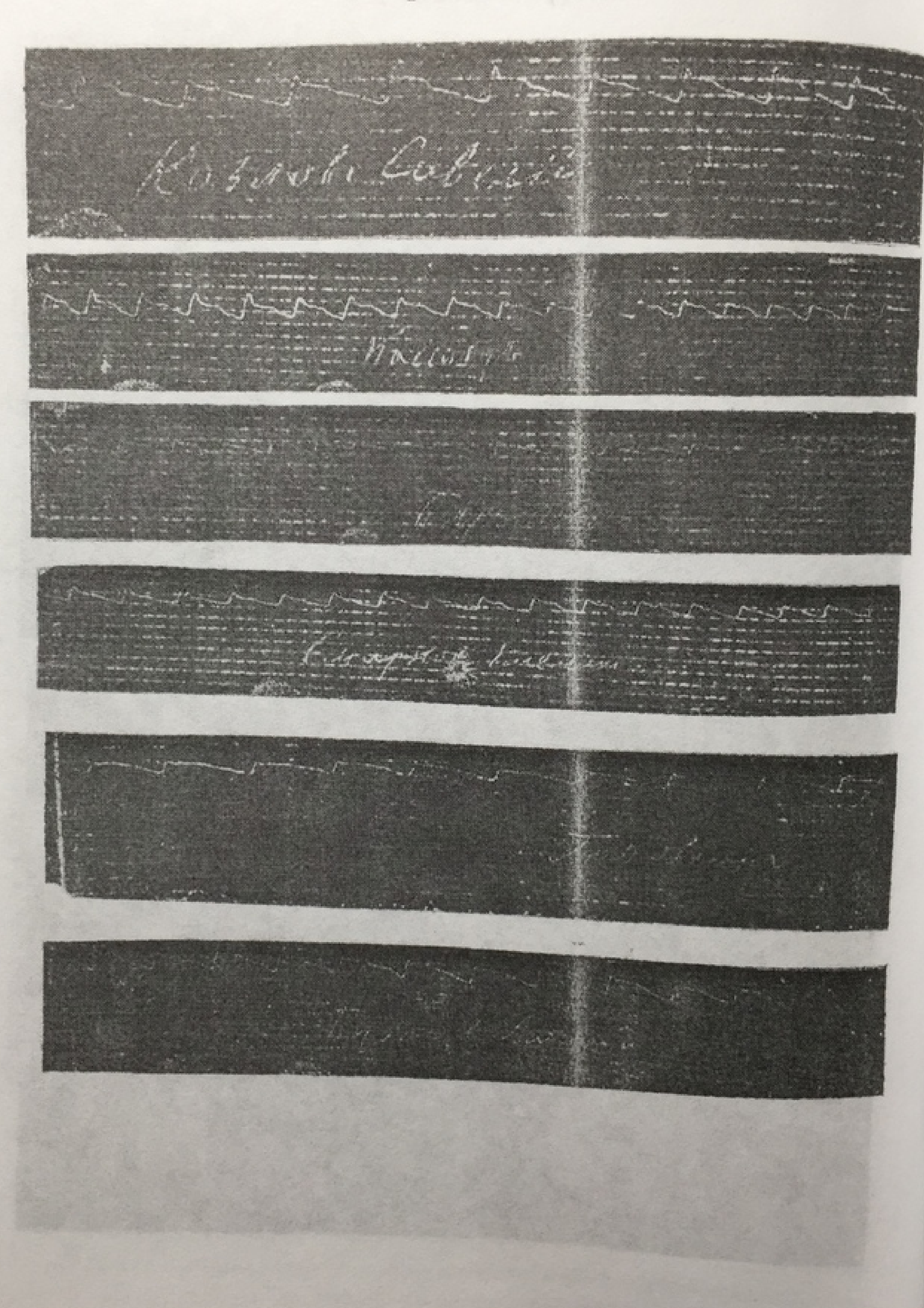
«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ

Ненормальный пульс

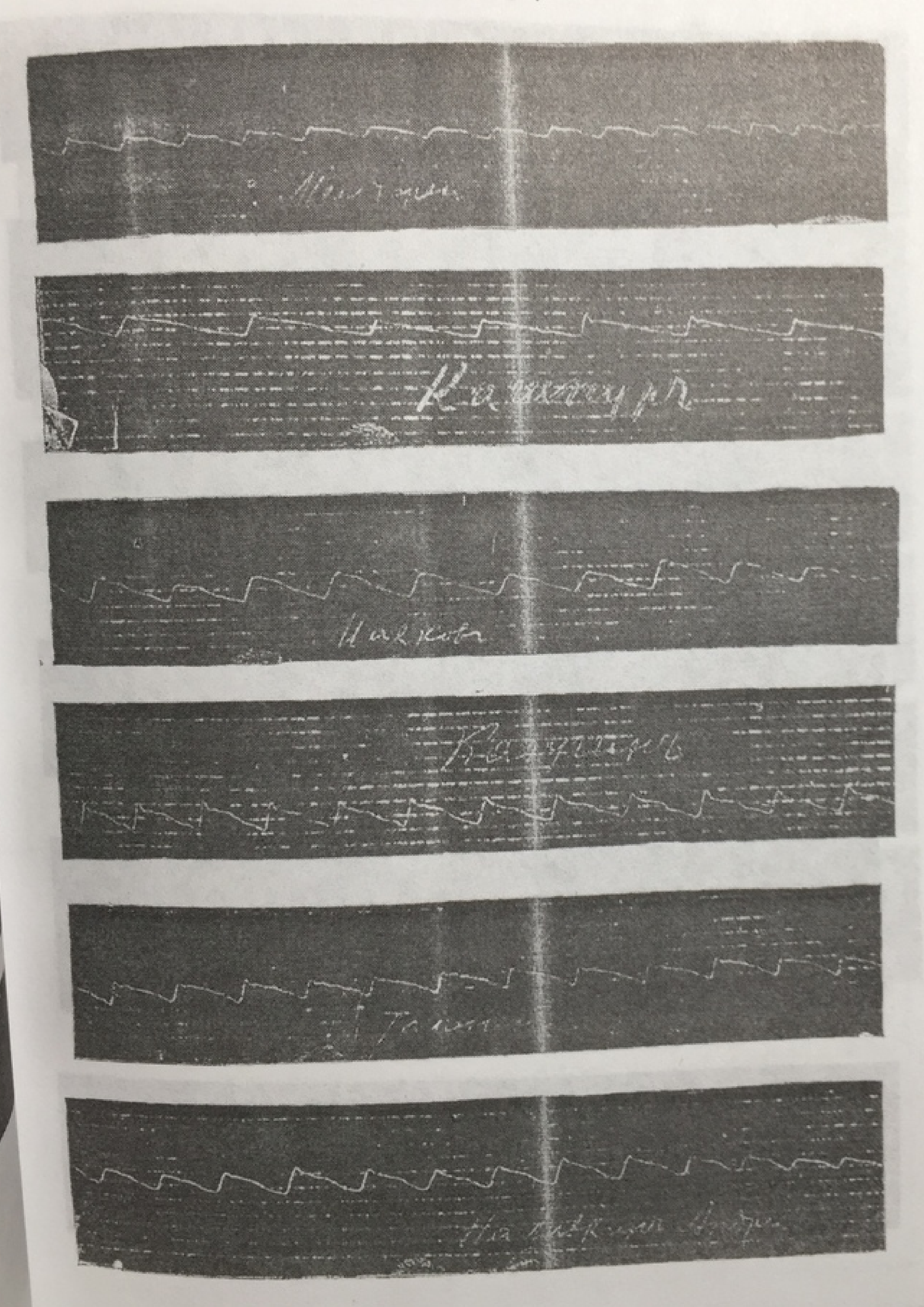
«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ

Ненормальный пульс

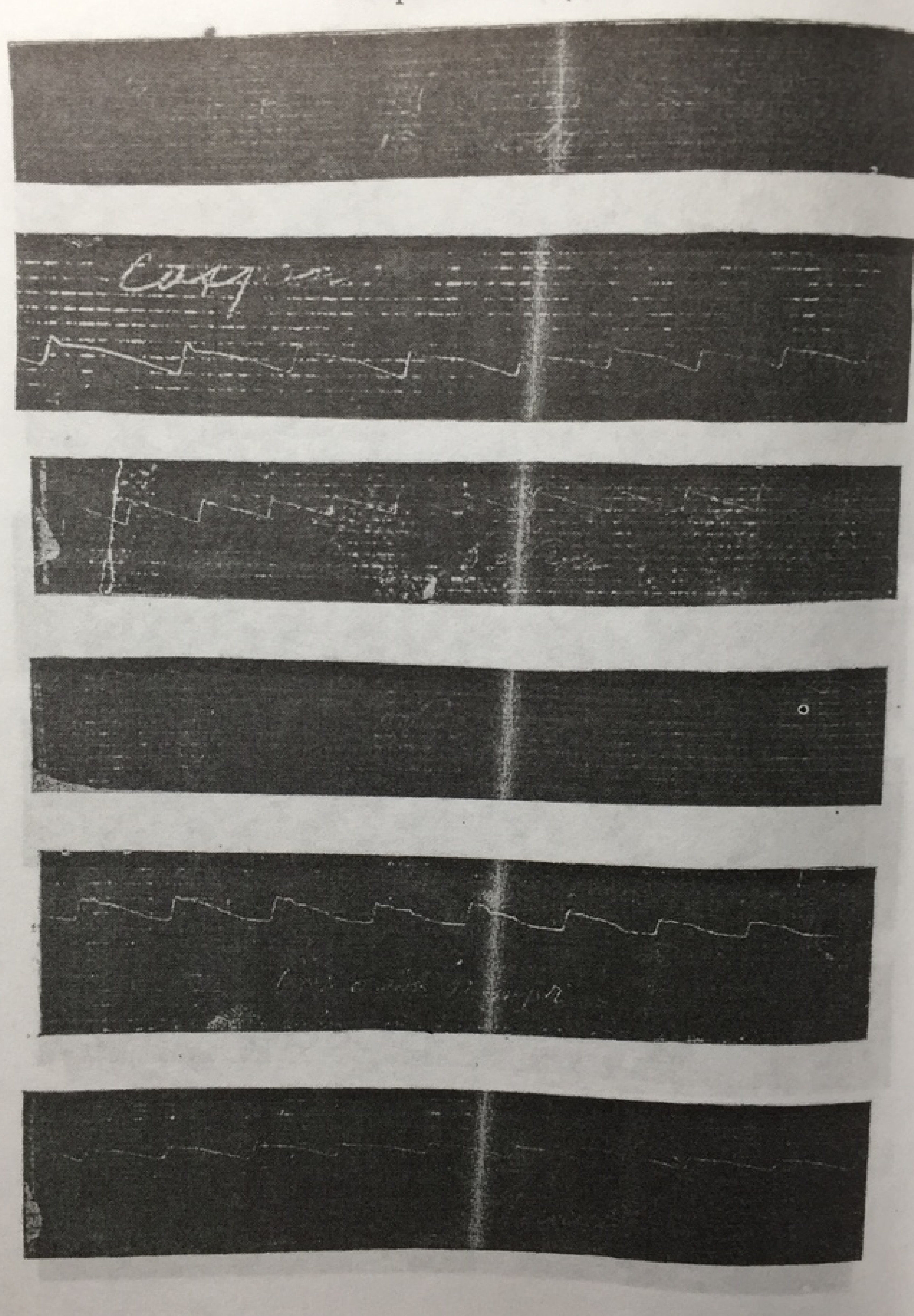

«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ

Ненормальный пульс

Ненормальный пульс

«КРИВЫЕ» ПУЛЬСА УБИЙЦ

Ненормалыший пульс

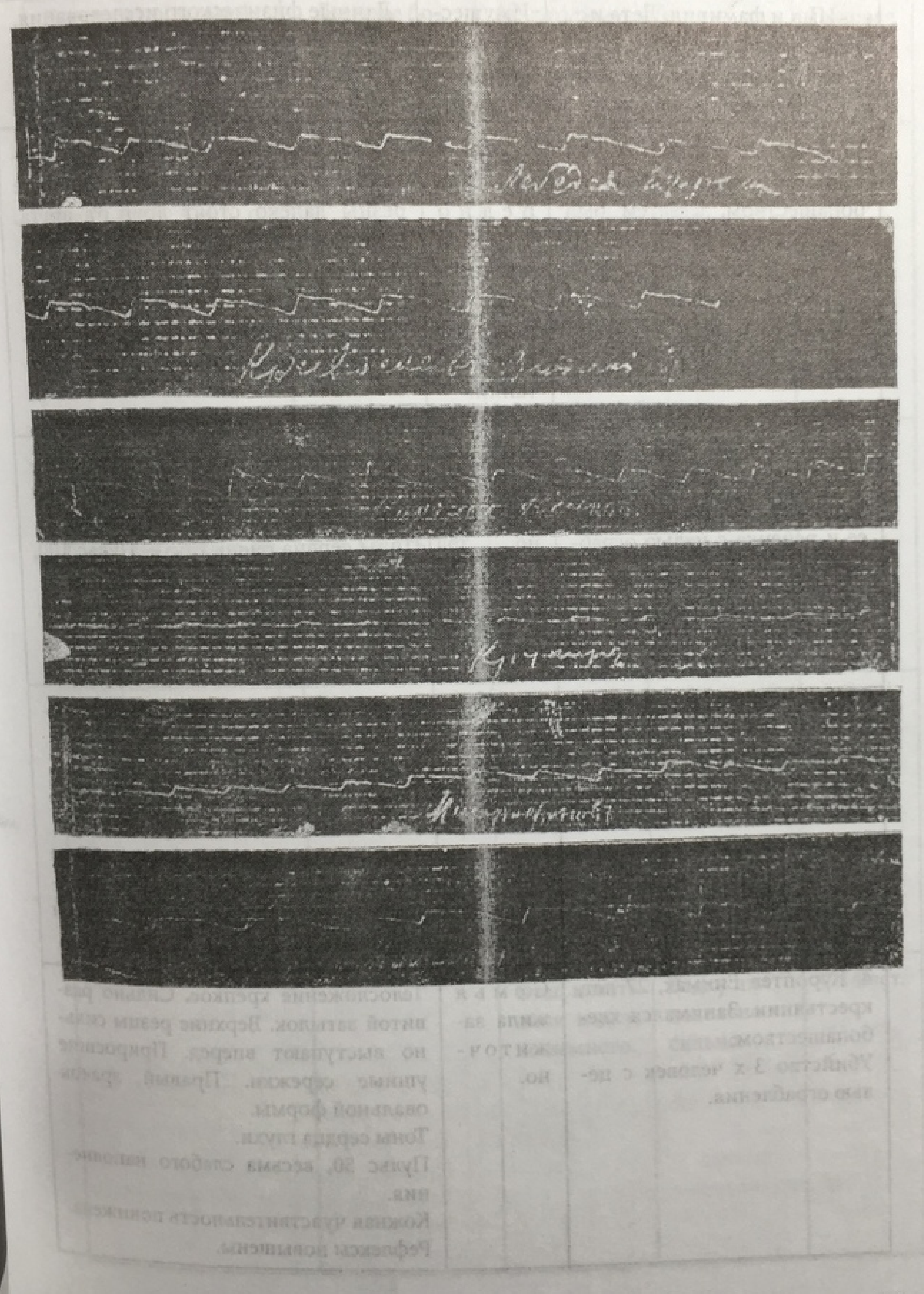

Таблица исследования физической организации преступ

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
1. Захарьин Гавриил, 26 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством, а затем был приказчиком на свекловичной плантации. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно и часто нуждалась в дневном пропитании.	Телосложение крепкое. Верхняя челюсть выступает вперед. Верхние резцы далеко стоят друг от друга. Плоский затылок. Тоны сердца слабы. Пульс: Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
2. Фесеня Иван, 28 лет. Занимался хлебопашеством. Убийство женщины, мужа ее и ребенка с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение слабое. Сильно развитые надбровные дуги; асимметрия лица: приросшие ушные сережки. Тоны сердца очень глухи. Пульс 100, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность повышена. Рефлексы повышены.
3. Черниевский Емельян, 24 лет, мещанин. Занимался хлебопашеством. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Голова развита правильно. Тоны сердца глухи. Пульс 76, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена на правой стороне. Рефлексы понижены. Подергивание мышц правой стороны лица.
4. Куроптев Епимах, 27 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство 3-х человек с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Сильно развитой затылок. Верхние резцы сильно выступают вперед. Приросшие ушные сережки. Правый зрачок овальной формы. Тоны сердца глухи. Пульс 50, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.

ников (убийц) и краткие сведения из их жизни

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец страдал удушьем, от которого и умер. Брат умер от удушья. Мать была «кликушей».	–	Отец пьяница.	Сам преступник водку пил, но пьян не бывал.	Неумеренная.
Отец страдал кровохарканием. Мать была женщина слабая. Брат слыл в деревне за «дурачка». Сестра и братья с материнской стороны были безумные.	Сам преступник начал ходить с 2-х лет, а в десять лет, после какой-то болезни, перестал ходить и 4 года ползал.	Отец пьяница	Сам водки пил немного.	С 21 года.
Отец страдал припадками (эпилепсией).	С пяти лет страдал припадками, а на военной службе сильными головокружениями, от которых лечился в госпитале.	Отец допивался до белой горячки	Водку пил сильно.	С 18 лет.
–	–	Отец и мать пили водку, но немного.	Водку пил довольно сильно.	С 14 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
5. Хреновский Савва, 24 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. 1) Кража. 2) Кража. 3) Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Плоский затылок. Сильно развитые скуловые отростки. Радужные оболочки двухцветные, по наружным краям усеяны ярко-желтыми круглыми пятнами. Аномалии со стороны зубов (резцы верхней челюсти своими плоскостями стоят под углом друг к другу.) Тоны сердца глухи. Пульс 66, довольно слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы понижены.
6. Чувилин Степан, 39 лет, крестьянин. Занимался пимокатством. 1) Убийство с ограблением. 2) Убийство с ограблением.	Семья жила очень бедно.	Телосложение слабое. Маленькая острая голова. Низкий, сдавленный с боков лоб, резко уходящий назад. Сильно развитые скуловые отростки. Толстые губы. Язычок очень удлинен и касается корня языка. Необыкновенно редко поставленные зубы. Тоны сердца глухи. Пульс 66, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Судорожные подергивания мышц лица.
7. Коссовер Виктор, 20 лет, еврей. Сын ссыльно-каторжного (убийцы). Был извозчиком. Убийство женщины, вследствие отказа в половых сношениях.	Семья жила не нуждаясь.	Телосложение крепкое. Голова правильно развита. Тоны сердца глухи. Пульс 100, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
8. Неустроев Алексей, 28 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. 1) Убийство матери. 2) Убийство товарища по каторге.	Семья жила зажиточно.	Телосложение слабое. Голова правильно развита. Тоны сердца глухи. Пульс 84, довольно полный. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец страдал грыжей. Сестра страдала припадками (эпилепсией). Дед был полоумный, гонялся за людьми с топором.	–	Отец пьяница. Дед тоже сильно пил водку.	Начал пить с 17 лет и пил сильно.	Половой жизни не вел, так как она была ему противна.
Мать болела чахоткой. Было 5 братьев, но они все умерли маленькими.	–	Отец сильно пил водку.	Пил водку, но немного.	С 18 лет.
–	–	–	–	Половую жизнь повел очень рано.
Отец умер от каменной болезни. Мать была не в своем уме.	–	Отец пил водку не сильно.	Пил водку не сильно.	–

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
9. Крылов Константин, 37 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. 1) Поджог 2) Поджог тюрьмы 3) Убийство в гневе.	Семья жила бедно.	Телосложение слабое. Правильная, но очень маленькая голова. Верхняя челюсть выдается вперед настолько, что верхние резцы при сжимании челюстей заходят за нижние, совершенно их прикрывая. Приросшие ушные сережки. Левый зрачок шире правого. Левая радужная светлее. Тоны сердца глухи. Пульс 60, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы понижены.
10. Митрофанов Николай, 40 лет, сын дворянина. Корабельный механик. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение слабое. Голова правильная. Приросшая ушная сережка. Тоны сердца ясны. Пульс 66, весьма слабого наполнения. Чувствительность нормальная. Рефлексы повышены.
11. Гицеу Макар, 32 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством 1) Убийство 2-х лиц с целью ограбления. 2) Убийство 2-х сторожей с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Острая голова, с уходящим назад лбом. Верхняя челюсть выдается вперед. Тоны сердца глухи. Пульс 80, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.
12. Мищанчук 45 лет, крестьянин. Служил у помещиков кучером. 1) Кража лошадей несколько раз. 2) Убийство 2-х лиц с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение атлетическое. Острая голова, подавшийся назад лоб. Тоны сердца глухи. Пульс 50, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы резво понижены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец умер неизвестно от какой болезни. Мать страдала грудью (все кашляла).	В детстве ушиблена голова (ударила лошадь). После этого болел и был «не в своем уме».	Отец допивался до белой горячки.	Водку пил сильно.	С 19 лет.
Мать страдала истерическими приступами с обмороками. Брат матери умер от аневризмы.	Болел золотухой.	Отец пьяница.	–	С 12 лет.
Мать была здорова. Отца не помнит. Два брата и три сестры умерли в малых годах.	–	Мать пила водку довольно сильно.	Начал пить с малых лет.	С 14 лет.
Отец умер от побоев. Мать умерла от кровотечения из горла. Три брата, из которых один умер маленьким, 4 сестры и все умерли. Две из них болели припадками. Дед по отцу был душевно-больной.	–	Отец пил водку до белой горячки.	–	Половую жизнь повел с 20 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
13. Широколобов 35 лет, крестьянин. Ничем не занимался. Несколько убийств с целью ограбления	Семья жила богато.	Телосложение атлетическое. Правильная, очень большая голова. Широкий утиный нос, сильно развитые скуловые отростки. Толстые губы. Тоны сердца ясны. Пульс 80, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность резко понижена. Рефлексы нормальны.
14. Чаплыгин Василий, 30 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство 3-х лиц с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение атлетическое. Голова правильная; узкий лоб, сильно выдающиеся скуловые отростки. Необыкновенно редко поставленные зубы (резцы). Приросшие ушные сережки. Желтое круглое пятно на правой радужной. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы тоже. Пульс 56, весьма слабого наполнения.
15. Романов Венедикт,27лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством и был медником. Убийство 3-х лиц с целью ограбления.	То же.	Телосложение умеренное. Голова правильная. Тоны сердца глухи, едва слышны. Пульс 100, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена на правой стороне. Рефлексы повышены.
16. Михайлов Матвей, 33 лет, крестьянин. Сын ссыльного. Занимался хлебопашеством. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение умеренное. Голова правильная. Выдающаяся вперед верхняя челюсть. Приросшая ушная сережка. Тоны сердца ясны. Пульс 90, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальная. Рефлексы резко повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец был здоров. Мать умерла от паралича.	–	Отец сильно пил водку. Дед тоже.	–	С 14 лет.
Отец был здоров. Мать болела припадками. Было 7 братьев, из которых 5 умерли. Один брат умер от чахотки. Брат матери был душевно-больной и его держали на цепи.	–	Отец пьяница.	Сам водку пил немного.	До женитьбы не имел.
Отца не помнит. Мать здорова.	–	Дед пьяница.	Сам начал пить водку с 10 лет.	–
Отца не помнит. Мать болела язвами на ногах.	–	Отец сильно пил водку, от которой, как говорили родные, умер (опился).	С 15 лет.	С 20 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
17. Лебедев Ефрем, 33 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. 1) Покушение на убийство, с целью ограбления. 2) Убийство с той же целью.	Семья жила без особенной нужды.	Телосложение крепкое. Голова острая, затылок весьма плоский. Правая половина черепа (теменная и лобная) сильно уплощена, благодаря чему получается резкая неправильность черепа. Асимметрия лица: правая половина меньше левой. Подавшийся назад лоб. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 74, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальная. Рефлексы повышены.
18. Черноусов Аполлинарий, 23 лет, крестьянин. Кузнец. Убийство с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение слабое. Очень маленькая, острая голова. Низкий сильно сжатый с боков лоб, выдающиеся скуловые отростки, выступающая нижняя челюсть, плоский затылок, толстые губы. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 64, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.
19. Романов Петр, 24 лет, крестьянин. Заводской рабочий. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение крепкое. Широкая голова, плоский затылок. Верхняя челюсть сильно выдается вперед. Тоны сердца ясны. Пульс 68, слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Мать болела венерической болезнью. Отец был здоров.	–	Отец запойный пьяница. Дед умер от водки («опился»).	С 14 лет.	С 17 лет.
Отец болел чахоткой. Мать здорова.	–	Отец сильно пил водку.	С 12 лет.	С 13 лет.
Отец, мать и родственники здоровы.	–	Отец и мать водки не пили.	С 10 лет.	С 18 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
20. Наливкин Андрей, 22лет, дворянин. Портной. Убийство нескольких человек с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Большая голова. Плоский затылок, выдающиеся скуловые отростки. Широкий, вдавленный посредине, нос, выступающие вперед верхние резцы. Приросшая ушная сережка. Дарвиновский бугорок. Тоны сердца ясны. Пульс 78, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы понижены.
21. Рюмша Иван, 28 лет, крестьянин. Без определенных занятий. (Портной, булочник и.т. д.). Убийство нескольких человек с целью ограбления.	Семья жила очень бедно и часто голодала.	Телосложение крепкое Острая маленькая голова. Низкий, сжатый с боков лоб, сильно развитые скуловые отростки, весьма толстые губы. Верхняя челюсть весьма резко выступает вперед, очень широкий нос. Неправильные уши (широкие внизу и кверху суживающиеся). Тоны сердца ясны. Пульс 80, хорошего наполнения. Чувствительность и рефлексы нормальны.
22. Байнорович Иван, 40 лет, крестьянин (цыган). Лошадиный барышник. 1) Воровство. Грабежи. 2) Убийство из мести.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Острая, очень маленькая голова. Узкий лоб, сжатый с висков и подавшийся назад. Ухо у́же кверху. Дарвиновский бугорок. Тоны сердца ясны. Пульс 70, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец и мать были здоровы. Двоюродный брат отца страдал душевным расстройством.	–	Отец пил водку	Водки не пил.	С 17 лет.
Отец паралитик, мать здорова. Старший брат вор, младший принимал участие в убийстве. Дед был вором.	–	Отец пьяница.	С 20 лет.	С 23 лет.
Отец был здоров. Мать умерла давно (не помнит).	–	Отец пьяница.	С 16 лет.	С 15 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
23. Крупин Антон, 40 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. 1) Убийство (мотив не выяснен). 2) Убийство мужа любовницы.	Семья жила с достатком.	Телосложение крепкое. Голова правильная. Признаков физического вырождения нет. Тоны сердца глухи. Пульс 66, необыкновенно слабый, едва ощутимый. Кожная чувствительность понижена на левой стороне. Коленные рефлексы повышены.
24. Кашпур Афанасий, 28 лет, крестьянин. Никогда почти не работал и с малых лет попал в исправительный приют, по выходе из которого судился 6 раз: 5 раз за кражу и последний раз за убийство с ограблением.	Семья жила очень плохо и часто голодала.	Телосложение крепкое. Голова правильная, но сильно развитые надбровные дуги и подавшийся назад лоб. Тоны сердца глухи. Пульс 62, весьма слабого пополнения. Чувствительность и рефлексы нормальны.
25. Кривошеев Владимир, 26 лет, мещанин. Чернорабочий, часто воровал. Убийство из мести.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Широкая голова. Сильно выдающийся затылок и лобные бугры. Сжатый с боков лоб. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 70, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна, рефлексы понижены.
26. Черепенко Степан, 29 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Судился три раза: два раза за кражу и грабеж, а третий раз за убийство с целью ограбления.	Семья жила с большим достатком.	Телосложение атлетическое. Голова широкая. Необыкновенно широкий лоб, с сильно развитыми лобными буграми. Плоский, как доска, затылок, приплюснутый широкий нос. Сильно развитая, выдающаяся вперед нижняя челюсть. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 68, умеренного наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец и мать здоровы. Старший брат болеет припадками.	Болел оспой.	Отец водку пил, но немного.	С 20 лет.	С 21 года.
–	–	Отец водку пил сильно. Дед тоже водку пил.	С 12 лет.	С 18 лет.
Отец и мать здоровы. Один брат был душевно-больной: помешательство являлось периодически, в конце каждого месяца.	–	Отец пил водку умеренно.	С 17 лет.	С 17 лет.
Отец здоров. Мать умерла от водянки. Брат отца был душевно-больной и страдал припадками: то буйствовал, то падал в судорогах (эпилепсия).	–	Отец мало пил водку	С 18 лет.	С 17 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
27. Мельчарек Бартоломей, 31 года (поляк), крестьянин. Занимался хлебопашеством. Несколько грабежей и убийство.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Голова правильная, но несколько подавшийся назад лоб. Верхняя челюсть выдается вперед. Дарвиновский бугорок. Тоны сердца глухи. Пульс 98, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена на левой стороне. Рефлексы сильно повышены. Судорожное подергивание мышц лица на одной стороне.
28. Косенчук Петр, 24 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Отцеубийство.	Семья жила очень бедно и часто голодала	Телосложение крепкое. Подавшийся назад лоб. Сильно развитые надбровные дуги; выдающаяся вперед верхняя челюсть. Аномалии зубов (резцы своими плоскостями стоят друг к другу под углом). Дарвиновский бугорок. Проросшие ушные сережки. На левой радужной черная полоса, идущая от периферии к свободному краю ее. Огромный рот и толстые губы. Тоны сердца ясны. Пульс 72, хорошего наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы нормальные.
29. Обухов Иван, 43 лет, крестьянин. Занимался воровством с малых лет (с 13 лет). Судился 6 раз за воровство и в последний раз за убийство 6 человек.	–	Телосложение слабое. Подавшийся назад лоб, узкий и сжатый с висков. Сильно выдающийся затылок. Тоны сердца ясны. Пульс 80, слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена на правой стороне. Рефлексы резко повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец умер от удара. Мать здорова.	–	Отец пил водку.	С 10 лет.	С 17 лет.
Отец был здоров. Мать умерла от паралича. Сестра болела припадками.	–	Отец сильно пил водку. Дед тоже.	С 16 лет.	С 24 лет.
Отец был здоров. Мать болела сифилисом. Два брата болели сифилисом, у одного «ноги гнили», а у другого нос провалился. Меньшой брат (было 4 брата) болел припадками 2 раза в месяц. Брат матери был душевно-больной и умер в губернской больнице.	–	Отец допивался до белой горячки.	С 17 лет.	С 17 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
30. Бабенко Козьма, 25 лет, крестьянин. Портной. Убийство с целью ограбления.	Семья жила не нуждаясь.	Телосложение слабое. Тоны сердца глухи. Пульс 74, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы понижены.
31. Сахронов Александр, 25 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством и воровством. Убийство в гневе.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Голова неправильная. Резвая асимметрия черепа, благодаря тому, что левая теменная кость как бы вдавлена. Тоны сердца глухи. Пульс 60, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
32. Абросимов Мартын, 19 лет, крестьянин. Служил табельщиком на железной дороге, где плутовством добывал деньги, неверно показывая рабочих. Отцеубийство.	–	Телосложение крепкое. Голова правильная. Верхняя челюсть слегка выдается вперед. Резцы своими плоскостями стоят друг к другу под углом. Дарвиновский бугорок. Тоны сердца глухи. Пульс 64, довольно слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
33. Ткаченко Петр, 28 лет, сын матроса. С малых лет занимался кражами. Судился 4 раза за кражи, а 5-ый за убийство с целью ограбления.	Отец держал кабак. Жил зажиточно.	Телосложение слабое. Голова правильная, но лицо асимметрично. Лоб низкий, сдавленный с боков, надбровные дуги сильно развиты. Дарвиновский бугорок. Тоны сердца глухи. Пульс 56, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы резко повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец болел «водяной болезнью». Мать тоже умерла от водянки.	–	Отец водку пил умеренно.	–	С 20 лет.
–	Постоянно страдал и теперь страдает сильными головокружениями.	–	–	С 14 лет.
Тетка матери была душевно-больная.	–	Отец часто выпивал. Дед был пьяница.	С 15 лет	С 14 лет.
Сестра умерла от чахотки.	Получил ушиб головы (ударила лошадь).	–	–	–

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
34. Крохалев Петр, 39 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение умеренное. Голова правильная. Верхняя челюсть слегка выдается вперед. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца весьма глухи. Пульс 58, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность резко понижена на левой стороне. Рефлексы повышены.
35. Донченко Иван, 38 лет, крестьянин. Занимался слесарным ремеслом. 1) Убийство е целью грабежа. 2) Тоже.	Имел хороший заработок и не нуждался.	Телосложение крепкое. Низкий лоб, выдающиеся скуловые отростки. Дарвинов бугорок. Тоны сердца глухи. Пульс 80, хорошего наполнения. Кожная чувствительность нормальная. Рефлексы тоже.
36. Полуляхов Феофилакт, 25 лет, мещанин. Служил приказчиком в винном погребе, а затем стал заниматься воровством. Убийство нескольких человек с целью ограбления.	–	Телосложение умеренное. Голова правильная. Тоны сердца ясны. Пульс 70, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальная. Рефлексы повышены.
37. Школкин Александр, 28 лет, крестьянин. Токарь. Судился два раза за два убийства, совершенные с целью ограбления.	–	Телосложение умеренное. Неправильность черепа (асимметрия), зависящая от того, что левая половина черепа уплощена. Левое ухо поставлено ниже правого. Тоны сердца ясны. Пульс 70, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены. Дрожание рук. Подергивания личных мышц.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец болел припадками (эпилепсией). Двоюродная сестра была душевно-больная.	–	–	С 19 лет.	С 18 лет.
Отец страдал какими-то судорожными припадками, когда был пьян. Дочь родного брата отца болеет припадками (эпилепсией).	Получил ушиб головы в детстве (ударила лошадь), после чего три месяца лежал в больнице.	Отец и дед сильно пили водку.	С 18 лет.	С 18 лет.
Отец умер от чахотки. Мать болела нервными болезнями и часто страдала обмороками.	–	–	С 14 лет.	С 10 лет.
Отец умер от чахотки.	–	–	С малых лет.	Давно.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
38. Шаров Александр, 38лет, казак. Занимался хлебопашеством, а потом служил по людям. Несколько убийств (3 убийства с целью ограбления).	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Голова правильная. Признаков вырождения нет. Тоны сердца глухи. Пульс 56, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальная. Рефлексы повышены.
39. Шутка Никита, 26 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство из мести.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Острая голова, сжатый с боков лоб, выдающиеся скуловые отростки; плоский затылок. Приросшие ушные сережки. Нос сильно отклонен вправо. Тоны сердца ясны. Пульс 70, слабого наполнения. Кожная чувствительность и рефлексы нормальны.
40. Шамов Лука, 27 лет, крестьянин. До 18 лет ничего не работал, а затем служил по трактирам. Убийство женщины, девочки и ее няньки с целью ограбления.	–	Телосложение крепкое. Голова правильная. Раздвоенные ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 62, слабого наполнения. Кожная чувствительность и рефлексы нормальны.
41. Соболев Прокофий, 20 лет, крестьянин. Занимался сбором милостыни. Убийство с целью ограбления.	Семья жила очень бедно.	Телосложение крепкое. Сильно выдающийся затылок. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 80, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы понижены.
42. Смирнов Емельян, 26 лет, казак. Занимался хлебопашеством и служил в работниках. Убийство из мести.	Семья жила не нуждаясь.	Телосложение умеренное. Узкий лоб, выдающийся затылок. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 100, слабого наполнения. Кожная чувствительность сильно понижена. Рефлексы понижены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец, мать и родственники были здоровы.	–	–	–	С 18 лет.
Отец здоров, матери не помнит (умерла давно).	–	Отец сильно пил водку.	С 16 лет.	С 18 лет.
Отец болел припадками. Мать здорова. Родственники все здоровы.	–	Отец сильно пил водку.	–	С 18 лет.
Отец был здоров. Мать болела чахоткой.	–	Отец водки не пил. Дед сильно пил.	–	–
Отца не помнит. Мать была здорова. Дочь брата отца страдала припадками.	–	–	С 18 лет.	С 17 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
43. Седов Иван, 33 лет, крестьянин. Плотник. Убийство с целью ограбления..	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Очень низкий лоб, плоский затылок, выдающиеся скуловые отростки. Тоны сердца глухи. Пульс 74, хорошего наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.
44. Плотников Яков, 39 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно, часто голодала.	Телосложение крепкое. Очень маленькая голова. Высокий лоб с сильно выдающимися лобными буграми. Тоны сердца глухи. Пульс 90, весьма сильного наполнения. Кожная чувствительность нормальная. Рефлексы понижены.
45. Круговой Иван, 37 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство 2-х лиц с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Плоский затылок. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 74, слабого наполнения. Кожная чувствительность на левой стороне понижена. Рефлексы нормальны.
46. Куценко Никита, 21 года, мещанин. Маляр. С малых лет занимался кражами. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение слабое. Маленькая и острая голова. Узкий и низкий лоб. Торчащие уши; выдающаяся вперед нижняя челюсть. Тоны сердца ясны. Пульс 86, хорошего наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец болел какой-то болезнью: все вскакивал с кровати и старался убежать. Мать постоянно болела. Сестры болели золотухой. Двоюродный дядя был полоумный.	–	Отец пил водку, но немного.	С 10 лет.	С 18 лет.
Мать страдала припадками. У сестры была такая болезнь, что под сердце подкатывался клубок, и она в это время долго плакала.	–	Отец сильно пил водку.	С 15 лет.	С 17 лет.
Отец и мать были здоровы. Родственники тоже.	–	Отец сильно пил водку.	С 12 лет.	С 17 лет.
Мать и родственники были здоровы. Отца не помнит, так как незаконнорожденный.	–	Мать пила водку.	С 10 лет.	С 17 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
47. Балакин Петр, 43 лет, крестьянин. Чернорабочий. Убийство 2-х лиц с целью ограбления.	Семья жила очень бедно, голодала.	Телосложение слабое. Очень маленькая голова. Необыкновенно низкий, узкий лоб, выдающийся затылок; приросшие ушные сережки. Толстые губы. Нижняя челюсть выдается вперед. Тоны сердца глухи. Пульс 64, слабого наполнения. Кожная чувствительность повышена. Рефлексы понижены.
48. Иванов Василий, 39 лет, мещанин. Торговал мелочным товаром и воровал. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение слабое. Маленькая голова. Узкий лоб, вдавленный посредине и сжатый с боков. Торчащие, очень большие уши. Тоны сердца очень глухи. Пульс 64, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы тоже.
49. Томашев Константин, 22 лет, мещанин. Служил в типографии и фотограф. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Острая голова. Узкий лоб; приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 60, умеренного наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
50. Кивунов Степан, 25 лет, крестьянин. Работал на солеваренных заводах. Убийство (мотив недостаточно выяснен).	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Широкая голова. Низкий подавшийся назад лоб, плоский затылок. Приросшие ушные сережки. Сильно развитая нижняя челюсть. Тоны сердца глухи. Пульс 60, весьма сильного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы сильно понижены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отца не помнит. Мать и родственники были здоровы.	–	Мать пила водку.	С 20 лет.	С 28 лет.
Отец был человек здоровый. Матери не помнит.	Болел горячкой.	Отец пил водку сильно	С 10 лет.	С 10 лет.
Отец был здоров. Мать имела два апоплектических удара. Два брата отца были душевно-больные	–	Отец и мать пили водку сильно.	С 13 лет.	С 13 лет.
Отец умер от водянки. Мать была здорова. Брат страдал припадками. Тетка матери сходила с ума и три года сидела на цепи.	–	Отец сильно пил водку. Мать пила, но немного. Дед тоже сильно пил.	С 18 лет.	С 15 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
51. Николаев Александр, 26 лет, крестьянин. Сперва был приказчиком, а затем торговал с лотка картофелем. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение крепкое. Левая сторона затылка выдается больше правой. Правая сторона как бы косо срезана. Правая сторона лба выдается больше левой. Нижняя челюсть сильно выдается вперед. Тоны сердца глухи. Пульс 64, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.
52. Брылин 36 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Отцеубийца.	Семья жила зажиточно.	Телосложение атлетическое. Плоский затылок. Выдающиеся скуловые отростки. Приросшие ушные сережки, толстые губы. Тоны сердца ясны. Пульс 88, весьма сильного наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
53. Павловский Александр, 25 лет (латыш), крестьянин. Садовник. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение крепкое. Сильно выдающийся затылок; выдающиеся скуловые отростки. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 68, слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена на правой стороне. Рефлексы повышены.
54. Кузовков Леон, 27 лет, крестьянин. Занимался нищенством. Убийство 3-х человек (в разное время) с целью ограбления.	Семья жила очень бедно.	Телосложение слабое. Плоский затылок. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 80, слабого наполнения. Чувствительность понижена на левой стороне. Рефлексы понижены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец страдает припадками. Мать умерла от водянки. Родной брат матери сходил с ума и его держали на цепи.	Болел венерической болезнью. Один раз в церкви во время службы сделался какой-то припадок «Брат, который был со мной, говорит, что я упал с криком».	Отец и мать водки не пили.	До преступления водки не пил.	С 19 лет.
Отец был здоров. Мать страдала удушьем.	–	Отец и мать водки не пили.	С 15 лет.	С 16 лет.
Отец страдал удушьем. Мать была здорова.	–	Отец сильно пил.	С 15 лет.	С 15 лет.
Отец умер от горячки. Мать страдала грыжей, от которой умерла. Брат был глупый (идиот).	–	Отец сильно пил.	С 15 лет.	С 19 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
55. Моисеев Прокофий, 30 лет, крестьянин. Летом занимался хлебопашеством, зимой, в Москве, занимался картонажным ремеслом. Три раза судился за кражу, четвертый за грабеж и пятый раз за убийство с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Плоский затылок и очень выпуклый лоб. Уши острые кверху. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 68, весьма слабого наполнения. Чувствительность понижена на правой стороне. Рефлексы нормальны. Подергивание мышц лица.
56. Сорока Никита, 38 лет крестьянин. Занимался хлебопашеством. Судился три раза за кражи и четвертый за убийство с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Маленькая голова. Низкий лоб. Приросшая ушная сережка. Тоны сердца ясны. Пульс 62, умеренного наполнения. Чувствительность понижена на правой стороне. Рефлексы повышены. Подергивание мышц лица.
57. Калугин Василий, 23 лет, крестьянин. Ямщик. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение крепкое. Острая голова. Плоский затылок; необыкновенно широкое лицо; сильно развитые скуловые отростки. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 72, слабого наполнения. Чувствительность понижена. Рефлексы повышены.
58. Маяков 55 лет, солдатский сын. С малых лет бродяжничал и занимался воровством. Убийство семейства из 6 душ с целью ограбления. Убийство урядника.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Плоский затылок, выдающиеся скуловые отростки. Радужная оболочка 2-х цветов. Тоны сердца глухи. Пульс 70, слабого наполнения. Кожная чувствительность резко понижена. Рефлексы тоже.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец, мать и родственники здоровы.	–	Отец сильно пил: допивался до белой горячки.	С 22 лет.	С 17 лет.
Отец и мать были здоровы. Дед по матери несколько раз сходил с ума.	–	Отец сильно пил: допивался до белой горячки.	С 15 лет.	С 16 лет.
Отец был здоров. Мать умерла от чахотки.	–	Тоже.	С 17 лет.	С 17 лет.
Отец был человек слабый. Мать умерла от чахотки. Брат отца несколько раз сходил с ума и лечился в больнице.	–	Отец пил сильно.	С малых лет.	С 20 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
59. Кудринский Игнатий, 44 лет, крестьянин. Ямщик. Два раза судился за воровство и третий за убийство с целью ограбления.	Тоже.	Телосложение крепкое. Плоский затылок. Верхние резцы при сжимании челюстей почти совершенно прикрывают нижние. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 68, умеренного наполнения. Кожная чувствительность и рефлексы нормальны.
60. Козлов Савелий, 35 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство жены.	Семья жила бедно.	Телосложение слабое. Острая, очень маленькая голова. Низкий, сжатый с боков лоб, подавшийся назад. Сильно развитые скуловые отростки, выдающаяся вперед нижняя челюсть. Торчащие уши. Тоны сердца глухи. Пульс 58, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы понижены.
61. Гордеев Николай, 29 лет. Печник. Убийство с целью ограбления.	Семья жила зажиточно.	Телосложение слабое. Острая голова. Очень низкий, сдавленный с боков лоб, сильно развитые скуловые отростки, выдающийся затылок. Тоны сердца глухи. Пульс 74, слабого наполнения. Чувствительность повышена. Рефлексы понижены.
62. Комкалов 26 лет, крестьянин. Мельник. Убийство (мотив не выяснен) (служил на военной службе и часто подвергался наказаниям за побеги).	Семья жила довольно бедно.	Телосложение крепкое. Низкий, подавшийся назад лоб, сильно развитые скуловые отростки, приросшие ушные сережки. Тоны сердца глухи. Пульс 60, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена резко. Рефлексы повышены. Легкий парез правой половины лица.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец здоров. Мать женщина болезненная. Дед по отцу был душевно-больной.	–	Отец пил сильно. Мать пила, но немного.	С 12 лет.	С 14 лет.
Отец умер от «простуды». Мать здорова. Брат страдает удушьем.	–	Отец и мать водку пили, но умеренно.	С каких лет начал пить, не помнит.	С 14 лет.
Отец здоров. Мать умерла от родов	–	Отец пил.	С 12 лет.	С 20 лет.
Отец был здоров. У матери бывали обмороки. Прадед был сослан в Сибирь.	–	Отец сильно пил. Мать пила, но немного.	С 15 лет.	До женитьбы не имел половых сношений.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
63. Козлов Федор, 28 лет, крестьянин. Чернорабочий. Убийство в гневе.	Семья нищенствовала.	Телосложение слабое. Маленькая голова. Очень низкий лоб и сильно выдающийся затылок. Тоны сердца глухи. Пульс 70, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность повышена на левой стороне. Рефлексы понижены.
64. Федоров Семен, 30 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством и служил потом лесником. Убийство с целью ограбления.	Семья жила без особой нужды.	Телосложение крепкое. Низкий лоб и очень развитой затылок. Тоны сердца глухи. Пульс 60, слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы очень понижены.
65. Буланов Олимпий, 38 лет, мещанин. Служил на кожевенном заводе. Судился 5 раз: 4 раза за воровство и 6-й за убийство с целью ограбления.	Семья жила очень бедно, приходилось голодать.	Телосложение слабое. Сильно развитой затылок Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 68, слабого наполнения. Кожная чувствительность резво понижена. Рефлексы повышены.
66. Максимов Петр, 43 лет, крестьянин. Кузнец. Убийство е целью ограбления.	Семья не нуждалась.	Телосложение крепкое. Весьма развитой затылок. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 60, хорошего наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы повышены.
67. Мосур Петр (поляк), крестьянин. Контрабандист. Убийство е целью ограбления.	Семья жила очень зажиточно.	Телосложение слабое. Весьма низкий лоб. Широкий затылок. Развитая нижняя челюсть. Тоны сердца глухи. Пульс 70, слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы резко понижены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец был здоров. Мать болела припадками. Сестра болела душевным расстройством.	Болел припадками. Занимался онанизмом.	Тоже.	С 12 лет.	До 20 лет занимался онанизмом и, когда женился, этой привычки не оставил.
Отец умер неизвестно от какой болезни. Мать была здорова. Сын брата отца был душевно-больной.	–	Отец сильно пил водку.	С 15 лет.	С 15 лет.
Отец умер давно неизвестно от какой болезни. Мать умерла от мозговой болезни (отнялся язык и лежала без памяти).	–	–	С 15 лет.	С 15 лет.
Отец был человек здоровый (задавлен упавшим жерновом). Мать была женщина болезненная.	–	Отец водки не пил.	С 10 лет.	С 18 лет.
Отец здоров. Матери не помнит, родственники здоровы.	–	Отец сильно пил.	С 10 лет.	–

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
68. Корчма Авксентий, 27 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Служил в пограничной страже. Убийство с целью ограбления.	Семья жила очень зажиточно.	Телосложение крепкое. Маленькая голова. Плоский затылок, развитые скуловые отростки и сильно развитая нижняя челюсть. Весьма низкий лоб; необыкновенно подвижные уши. Тоны сердца глухи. Пульс 76, слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы тоже.
69. Вакул Никифор, 27 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством, а затем служил в пограничной страже. Убийство с целью ограбления.	–	Телосложение умеренное. Голова неправильная. Правая половина темени уплощена (косой череп). Голова кверху сильно расширяется. Затылок плоский. Левый угол нижней челюсти резво выдается. Крайний резец верхней челюсти справа острый, как шило. Тоны сердца очень глухи. Пульс 48, умеренного наполнения. Кожная чувствительность, понижена. Рефлексы резко понижены, едва заметны.
70. Соколов Петр, 27 лет, крестьянин. Пильщик. Убийство с целью ограбления.	Семья особенной нужды не знала.	Телосложение слабое. Очень маленькая голова. Лоб высокий, но сжатый с боков, сильно развитые скуловые отростки, выдающийся затылок. Торчащие уши. Тоны сердца глухи. Пульс 58, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы тоже.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец умер от пьянства. Мать неизвестно от какой причины.	–	Отец сильно пил.	До службы водки не пил, а на службе начал.	–
Отец, мать и родственники здоровы.	–	Тоже.	С 17 лет.	С 17 лет.
Отец убит в драке. Мать была здорова. Кто-то из родных (не помнит) был безумным. Мать рассказывала, что сажали на цепь в сарае.	–	Отец сильно пил.	С 16 лет.	С 16 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
71. Березин Яков, 30 лет, крестьянин. Сперва занимался хлебопашеством, а затем работал на фабрике. Убийство из ревности.	Семья жила зажиточно.	Телосложение слабое. Затылок плоский. Лоб высокий. Резцы верхней челюсти неправильно поставлены (повернуты вокруг своей оси). На радужных оболочках черные, резко ограниченные пятна. Тоны сердца глухи. Пульс 68, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы нормальны.
72. Гусев Николай, 27 лет, дворянин. Учился в корпусе, а затем в фельдшерской школе. Нигде не окончил. 1) Покушение на убийство. 2) Убийство в гневе из мести.	Семья жила зажиточно.	Телосложение крепкое. Острая голова. Сильно развитой затылок. Тоны сердца глухи. Пульс 78, слабого наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы понижены.
73. Таропчук Филипп, 24 лет, крестьянин. Жил в работниках. Убийство 2-х человек (в разное время) с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Сильно выдающийся затылок. Тоны сердца глухи. Пульс 68, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы резко понижены.
74. Галанский Григорий, 37 лет, мещанин. Никакой работой не занимался. Жил у отца, который держал мясную лавку. Часто воровал. Судился 2 раза. 1) Грабеж. 2) Убийство с целью ограбления.	Семья жила очень зажиточно.	Очень маленькая голова. Узкий и низкий лоб. Сильно развитой затылок. Тоны сердца ясны. Пульс 70, весьма слабого наполнения. Кожная чувствительность повышена. Рефлексы понижены.
75. Гулька Александр, 47 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство с целью ограбления.	Тоже.	Со стороны устройства головы никаких неправильностей не найдено. Тоны сердца ясны. Пульс 64, умеренного наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы тоже.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец убит лошадью. Был человек здоровый. Мать страдала припадками. Сестра тоже. Брат был припадочный. Во время купанья сделался припадок, и он утонул.	–	Тоже	С 20 лет.	–
Отец и мать были здоровы. Брат отца душевно-больной.	–	Отец пил, но умеренно	–	С 15 лет.
Отец здоров. Мать умерла давно неизвестно от какой болезни. У сестры покривлено лицо на одну сторону.	–	Отец сильно пил.	–	
Отец болел геморроем. Мать была здорова. Старший брат болел припадками. Брат отца был душевно-больной.	–	Отец сильно пил.	–	С 13 лет.
Отец и мать были здоровы.	–	Отец пил, но умеренно	С 18 лет.	С 18 лет.

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
76. Устюжинин Яков, 19 лет. Занимался хлебопашеством. Отцеубийство.	Семья жила, не нуждаясь.	Телосложение слабое. Голова правильная. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 70, умеренного наполнения. Кожная чувствительность понижена. Рефлексы тоже.
77. Власов Тимофей, 25 лет. Чернорабочий. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение крепкое. Сильно развитой затылок. Приросшие ушные сережки. Тоны сердца ясны. Пульс 68, хорошего наполнения. Кожная чувствительность нормальна. Рефлексы повышены.
78. Разильдеев 52 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство с целью ограбления.	Семья жила бедно.	Телосложение слабое. Очень низкий лоб, сжатый с боков. Сильно развитой затылок. Тоны сердца глухи. Пульс 66, умеренного наполнения.
79. Щербина Иван, 33 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством. Убийство тещи в гневе.	Семья жила без особенной нужды.	Телосложение умеренное. Голова правильная. Тоны сердца ясны. Пульс 80, слабого наполнения. Кожная чувствительность и рефлексы понижены.

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец и мать были здоровы. Брат матери страдает припадками и делается после них, как безумный.	Болел тифом, когда было 13 лет, а в 14 лет сильно была побита голова.	Отец сильно пил.	–	С 17 лет.
Отец и мать были здоровы. «Брат пришел со мною по одному делу».	–	Отец пил, но немного.	–	С 17 лет.
Отец был припадочный. У матери тоже были припадки, во время которых она сильно кричала и ругалась нехорошими словами. Один брат умер от чахотки, другой был безумный. Брат матери несколько раз сходил с ума, и его приковывали на цепь.	Два раза болел горячкой.	Отец сильно пил.	Пил немного.	–
Отец и мать были здоровы.	–	Отец пил, но немного.	С 24 лет.	–

Имя и фамилия. Лета и звание преступника. Род занятий до преступления. Род преступления.	Имущественное положение.	Данные физического исследования.
80. Земляной Егор, около 35 лет, крестьянин. Занимался хлебопашеством и часто воровал. Сослан за убийство 2-х лиц с целью грабежа.	Семья жила бедно.	–

Болезни родителей, родственников и их преступность.	Личные болезни.	Алкоголизм родителей и родственников.	Личный алкоголизм.	Половая жизнь.
Отец и мать были здоровы. За постоянные кражи были сосланы в Сибирь на поселение по приговору общества. Старший брат тоже сослан по приговору общества за воровство. Еще два брата сосланы за убийство девушки.	–	Отец пьяница.	С 20 лет.	С 18 лет.

V
Убийцы, алкоголизм и половой инстинкт

Алкоголизм кого-либо из родителей – одна из наиболее плодотворных причин преступности ребенка. Опьянению Юпитера, при зачатии Вулкана римляне приписывали уродливость этого бога.

Havelock Ellis – «Преступник».

Пьяному море по колено, а лужа по уши.

Из пословиц Л.Н. Толстого.

При знакомстве с душевным и телесным складом преступника, с условиями, среди которых появляются люди с преступными наклонностями, с характерными чертами их преступной деятельности, мы всякий раз наталкивались на два фактора, проходящие красной нитью через всю жизнь и деятельность преступника. Факторы эти – алкоголизм и половой инстинкт. В этой главе, пользуясь имеющимся у меня материалом, составившимся из личных моих наблюдений и наблюдений других исследователей, я попытаюсь разобраться в тех взаимоотношениях, которые, несомненно, существуют между алкоголизмом и половым чувством с одной стороны и преступностью с другой. – Говоря точнее, я ставлю своею задачей: 1) выяснить роль и значение алкоголя, как фактора, деградирующего человеческую личность в том направлении, при котором она ставится в условия, толкающие ее на путь преступления; 2) определить, в каком отношении стоит половой инстинкт к преступности и, в частности, ориентироваться в тех его изменениях в связи с отравлением организма спиртом, которые, как приходится наблюдать, весьма часто являются причиной преступлений и, главным образом, убийства. Само собой разумеется, что я не претендую на открытие новых горизонтов в затронутых мной вопросах, а только хочу лишний раз подчеркнуть роль и значение алкоголя, этого потребительного яда, как страшно-

го, смертельного врага человечества, ведущего по пути вырождения, и связанных с ним социальных бедствий с преступностью во главе. Попутно я коснусь полового вопроса в той его части, в которой он соприкасается, с одной стороны, с алкоголизмом, а с другой – с человеческой преступностью.

Ломброзо в одной из своих работ[1] приводит ряд статистических данных различных авторов, ярко подчеркивающих связь преступности с алкоголизмом. По вычислению бельгийских ученых, говорит он, алкоголь является причиной преступлений в 25–27%. В Нью-Йорке из 49 423 осужденных 30 509 было привычных пьяниц. В Соединенных Штатах из 100, отбывших заключение в тюрьмах, в 1890 году было 20 горьких пьяниц, 60 пивших умеренно и только 20 вовсе не пивших. В Голландии установлено злоупотребление вином в 4/5 всех преступлений. В Швеции 3/4 всех преступлений приходится на долю алкоголизма. В Англии 10 000 из 29 752 лиц, осужденных уголовными судами, и 50 000 из 90 903, приговоренных к наказаниям обыкновенными судьями, совершили свои преступления, благодаря посещению кабаков. Во Франции Guillmin определяет в 50% число преступлений, совершенных под влиянием алкоголя, а для Германии Baer считает его равным 41%. В числе исследованных мною 80 преступников-убийц личный алкоголизм встречен в 86%, причем 30% начали употреблять алкоголь с весьма раннего возраста (10–15 лет)[2]. Мои цифры подходят наиболее к цифрам Marro и Rossi, из которых первый наблюдал 73% преступников отчаянных пьяниц и только 10% из них были совершенно не пьющие, и второй нашел в «преступной сотне» Ломброзо 81% пьяниц, из которых 23% предавались пороку уже с детства.

Обращаясь к родителям преступников, мы видим, что и здесь алкоголизм имеет значительное число представителей. Так, Ломброзо, исследуя влияние наследственности у 104 преступников, нашел, что у 20 из них были отцы алкоголики, у 11 – матери. Д-р Virgilio нашел алкоголизм у родителей преступников в 26,8%. Penta говорит, что из 631-го исследованных им преступников у 185 были родители

---

[1] Ц. Ломброзо. «Преступление». Гл. VI. Алкоголизм.

[2] Н. Лобас. «Некоторые черты из психофизики преступников». «Врачебная Газета». 1904, № 3 (Предварительное сообщение).

алкоголики (29,1%), а Marro, изучая родителей 500 преступников, установил у них алкоголизм отца в 40%, матери – в 15% (данные эти мной позаимствованы из книги Ломброзо – «Преступление»). У исследованных мною 80 преступников 78 родителей (64 отца и 14 матерей) употребляли алкоголь. Из 69 отцов 46 были пьяницами (из них 10 болели белой горячкой). Выходит, таким образом, что процент алкоголиков-родителей исследованных мной преступников дает цифру, значительно превосходящую цифры исследователей, о которых я говорил выше. Причину этого нужно искать, как мне кажется, в том, что я для своих исследований взял преступников однородных и притом, так называемых, корыстных убийц, которые являются наиболее яркими, наиболее типичными представителями преступной семьи, а, значит, и людьми наиболее деградированными со стороны своих психофизических свойств, в чем, несомненно, огромную роль играли дефекты их организации, унаследованные от родителей-алкоголиков, дефекты, сверх того, отягченные личным алкоголизмом[1].

Красноречивый язык цифр показывает нам, что очень большой процент преступников рекрутируется из алкоголиков и их потомков. Такое положение дела подсказывает нам, что одной из главных причин развития преступных наклонностей у большого числа преступников служит непосредственное отравление организма спиртом, или наследственная передача данному организму дефектов родителей-алкоголиков. Прежде чем говорить о роли алкоголя, как фактора, ведущего человеческую личность по пути преступления, я считаю необходимым детально остановиться на вопросе о влиянии этого яда на психофизику человека вообще и на половую его жизнь в частности. Полученные таким путем данные, при сопоставлении их с наблюдениями над преступниками, дадут опорные пункты для выяснения того, я бы сказал, специфического действия алкоголя на человеческий организм, при котором он, производя изменения в тех или других органах, раздражая одни из них и угнетая другие, создает почву для культивирования у данного индивидуума преступных наклонностей.

[1] Из 80-ти исследованных мной преступников 60 имели родителей алкоголиков и сами употребляли алкоголь.

Наблюдая картину острого отравления организма алкоголем, мы очень легко можем установить, какие органы его наиболее реагируют на поступление в него этого яда и как реагируют. Д-р Грановский говорит[1]: «До недавнего времени, говоря о вреде и опасности чрезмерного употребления алкоголя, обыкновенно под таковым подразумевали острое отравление им. И это понятно. На организме, находящемся в состоянии опьянения и вскоре после него, видны наглядно весь вред и опасности, грозящие человеку от алкоголя. В этом случае причина и следствие так близко отстоят друг от друга во времени, связь между ними, не затемненная никакими побочными обстоятельствами, настолько ясна и непосредственна, что подметить ее и сделать надлежащие выводы доступно всем и каждому»... Д-р Стеллецкий[2] так рисует картину острого отравления спиртом: ...«*В самом начале наступает паралич высших задерживающих центров*, вследствие чего ускоряются психомоторные процессы, волевые движения и рефлекторные акты (курсив повсюду мой). В это время человек становится говорлив, бесцеремонно развязен... *является беззастенчивость, как результат паралича высших контрольных центров*». Причина этих явлений кроется, как говорит Стеллецкий, в том, что прежде всего, при отравлении алкоголем, поражаются клетки головного мозга. Раньше всех поражаются высшие центры, именно ганглии серого вещества большого мозга. Всякий, наблюдавший пьяного человека, знает, что по мере опьянения все больше и больше выступает поражение контрольных мозговых аппаратов. Говорливость переходит в целый поток бессвязных речей; бесцеремонная развязность проявляется все в более и более неприглядных формах; совершенно пропадает чувство стыда. Нравственная бесчувственность отравившегося спиртом доходит до того, что он, не считаясь с окружающими его условиями, цинично ругается; к лицам женского пола пристает с бесстыдными предложениями; отправляет свои естественные нужды на глазах у всех. Не признавая никаких условностей, он поет, кричит, где ему вздумается. На все раздражения он реагирует необыкновенно быстро и бурно, переходя, при малейшем поводе, а то и без всякого повода, к насильственным дейс-

---

[1] Д-р А.Б. Грановский. «Общественное здравоохранение и капитал». «Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова». 1907. № 5.

[2] Д-р Стеллецкий. «Алкоголизм, как социальное зло и борьба с ним». Там же.

твиям по отношению к предметам и лицам его окружающим: бьет окна, посуду; стремится вступить в драку, и во время столкновения с окружающими его лицами нередко прибегает к оружию и наносит смертельные раны. Убийства в пьяном виде, как известно, составляют большой процент всех убийств.

Говоря о влиянии алкоголя на человека, г. Дриль приводит случаи[1], когда это влияние сказывалось в том, что опьяневший субъект имел неудержимое влечение к убийству. Д-р Motet, по словам Дриля, рассказывает об одном мяснике, привычном пьянице, который однажды, после основательной выпивки, схватил нож и ударил им, без всякого повода, своего товарища и потом себя. Тот же д-р Motet передает о другом случае, когда один человек, под влиянием острого отравления спиртом, без всякого повода, напал на улице с ножом в руках на кучку незнакомых людей и четырех из них тяжело ранил.

Алкоголь, попавший в организм, заставляет умолкнуть все благородные порывы человеческой личности. Любовь к ближнему, чувство сострадания совершенно подавляются. Преступники, зная по опыту о таких свойствах алкоголя, весьма часто, отправляясь на преступление, подбадривают себя водкой, имея в ней верного союзника в темных делах на тот случай, если голос совести, не совсем угасшей, если чувство сострадания, не окончательно заглохшее в душе преступника, в нужный момент явятся помехой и попытаются удержать его руку от решительного и злого деяния. Алкоголь быстро и верно справляется с этическими чувствами. Kräpelin доказал[2], что 30–45 грам. абсолютного этилового алкоголя замедляют и даже парализуют все духовные функции организма. Под влиянием возбуждения алкоголем, говорит он, у пьяного появляются иллюзии и *наклонность к самым зверским поступкам*; ассоциация идей изменяется у него, и он делается способным беспрестанно повторять одни и те же слова и поступки, *не замечая их грубости и пошлости*. Kräpelin объясняет это тем, что у отравившегося спиртом *парализуются функции задерживающих центров*.

На основании приведенных выше данных, мы совершенно определенно можем указать органы, наиболее реагирующие на поступление спирта в организм. Головной мозг и притом высшие его

---

[1] Д. Дриль. «Психофизические типы».

[2] Ц. Ломброзо. «Преступление».

центры представляются наиболее уязвимыми для спирта. Отсюда ясно, почему у пьяного человека весьма свободно, я бы сказал, безудержно, проявляются его инстинктивные стремления. Повторное введение спирта в организм в течение долгого времени, носящее название хронического алкоголизма, действуя на организм в том же направлении, как и острое отравление, т. е. захватывая в сферу своего влияния преимущественно центральную нервную систему, в значительной степени изменяет ее и, так сказать, фиксирует ее порочность, благодаря которой и функции ее изменяются весьма резко. В хроническом периоде отравления спиртом, говорит д-р Маньян[1], присоединяется новый фактор; состояние больного *изменилось*; зерно то же, но почва другая, *алкоголь сделал из прежней личности другую*... При хроническом алкоголизме, продолжает он, мы встречаем ослабление памяти, менее верное суждение, неспособность к сознательному отношению к предметам... и, наконец, *значительное притупление нравственной чувствительности*. Все интеллектуальные, нравственные и чувственные способности у хронических алкоголиков в упадке; он *беззащитно предан в жертву своих инстинктивных склонностей*. – Алкоголь, говорит Ломброзо[2], *возбуждая и направляя в дурную сторону деятельность своей* несчастной жертвы, мало-по-малу совершенно овладевает ею, *парализуя ее лучшие и благородные чувства и болезненно изменяя центральную нервную систему*... Алкоголь, говорит он дальше, служит новым доказательством истинности той аксиомы, что преступление есть следствие болезненно измененного организма... Проф. Чиж[3] говорит: «Хроническое отравление алкоголем нервной системы обычно ведет к *притуплению высших чувствований*, особенно умственной силы и воли, и вот, порядочный, дельный гражданин, вследствие изменения его организма, превращается в негодяя и преступника».

По словам проф. E. Harnack'a[4], нет ни одного органа, который бы уцелел от поражения алкоголем, и особенно резкому поражению подвергается нервная система (Polyneuritis, meningitis,

[1] Д-р Маньян. «Алкоголизм».
[2] Ц. Ломброзо. «Преступление».
[3] Проф. Чиж. «Медицинское изучение преступника». Труды 5-го съезда врачей в память Н.И. Пирогова.
[4] Проф. E. Harnack. «Отравления».

pachymeningitis, размягчение мозга, психозы и нравственные дефекты) и аппарат кровообращения (ожирение и расширение сердца, хроническое воспаление и перерождение стенок сосудов, атероматоз артерий, сосудов сердца и мозга, пороки сердца, эмболии и апоплексии). Harnack, называет алкоголь специфическим нервным ядом. Если мы к этому прибавим, что острые отравления спиртом производят в мозгу такие изменения, которые влекут за собой заболевания острыми и подострыми психозами (простой алкогольный бред и белая горячка), что хронический алкоголизм ведет к стойким поражениям нервной и кровеносной систем (слабоумие, общий паралич, атероматоз сосудов), то нам станет совершенно ясной та почва, на которой появляются и пышно цветут заболевания преступными наклонностями как у личных алкоголиков, так и у их потомков, получивших по наследству измененные алкоголем, порочные нервную и кровеносную системы. Само собой разумеется, что почва для развития преступных наклонностей делается еще восприимчивее и плодороднее у тех лиц, которые имели родителей алкоголиков и сделались личными алкоголиками. – Алкоголь, говорит Форель, действует на наш род преимущественно двояким образом: отравлением зародышевых клеток, или бластофторий и отравлением индивида[1]. – Центральная нервная система и аппарат кровообращения, как мы видели выше, являются наиболее уязвимыми местами для алкоголя, а потому мозг алкоголика попадает в настоящий circulus vitiosus[2]. С одной стороны, элементы центрального нервного аппарата страдают и резко изменяются от непосредственного воздействия на них алкоголя, а с другой – они терпят ущерб от недостаточного притока питательного материала вследствие поражения кровеносной системы тем же алкоголем.

Чтобы покончить с влиянием алкоголя на человеческий организм, мне остается еще указать на роль алкоголизма родителей, как фактора, деградирующего их детей со стороны их психофизических свойств. Вопрос этот в достаточной степени выяснен, как медицинскими исследованиями, так и работами представителей уголовно-антропологической школы, собравшими огромный материал, весьма ярко и выпукло подчеркивающий связь между хроническим алкого-

[1] Проф. Форель. «Алкоголь, наследственность и половая жизнь».

[2] Порочный круг.

лизмом родителей, с одной стороны, заболеваниями и преступностью детей, с другой. «Д-р Le Grain, – говорит Тарновская[1], – так много писавший о наследственности и алкоголизме, в одной из своих работ говорит, что пьянство родителей есть один из самых мощных факторов вырождения. – Морель (Тарновская) говорит, что понижение умственных способностей *и самые дурные инстинктивные склонности* встречаются у детей алкоголиков». Необыкновенно резким примером дурной наследственности, в которой, по-видимому, огромную роль играл алкоголизм, является потомство известного американца Max'a Juke. От Juke, пьяницы и развратника и его жены, воровки и пьяницы, произошло потомство, давшее 181 проститутку, 142 нищих, 76 преступников, 18 содержателей публичных домов, 131 калек и идиотов. В пятом поколении этой удивительной семьи все мужчины были преступниками, все женщины проститутками.

Переходя теперь к выяснению роли полового инстинкта в человеческой преступности, мы позволим себе, хотя коротко, остановиться на прекрасной работе Дриля[2], в которой он собрал богатый материал, бросающий свет на существование загадочной связи между половым инстинктом и наклонностью некоторых преступников, ради достижения намеченной цели, действовать при помощи убийства. Изучая убийства в их различных типах, г. Дриль расположил эти типы в один убывающий ряд, начиная с убийств, в которых резко на первый план выступает зависимость их от полового инстинкта, и кончая корыстными убийствами, в которых можно обнаружить связь, хотя и отдаленную, между ними и половым инстинктом. Благодаря постепенности переходов от одних типов к другим, во всех, приводимых г. Дрилем, случаях убийств выступает внутреннее сродство. «Сравнивая, – говорит г. Дриль, – начальное и конечное звено представляющегося ряда явлений – случаи грубой похотливости, не останавливающейся для своего удовлетворения перед насилием и убийством, и случаи жестоких корыстных убийств, мы на первый взгляд заметим в их субъективной стороне мало общего, но, если внимательно вглядимся во все предшествующие звенья, во все множество промежуточных, постепенно видоизменяющихся явлений, то близкое родство всех описанных явлений само собой

[1] П.Н. Тарновская. «Женщины-убийцы».
[2] Д.А. Дриль. «Преступники и преступность». Гл. V. Убийства и убийцы.

бросится в глаза». Целым рядом убедительных примеров г. Дриль иллюстрирует свое положение. Загадочные психические состояния, при которых повышенное половое чувство, окрашивая настроение человека в злобный оттенок, фиксирует его внимание на жестоких преступлениях, подмечены некоторыми писателями. Октав Мирбо в одном из своих произведений[1] устами своей героини говорит: «В преступлении есть что-то жестокое, торжественно карающее, суровое, что, конечно, пугает меня, но в то же время возбуждает во мне, я не знаю, как это сказать, чувство преклонения. Нет, не преклонение, потому что преклонение есть чувство моральное, своего рода духовная экзальтация, а то чувство, которое я ощущаю, *возбуждает половую мою физику*... Это очень любопытно, может быть, странно и гадко, и я не могу понять мотив этих ощущений, *но для меня всякое преступление, особенно убийство, имеет какую-то тайную связь с любовью*... Ну, да чего не сказать прямо... *Ловкое преступление привлекает меня, как самец*...» Havelock Ellis[2], говоря о рисунках преступников, подчеркивает, что в них играет главную роль половой замысел, не изящный, но большой и мерзкий. «В изображении наготы, – продолжает он, – преступники находят большое удовольствие». Havelock говорит об одном рисунке, на котором была изображена группа голых женщин в экстравагантных позах, говорящих за то, что художник-преступник в этой сцене разгульного разврата выражал мечты, которые его *пожирали*. Если мы обратимся к рисункам, которые некоторые преступники воспроизводят при помощи татуировки на своем теле, то и здесь мы сталкиваемся со связью полового инстинкта с преступностью, так как большинство рисунков имеет эротический характер и ими преступник запечатлевает на собственном теле обуревающие его желания. Обыкновенно, при помощи татуировки, преступник изображает пронзенные стрелами пылающие сердца, голых женщин в разнообразных позах, цирковых наездниц, танцовщиц с огромными, обнаженными бюстами. На одном фотографическом снимке убийцы, имеющемся в моей коллекции, изображены такие рисунки: на правой руке – женщина с поднятым бокалом, стоящая у бочки с вином, на левой – голая женщина; на ноге – женщина, одетая только в корсет и чулки, с кинжалом в

---

[1] О. Мирбо. «Дневник горничной».

[2] Havelock Ellis. «Преступник».

руке; на животе изображен неестественный половой акт. У ног женщины – бутылки с вином, а над головой мужчины надпись: in bier carten. На penis'е преступника вытатуирован якорь[1].

Мои наблюдения над корыстными убийцами, т. е. над тем видом преступников, которых г. Дриль помещает в конечное звено своего убывающего ряда, заставляет меня вместе с ним признать существование у некоторых преступников связи между половым чувством и наклонностью действовать убийством. Изучая корыстных убийц, я на каждом шагу видел, что главным двигателем, толкающим их на преступный путь, является непомерная жажда всяческих удовольствий, с удовлетворением полового инстинкта во главе. В конце главы я укажу, пользуясь имеющимися в науке данными, на роль алкоголя в деле изменения полового инстинкта и попытаюсь выяснить, в силу каких причин повышенное половое влечение, замечаемое у преступников, окрашивает их настроение в злобный оттенок, благодаря которому у них легко возникает мысль об убийстве, а пока перехожу к личным наблюдениям и приведу несколько случаев корыстных убийств из имеющейся у меня под руками литературы. Мне придется вернуться к некоторым преступникам, о которых я говорил в предыдущих главах с тем, чтобы подчеркнуть те черты их психики, в появлении которых повинны алкоголь и повышенный половой инстинкт.

---

[1] Ломброзо, говоря в одном из своих сочинений («Преступный человек») об атавистических чертах преступников, приближающих их к людям первобытным или к современным дикарям, считает одной из таких черт склонность к татуировке. Среди десятков тысяч преступников, которым на Сахалине мне приходилось производить телесные осмотры, я очень редко встречал преступников с татуировками. За семь лет пребывания моего на Сахалине я видел их не более 10–15 человек. Такое ничтожное количество весьма красноречиво говорит за то, что татуировка – явление среди преступников случайное и причислять ее к чертам, роднящим преступника с первобытным человеком или современным дикарем, нет никаких оснований. Чаще всего татуировке подвергаются матросы, офицеры, иногда пассажиры кораблей, посещающих, напр., такие страны, как Япония, где искусство татуировки достигло высокой степени совершенства. Мне, во время путешествия на Дальний Восток, пришлось видеть много матросов и офицеров с татуировками, производ. в Японии. Если в тюрьмах попадаются арестанты, умеющие накалывать и красить рисунки на теле, то товарищи их охотно подвергаются такой операции, при чем воспроизводят на своем теле рисунки, которые, обыкновенно, по своему содержанию отвечают настроению или вкусам своих обладателей.

П–н. Отец – труженик, непьющий. Мать – пьяница, напивавшаяся ежедневно. Старший брат – вор, две сестры проститутки. П–н учился в приходской школе, но скоро бросил, благодаря лени и шалостям. С 13 лет начал покучивать, а в 16 – попал в тюрьму за кражу.

В дальнейшем жизнь П–ва проходила между тюрьмой, поисками легкой наживы и удовольствиями (кутежами и развратом). В плохие времена, когда не было денег, он бездельничал, валялся на диване и все мечтал, исключительно о легкой, привольной жизни, об удовольствиях.

Живет П–н с родителями на квартире у старушки-ростовщицы и знает, что у нее имеются большие деньги. Жизнь в губернском городе полна соблазнов, и мысль П–на, *подогреваемая желанием окунуться с головой во всяческие удовольствия, упорно вертится на необходимости добыть денег, добыть, какой бы то ни было ценой.*

В один из вечеров зашел к П– ну его тюремный товарищ и принес с собой водки. После основательной вышивки П–н предложил товарищу в компании убить хозяйку и ограбить ее.

В 10 часов утра П–н с приятелем отправились к хозяйке «нанимать комнату». Среди разговоров П–н схватил хозяйку за горло. Он душил жертву, а приятель его бил ее по голове топором, найденным здесь же. Ограбив старуху, убийцы *сейчас же* отправились в банки менять деньги, а оттуда в гостиницы и притоны разврата.

М–в Николай. Отец сильно пьянствовал, часто болел белой горячкой. Мать страдала нервными припадками. С малых лет крал у отца деньги и тратил их на удовольствия и особенно на женщин. Когда начал жить самостоятельно, *то все, что зарабатывал, тратил на кутежи и женщин.* Средств на такую жизнь не хватало. «*Вне такой жизни,* – говорит М–в, – *я существовать не мог.* Стал воровать и несколько раз судился за кражи. Познакомился с горничной в богатом доме и однажды, воспользовавшись отсутствием хозяев, убил горничную и ограбил квартиру».

П–в Феофилакт. Отец сильно пил водку, мать была женщина очень нервная. *С 10 лет П. почувствовал влечение к женщинам,* а когда исполнилось 14 лет, *влечение сделалось непреодолимым.* «*Кутежи и разврат,* – говорит П., – *поглощали все мое время и все мои деньги*». П., с целью добыть средства на такую жизнь, убил одновременно пять человек,

К–р Афанасий. Отец хронический алкоголик. Напивался каждый день. Мать здорова. С 12 лет К. начал пить водку и с этого же времени стал заниматься кражами. 14-ти лет попал в исправительный приют, откуда несколько раз бегал и на свободе совершал кражи. 18-ти лет вышел из приюта и сделал попытку заняться честным трудом, но «*жалованья не хватало*, – говорит К., – *так как я тратил все деньги на выпивку и девиц, без чего жить не мог*». К–р задушил свою квартирную хозяйку, с целью ограбления.

Н–н Андрей. Отец пьяница. Сам Н. водки не пил. *Половую жизнь повел с 17-ти лет и в этом отношении был весьма неумерен*. «Со страстью, – говорит Н., – я предавался чтению любовных романов. Все свободное время посвящал разным увеселительным местам. Денег было мало, – говорит Н., – *а тут, как нарочно, познакомился с хористкой малороссийского театра и совсем стало плохо*». Для того, чтобы добыть денег, Н. с товарищем убил своего хозяина, его жену, родственницу и работника. Ночь после совершения преступления Н. провел в публичном доме.

Ш–в. Отец пьяница. «Водки я не пил, – говорит Ш., – но с 14 лет начал ухаживать за девицами, на *что уходило много денег*. К работе я был *способен* (Ш. атлетического телосложения), *а все тянуло к праздной и веселой жизни*». Ради этой жизни Ш. в разное время убил 8 человек.

Ш–н. Отец пьяница. С малых лет Ш. *отличался жестокостью по отношению к животным, которых всячески мучил*. В юношеском возрасте *почувствовал непреодолимое влечение к женщинам и спиртным напиткам*. «Грабежи и убийства (Ш. совершил несколько убийств) делал, чтобы не нуждаться в деньгах на кутежи и женщин, – говорит Ш., – *это так сказать, цель моей жизни*».

К–в Леон. Отец горький пьяница. С 15 лет К. начал пить водку, а с 19 повел половую жизнь. «*Я сильно был привязан к гармонике*, – рассказывает К. – *и часто ходил к девицам*. Денег не хватало, воровал у барина, у которого служил. Когда не было на что покутить, была сильная тоска. Женился, но продолжал вести распутную жизнь. У тестя все промотал на вино, на женщин да на гармоники». К. совершил много грабежей и несколько убийств, о которых рассказывает с большим цинизмом, смакуя подробности совершенных им деяний. Одну из жертв ударил ножом в шею, а потом перерезал горло, у другой отрезал голову.

С–ка Никита. Отец пьяница. С. учился в школе, где постоянно дрался. Когда был мальчиком, любил уничтожать птичьи гнезда. Если *находил в гнездах птенцов, то «откручивал» у них головы, что доставляло ему большое удовольствие.* С 14 лет начал пить водку, а с 16 – ухаживать за девицами. «*Этим делом,* – говорит С., – *я занимался сильно. Знакомство с девками заставляло меня заниматься кражами и убийствами.* Работать не хотелось, наниматься куда-нибудь за копейки не было расчета, а без *разгула жить не мог, тоска одолевала.* Денег не хватало. Даст отец рубль в праздник, что с тем рублем сделаешь?» С. с 17 лет стал воровать, совершил много краж, а затем перешел к убийствам. Однажды он убил помещика и не тронул его жены, «потому что она отвернулась к стене и не смотрела на меня, – говорит С. – Если бы посмотрела, убил бы. *Жалко, что не прикончил, уличила* меня потом».

К–ий. Отец и мать пили водку. «Жили хорошо, – говорит К., – не шибко богато, но не нуждались». *С 12-ти лет К. начал пить водку, а с 14-ти познакомился с половыми удовольствиями.* «Жизнь любил разгульную. *Много денег тратил на вино и на женщин».* Сперва К. занимался перекупкой краденых вещей. К. был ямщиком. Однажды, пропив экипаж и лошадей, К. встретился с товарищем и уговорился с ним пойти к знакомому богатому старику и ограбить его, что и исполнили, убив старика, его жену и сына.

С–в Петр, имевший отца пьяницу, сам начал пить с 16-ти лет, при чем пил много. С этого же времени С. стал вести половую жизнь. Сперва воровал много и часто и все «прогуливал», а потом совершил убийство, на котором «взял» 700 руб. «Хотел на эти деньги хорошенько покутить, – рассказывал он мне, – да не удалось. Успел только прокутить 60 руб., а тут и взяли меня».

Г–ий Григорий. Отец пьяница. «До 15 лет, – говорит Г., – крепко баловался, постоянно дрался с братьями и сестрами. У отца воровал деньги, проигрывал на бильярде и в карты. *Лет с 15 стал ходить по публичным домам.* Отец ругался, это мне надоело, я ушел из дому и принялся за кражи. Когда жил дома, занимался убоем скота. – *Мне было очень приятно,* – говорит он, – *убивать скот, это доставляло мне огромное удовольствие.* Я очень гордился, если больше других мясников убивал скота». От краж Г. перешел к убийствам. Одно из совершенных им убийств он описывает так: «Была одна женщина,

которая скупала краденые вещи; покупала она и у нас, но платила плохо, и это стало нам прискорбно. Мы решили эту женщину убить, а деньги и вещи взять. Пришли к ней в лавку, бросились на нее, но в это время вошла девушка-покупательница и подняла крик. Я просил ее молчать, но она не могла успокоиться, и я принужден был ее придавить. Взял ее за горло и она очень скоро кончилась». На крик девушки прибежал сторож и его тут же убили.

Приведенными примерами из личных наблюдений я и ограничусь, при чем считаю необходимым сказать, что примеров этих я не подбирал, а взял первые попавшиеся из материала, имеющегося у меня. Все исследованные мною корыстные убийцы подвергались влиянию алкоголя, все стремились к удовлетворению своих инстинктивных склонностей и все для этой цели совершали убийства.

Г. Дриль[1], говоря о корыстных убийцах и подчеркивая связь между наклонностью этих преступников действовать убийством и половым чувством, приводит такие примеры. Развратный Gigax, булочник по профессии, *мечтавший о половых удовольствиях и одуряющих кутежах*, подговорил двух других – Ruff'a и Wolf'a совершить убийство богатой старухи и ее служанки. Убийцы забрались в сарай старухи и пробыли там почти сутки, выжидая удобного момента для нападения. Вечером в сарай вошла служанка. Убийцы накинулись на нее и задушили, а затем вошли в дом, где находилась старуха-хозяйка. Gigax бросился на хозяйку и задушил ее при помощи Ruff'a, а Wolf, почему-то не принимавший участия в этом убийстве, выразил сожаление по этому поводу. Он вырвал подсвечник из руки убитой и разбил ей череп, приговаривая: «Умерла ли ты, старая?» Он поднял платье у убитой и *принялся рассматривать ее половые части*. Wolf и Ruff отправились в Страсбург, *где аппетитно поужинали. После ужина отправились в публичный дом*. Затем они переходили из одного публичного дома в другой и *везде предавались самому необузданному разврату*. Gigax уехал в Лондон и здесь осуществил свои заветные мечты: «*Я жил, как принц*, – говорил он, – катался на прекрасных лошадях, *покупал самых красивых женщин* и не отказывал себе ни в чем».

Убийца, 19-летний Abadie, был обвинен в трех убийствах. Сперва он занимался кражами, которые должны были служить ему

[1] Д.А. Дриль. «Преступники и преступность».

средством для удовлетворения его вкусов и влечений, *сильнейшим из которых было влечение к женщинам*. Далеко не возмужав еще, Abadie переходил уже из объятий одной женщины в объятия другой, менял их, как перчатки, и предавался с ними величайшим излишествам. «Она пошла со мной, – говорит он про одну из своих любовниц, – и мы в оргии провели ночь, одну из тех ночей, которые оставляют по себе воспоминания; ночь наслаждений и опьянения»... Abadie убил одну из своих любовниц, ограбил ее и взятые у нее часы подарил другой любовнице. «Жизнь – это бой, – писал Abadie, – я бью того, кто мне представляет препятствие, а тебе, полиция, считать моих убитых... Надо отрезать головы тем, которые владеют, чтобы мы, в свою очередь, имели деньги. Сильные поедают слабых».

Я приведу здесь слова одного из исследованных мной преступников – убийцы К–ва, логическое построение мыслей которого имеет большое сходство с таковым же Abadie. К–ов пишет: «Я, как и другие, искал счастья, т. е. денег... Вся жизнь моя потрачена на поиски их, все приносилось ради них в жертву. *Я готов был мучить всех*, я готов был на самый отчаянный подвиг, чтобы только достать денег. Отец мне оставил наследство, но оно все ушло на прожигание жизни, а без удовольствий, как без воздуха, я существовать не мог. Без денег, – продолжает К–в, – нужно было умирать, а я решил жить, что было равносильно преступлению. *Жизнь – это борьба, а борьба всегда начинается с преступления*».

Возвращаясь к преступникам, описанным г. Дрилем, укажу еще на Ioanon'a, Chretien'a и Dechamps'a, из которых первый, отличавшийся угрюмым характером, крайней распущенностью, чувствовал сильное влечение к тридцатилетней вдове, не отвечавшей на его страсть. Ioanon, побуждаемый, с одной стороны, желанием овладеть предметом страсти, а с другой, – стремлением к захвату имущественных средств, нужных, главным образом, для удовлетворения влечений к грубым половым и желудочным наслаждениям, подговорил Chretien'a и Dechamps'a, родственников вдовы, убить и ограбить ее. Зайдя вечером к вдове, Ioanon, Chretien и Dechamps убили ее, ее 13-летнюю дочь и старуху-мать. Ioanon убил предмет своей страсти и уже с трупом совершил половой акт. Так же точно поступил Chretien с девочкой.

Заканчивая обзор интересующих нас преступников, я позволю себе остановиться еще на четырех случаях жесточайших убийств, исходным пунктом которых нужно считать всепоглощающее влечение преступников, совершивших эти убийства, к удовольствиям и, в частности, к половым удовольствиям. Два из этих случаев заимствованы мной из западно-европейской уголовной литературы, и два – из отечественной уголовной практики.

Шлезвиг-голштейнский крестьянин Тим Тоде, 19 лет, убил отца, мать, сестру, четырех братьев и служанку. Убийство Тим Тоде совершил один и на это ему понадобилось всего три часа. Убийство было обдумано до мельчайших подробностей и совершено с удивительным хладнокровием. Жертвы заманивались Тимом под благовидными предлогами в различные места: братьев и отца убийца вызывал по одиночке во двор, в сарай, в конюшню и в поле и убивал их; сестра, мать и служанка были убиты в доме. Следствие показало, что все эти убийства были совершены с целью ограбления. Семья была очень зажиточная, и Тим Тоде пожелал воспользоваться всем состоянием. Будучи в школе, Тим отличался тупостью и проявлял склонность к воровству. Ко всякой работе Тим относился с отвращением и, благодаря этому, у него постоянно происходили ссоры с домашними. После одной из таких ссор он ушел из дому и нанялся на мельницу, которую очень скоро поджег, объясняя свое деяние тем, что ему надоело пыль глотать. Поступив к другому хозяину, он его обокрал. Потом он обокрал своего старшего брата. Как на причину, толкнувшую его на убийство близких родных, Тим указал на свою алчность к деньгам, которая его совсем ослепила. На допросе он заявил, что мысль об убийстве настолько им овладела, что положительно не давала ему покоя. Но потом, на некоторое время, ему удалось превозмочь себя. Скоро мысль убить родных снова овладела всем существом Тима и он уже не мог от нее отделаться. «Я уже один раз забрал себе в голову, – говорит Тим Тоде, – что нужно их всех уничтожить, потому что после я мог свободно всем распоряжаться». Страсть к приобретению денег, чтобы, как он сам говорил, их прокутить, довела его до убийства. Насколько велика была в нем эта жадность к деньгам, пишет хроникер, видно из того, что в ужасную ночь убийства он обыскал карманы своих жертв и забрал все хранившиеся в разных местах деньги. Убив братьев и отца, Тим вошел в

дом и сперва ударил топором мать, а потом сестру, бросившуюся на помощь. «Мать, – говорит он на следствии, – все визжала и просила не убивать ее». Сестру докончил хлеборезным ножом, лежавшим в этой комнате. Он нанес ей 34 раны. Покончив свое дело, Тим перетащил всех убитых в дом, разложил их по кроватям, собрал все ценные вещи и деньги, принес соломы в дом, поджег сеновал, потом дом. Захватив шкатулку с деньгами и вещами, Тим выбрался из дома через окно, прибежал к ближайшему соседу и поднял тревогу. Сбежавшемуся народу он сообщил, что на их дом напали разбойники, и что он сам едва спасся. Таким путем он ввел всех в заблуждение и остался вне подозрений, ибо никому не могло прийти в голову, чтобы этот мальчик мог перебить пятерых взрослых мужчин. Похоронив своих родных, он заказал прекрасный памятник, на котором приказал сделать такую надпись:

«Смерть не всегда дает знать о своем пришествии. Она приходит внезапно и требует человека на суд в другой мир. Поэтому, человек, будь всегда готов предстать перед Иисусом, ибо от кратковременной жизни зависит в вечности спасение твоей души!»

На другой стороне памятника написано:

Могила семейства Тоде.

«Здесь погребены в Бозе почившие мои драгоценные родители, братья и сестра, умершие от руки убийцы в ночь с 7 на 8 августа 1866 года».

Далее следуют имена убитых и годы их рождения. Заказывая памятник, Тим Тоде приказал оставить свободное место для того, чтобы внести имя убийцы, если он будет найден. В истории преступления Тима Тоде нет ясных указаний на его влечение к спиртным напиткам и к половым удовольствиям, но все же из нее видно, что убийца стремился к приобретению средств для того, чтобы пожить на своей воле и покутить. Ради этой цели он не остановился перед убийством всех своих родных. Во втором случае убийства, к которому я перехожу, уже более выступает связь между убийством, повышенным половым чувством убийцы и страстью к приобретению средств и, наконец, в третьем и четвертом – единственным стимулом, толкнувшим убийцу на преступление, является половое влечение.

Пастор Салес Римбауер из Баварии обвинялся в убийстве своей любовницы. С малых лет Римбауер отличался дурными наклонностями. У священника, который с ним занимался, он украл деньги, а однажды покушался на убийство мальчика, желая воспользоваться его деньгами. Обладая блестящими способностями, Римбауер прекрасно окончил гимназию, богословск. факультет и 25-ти лет был посвящен в сан священника. В годы служения в качестве пастора он своим поведением сумел уверить всех, знавших его, что держится самых строгих нравственных правил. Проповеди его были полны вдохновения и назидательных советов. В них он беспощадно громил безбожие, указывал на любовь к ближним... В это время Римбауер сосредоточил свое внимание на приобретении имущества всякими правдами и неправдами и на удовлетворение своих половых влечений. Преследуя эти цели, он поселился в доме богатой вдовы; путем обмана присвоил себе ее имущество и сделал своей любовницей ее дочь. Однажды к нему явилась его прежняя любовница, и он ее зарезал в своей комнате, а труп ее зарыл в сарае. Преступление было открыто через несколько лет. Когда Римбауер был уличен в убийстве, он дал такое показание: «Моя честь, мое звание, моя репутация, – словом все, что для меня было свято и дорого, должны были пострадать вследствие приезда моей прежней любовницы. Я подумал: что мне тут делать? Тогда мне пришло в голову правило иезуита Бенедикта Штатлера, которым разрешается лишить другого человека жизни, если нельзя иначе спасти свою собственную честь и добрую славу». Убийство произошло таким образом: когда Римбауер, возвратившись из прихода, нашел в своей комнате прежнюю любовницу, он побежал к хозяйке, захватил в ее комнате нож и бритву и вернулся к себе. Здесь он прежде всего ударил ножом свою жертву в шею, но нож был тупой и повреждений не причинил. Тогда Римбауер старался задушить ее. В дальнейшем он сам так описывает свое преступление: «Затем я вынул из кармана бритву и, обнявши Эйхштедтер (так звали любовницу Римбауера), резнул ее правой рукой по горлу. По ее всхлипыванию я заключил, что надрез был значительный, и бросил бритву в сторону... Она зашаталась, колени ее стали подгибаться... я взял ее под руки и осторожно положил на пол... Я ее минуты две напутствовал утешительными словами религии, а она в

это время начала бить ногами об пол и таким образом скончалась»[1]. Вторую свою любовницу Римбауер отравил. Вообще он любовниц менял очень часто. Попался он благодаря зонтику убитой, который он оставил у себя.

Мне еще остается упомянуть об Александре К–ра, убившем в Москве в1903 году свою мать и двух сестер, и адвокате П–ве, принимавшем участие в убийстве графа К. К–ра учился в реальном училище, из которого вышел, не окончив курса. По словам брата, он любил франтить, любил общество женщин, любил ухаживать. В одном из танцклассов, которые К–ра посещал с увлечением, он познакомился с некоей С–вой. С–ва прекрасно танцевала, была царицей танцклассных балов, получала призы за танцы и получила название «призовой лошадки». Во время танцев она как-то особенно «изгибалась», чем, вероятно, пробудила половое влечение К–ра, который увлекся ею, всюду неотступно следовал за ней, делал ей дорогие подарки и, в конце-концов, попросил ее руки. Деньги для покупки подарков К–ра похищал у отца. На суде К–ра говорит: «Мне пришла мысль убить отца и мать, так как я хотел повенчаться с С–вой, а она не соглашалась без согласия моих родителей и ждать два-три года не хотела». К–ра сперва хотел отравить отца и мать и для этой цели он пробовал действие яда на собаке. Потом ему пришла мысль нанять кого-нибудь для убийства отца и матери и, в конце-концов, попавшись матери на краже денег, которые ему нужны были для покупки подарков С–вой, он убил мать, разбив ей голову колуном. То же самое он сделал со своими сестрами, из которых младшую, маленькую девочку, очень любил. К–ра, добиваясь обладания С–вой, в это же время ухаживал за горничной соседа по квартире. «Не проработав будней, – сказал в своей речи прокурор, – этот человек тянулся к празднику... Страсть к С–вой сыграла большую роль в жизни К–ра и С–ва является вполне достаточной причиной всех ужасных последствий». Д-р Б–в в своей экспертизе на суде так характеризует К–ра: «Я думаю, что К–ра дегенерат, отягченный болезненной наследственностью, в которой алкоголизм сыграл свою роль (было установлено, что в семье К–ра ежедневно выпивалось ведро пива). – К–ра, – продолжал Б–в, – должен понимать значение своих поступков, но

[1] Монах Ченстоховского монастыря Домазий Мацох, как он показывал на суде, тоже напутствовал свою жертву «утешительными словами религии».

я сомневаюсь, чтобы он мог ими руководить». Один из защитников К–ра характеризует его, как жалкого уродца, принадлежащего к семье, вынесенной пивной волной на верхушку своего благополучия (отец К–ра занимался пивным делом).

Осужденный в Италии за убийство графа К–го, П–в является резким примером, на котором ясно видно, какую могущественную роль играет половой инстинкт в преступности. П–в, видный адвокат, уважаемый общественный деятель, честный человек и прекрасный семьянин, под влиянием вспыхнувшего у него с неудержимой силой полового влечения к одной женщине, сперва делается вором, присвоившим деньги своих клиентов, ибо нужны средства для того, чтобы обладать этой женщиной, а потом убийцей человека, средства которого нужны были той же женщине.

Разбираясь в приведенных нами случаях корыстных убийств, мы повсюду наталкиваемся на неудержимое, я бы сказал, стихийное влечение убийц к удовлетворению своей инстинктивной природы. Удовольствия низшего порядка, из которых на первом месте стоят кутежи и разврат, вот те стимулы, которые гонят корыстного убийцу по темной и страшной дороге преступления, те маяки, которые освещают их дорогу. Убийца, грабитель и поэт Е–в говорит в одном из своих стихотворений:

Ты жил отпето, веселился,
Родных ты слушать не хотел.
К развратным пристаням стремился,
К добыче легкой страсть имел.
Ты ни пред чем не ужасался,
Каких грехов ты не творил!?

Этот убийца, жадно стремившийся к постоянному веселью, к «развратным пристаням», совершил убийство своей хозяйки. «Или сотнями шуметь, или кандалами греметь», говорит он перед убийством. Шум сотен заглушил в нем и сострадание, и чувство самосохранения, столь естественные у нормальных людей. Он «лихенько, как кот на мышку», бросается на свою жертву и душит ее. Он не успел еще обмыть руки, обагренные кровью его жертвы, и поспешил в гостиницы и притоны разврата, поспешил удовлетворить свои

желания и совершенно упустил из виду, что повсюду оставляет за собой ясные следы. Среди разгула и разврата он чувствует себя, как рыба в воде и распивает «чертову дюжину сладострастных поцелуев» с проституткой.

М–в все тратит на кутежи и женщин. «Вне такой жизни, – говорит он, – я существовать не мог». – «Кутежи и разврат, – говорит жестокий убийца П–в, – поглощали все мое время и все мои деньги».

Ради той же цели К–р убивает старуху. Он совершенно не понимает ужаса своих деяний и смеется, когда о них вспоминает. Н–н, стремясь к обладанию хористкой из малороссийской труппы, убивает четырех человек. Ш–в, ради веселой жизни и девиц, убивает восемь человек. Ш–н говорит, что грабежи и убийства делал, чтобы не нуждаться в деньгах на кутежи и женщин, которые составляют цель его жизни. «Знакомство с девками, – говорит С–ка, – заставило меня заниматься кражами». Он очень скорбит, что не удалось покутить на все деньги, взятые на грабеже. Gigax, Wolf и Ruff мечтали о половых удовольствиях и кутежах и мечты свои осуществили после жестокого и циничного убийства. Abadie, Ioanon, Chretien и Dechamps идут тем же путем. Жестокий убийца Lacenaer, у которого страсть к удовольствиям превосходила его денежные средства, совершил большое число грабежей и убийств[1]; Тим Тоде и К–ра убивают своих близких родных, первый, терзаемый жаждой удовольствий, второй, желая обладать женщиной, которая заставила звучать очень громко его половое чувство.

Таким образом мы видим, что главнейшей чертой, характеризующей корыстных убийц, основным фоном их психики являются неудержимое стремление к благам низшего порядка, из которых на первом плане стоит удовлетворение грубых желудочных и половых вожделений. Ничего нет неестественного в том, что на таком фоне у преступников гравируются очень отчетливо такие черты, как нравственная тупость, жестокость, легкомыслие, пониженное чувство самосохранения, неспособность оценки своих деяний в смысле их вредоносности для себя и для общества. Эти черты душевного склада корыстных убийц, несомненно, говорят об глубоком изменении их организма со стороны его психофизических свойств. Припомнив

[1] Havelock Ellis. «Преступник».

то, что мы выше говорили о роли алкоголя в человеческой преступности и о его глубоком разрушительном действии на человеческий организм, об огромном проценте алкоголиков среди преступников, мы не очень погрешим против истины, если предположим, что изменение организма в том направлении, благодаря которому человек становится преступником, должно быть отнесено на счет алкоголя, другими словами, алкоголь является не только специфическим нервным ядом, но он является специфическим агентом по преимуществу, при помощи которого у данного индивида формируется почва для возникновения и роста на ней преступных наклонностей. Этим я вовсе не хочу сказать, что всякий алкоголик должен сделаться преступником. Я хочу сказать, что человек, так или иначе тронутый алкоголем, ceteris paribus, имеет больше шансов пойти по преступной дороге.

Резюмируя выше собранные данные о действии алкоголя на человеческий организм, мы видим, что он *парализует функции задерживающих центров; значительно притупляет нравственную чувствительность; беззащитно предает человека в жертву его инстинктивных склонностей; парализует лучшие и благородные чувства; обычно ведет к притуплению высших чувствований, особенно умственной силы и воли; делает человека беззастенчивым и, наконец, служит причиной появления у детей алкоголиков самых дурных инстинктивных склонностей* (Kräpelin, Маньян, Ломброзо, Чиж, Стеллецкий и Морель). Сопоставляя эти данные с такими чертами корыстных убийц, как резкое ослабление этических представлений, плохо функционирующие задерживающие центры, притупление нравственной чувствительности, уродливо развитые инстинкты, мы видим, как необыкновенно корыстный убийца похож на чистого алкоголика, как будто бы он является его «alter ego», и это еще раз принудительно заставляет нас признать за алкоголем роль специфического агента в деле формирования у человека преступных наклонностей. – Более загадочной является в человеческой преступности роль полового инстинкта, к выяснению которой я и перехожу.

Выше мы видели, что повышенное половое чувство и извращения его заставляют человека в некоторых случаях прибегать к убийству.

Мы знаем, что преступления, возникающие на почве повышенного или извращенного полового инстинкта, отличаются особенной жестокостью и нередко кровожадностью; что существует в некоторых случаях несомненная связь между похотью, с одной стороны, и жаждой крови и мучительством жертвы, с другой (садизм). Д.А. Дриль, как я говорил выше[1], приводит целый ряд случаев убийств, исходным пунктом которых являлось половое чувство. Одни из убийц, рукой которых оно управляло, получали половое удовлетворение без полового акта, только при виде текущей крови жертвы и ее мучений, другими словами, сексуальность у этих убийц замещалась вполне жестокостью, как говорит Дриль. Другие получали удовольствие только при таком половом акте, который сопровождался мучением жертвы и убийством ее, и третьим страстное стремление к удовлетворению полового акта подсказывало убийство, как единственный и для них вполне естественный способ добыть средства для покупки необходимых им половых удовольствий.

В чем же лежит объяснение этих фактов? В силу каких причин у человека, одержимого повелительным влечением к наслаждениям, во главе которых стоит удовлетворение полового инстинкта, является представление о неизбежности убийства, весьма легко проявляющееся вовне соответствующим волевым актом, т. е. уничтожением себе подобного. Дриль, разбираясь в этом вопросе, говорит: «Одной из важнейших составных частей самочувствия является половое, оно же родовое чувство... Одной из наиболее важных особенностей родового чувства, каким мы его наблюдаем в животном царстве, является вообще усиленное влечение субъекта в сторону других ему подобных. Влечение это *обыкновенно* (курсив мой) сопровождается большей или меньшей долей самозабвения, доходящего иногда до потери чувства самосохранения и до нечувствительности к собственной гибели». Так дело обстоит при более или менее нормальном половом чувстве. При повышении его и при извращении получается несколько иная картина. «Опыт учит, – говорит Дриль, – что повышенному половому возбуждению нередко бывает присущ элемент того острого раздражения, которое окрашивается злобным оттенком»... По мере возрастания возбуждения, по-видимому, усиливается и элемент острого раздражения. Благодаря только что ука-

[1] Д.А. Дриль. «Преступность и преступники». Гл. V. Убийства и убийцы.

занному явлению, у некоторых субъектов, по словам Дриля, вполне мимовольно развивается более или менее напряженное влечение во время полового акта грызть, рвать, щипать и даже душить жертву похоти. Целым рядом примеров из уголовной и психиатрической литературы Дриль показал, что в некоторых случаях рядом с половым чувством возникает и злобное чувство. Как же объяснить причину появления злобного чувства в момент полового возбуждения? Где искать его исходный пункт? Не лежит ли причина окраски настроения в злобный оттенок при половом возбуждении в каких-нибудь препятствиях, мешающих удовлетворению полового инстинкта? Мы знаем, что всякие препятствия, встречающиеся на пути человека, способны вызвать у него раздражение и нередко окрашивают его настроение в злобный оттенок. Если напряженное желание полового удовлетворения, это проявление одной из важнейших функций организма, встретит на своем пути какое-нибудь препятствие, то этим самым создается почва для окраски настроения в злобный оттенок, который и является главным руководителем в решении вопроса, каким путем устранить препятствие. Этот злобный оттенок настроения, по существу своему, иного решения, кроме злобного и жестокого, подсказать не может. Если мы будем держаться того убеждения, что преступник существо деградированное с повышенными и часто уродливыми инстинктивными склонностями, то без большой натяжки можем допустить, что неудовлетворение властных велений его инстинктивной природы, не считающейся ни с какими препонами, а главное – неудовлетворение повышенного полового влечения, весьма легко может всколыхнуть у него злобное чувство, которое и подскажет ему единственный путь, соответствующий его настроению, и, таким образом, у преступника, при известных условиях, легко возникает мысль об убийстве. Само собой разумеется, что злобное чувство, всколыхнувшееся у данного лица, вследствие неудовлетворения его полового инстинкта, сосредоточивается на объекте, от которого исходит препятствие. Сопротивляется жертва похоти; мешает муж, любовник и др.; препятствием является недостаток средств, и эти помехи и препятствия необходимо устранить. В такие моменты у людей с порочной психофизической организацией и является мысль об устранении препятствий путем убийства, которая и приводится в исполнение. Убивается сопротивляющаяся

жертва похоти; убивается муж, любовник; убивается обладатель средств, необходимых убийце для удовлетворения его инстинктивных склонностей. В таких случаях преступник уподобляется зверю, хватающему за горло своих соперников на жизненном пиру. Будучи в полном рабстве у своих инстинктов, он тем самым ставится на одну зоологическую ступень со всяким зверем. Тим Тоде уничтожил всех своих близких родных ради удовлетворения страсти к удовольствиям, ибо родные служили помехой к разгулу; К–ра разбил головы матери и сестер, мешавших ему обладать С–вой; пастор Римбауер режет старую любовницу, потому что она мешает ему наслаждаться новой и т. д. Обращаясь к тем случаям, когда половой акт доставляет удовлетворение при мучении жертвы похоти или ее убийстве, когда половой акт заменяется терзанием жертвы, мы вступаем в область фактов, говорящих о глубоком поражении психики, о резко болезненных извращениях полового инстинкта, имеющих для уголовного антрополога большой интерес, а еще больший для психиатра. Имея перед собой эти факты, я не беру на себя смелости, не будучи специалистом, объяснять их и, если ими воспользовался, то как доказательством того положения, что повышенный и извращенный половой инстинкт нередко бывает причиной злобных насильственных действий до убийства включительно.

Встречаясь с повышенным половым влечением у корыстных убийц и зная, что большинство этих преступников дети алкоголиков и сами алкоголики, мы уже a priori можем допустить, что в изменении их половой сферы играет немалую роль алкоголь. Форель[1] говорит: «Алкоголь, ослабляя рассудительность и высшие нравственные препятствия воли, усиливает импульсивность и чисто чувственное половое влечение (libido sexualis)... В половой сфере, – продолжает Форель, – наркоз (алкогольный и другой) действует в том смысле в общем, что, при ослаблении потенции, похоть, по крайней мере вначале, повышается. В общем сущность действия наркоза может быть выражена в следующих словах: сначала возбуждение libido, *исчезновение этических препятствующих* представлений и повышенная предприимчивость... Особенность половых побуждений при алкогольном наркозе, – говорит дальше Форель, – заключается в их *животности*. Вследствие этого гибельные действия алкоголя

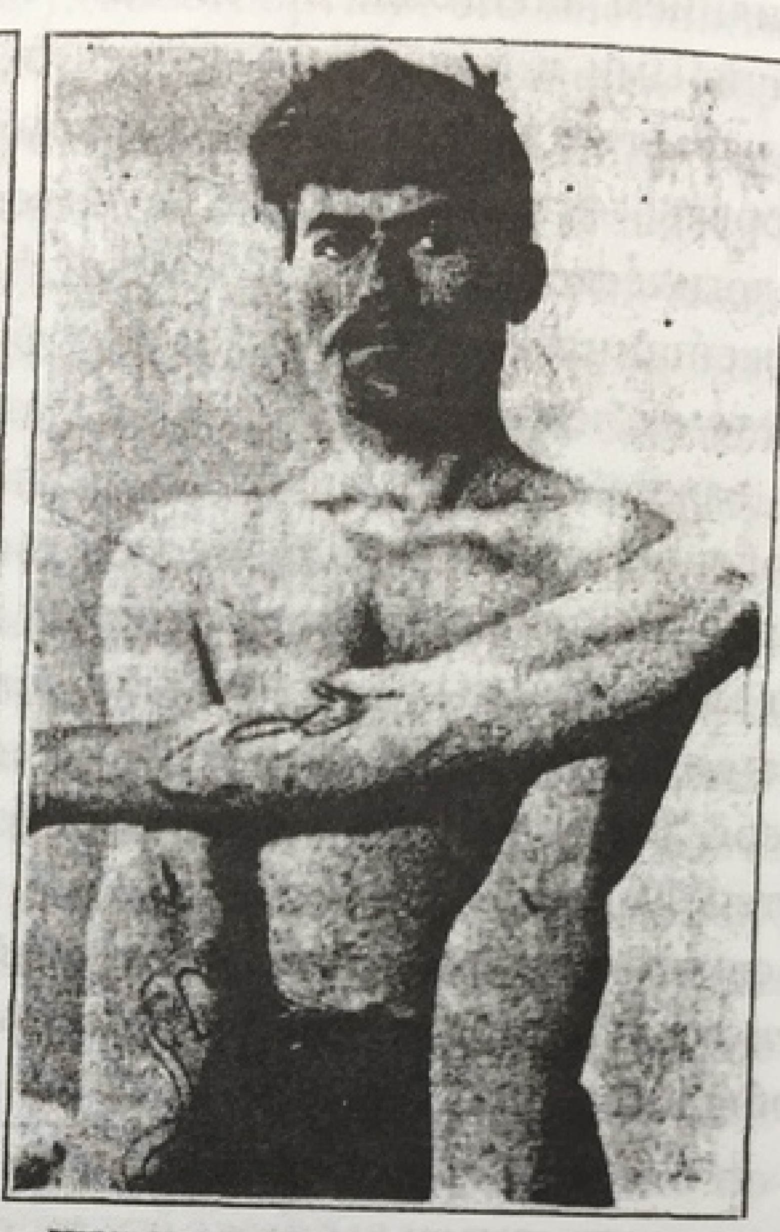
[1] Проф. Форель. «Половой вопрос».

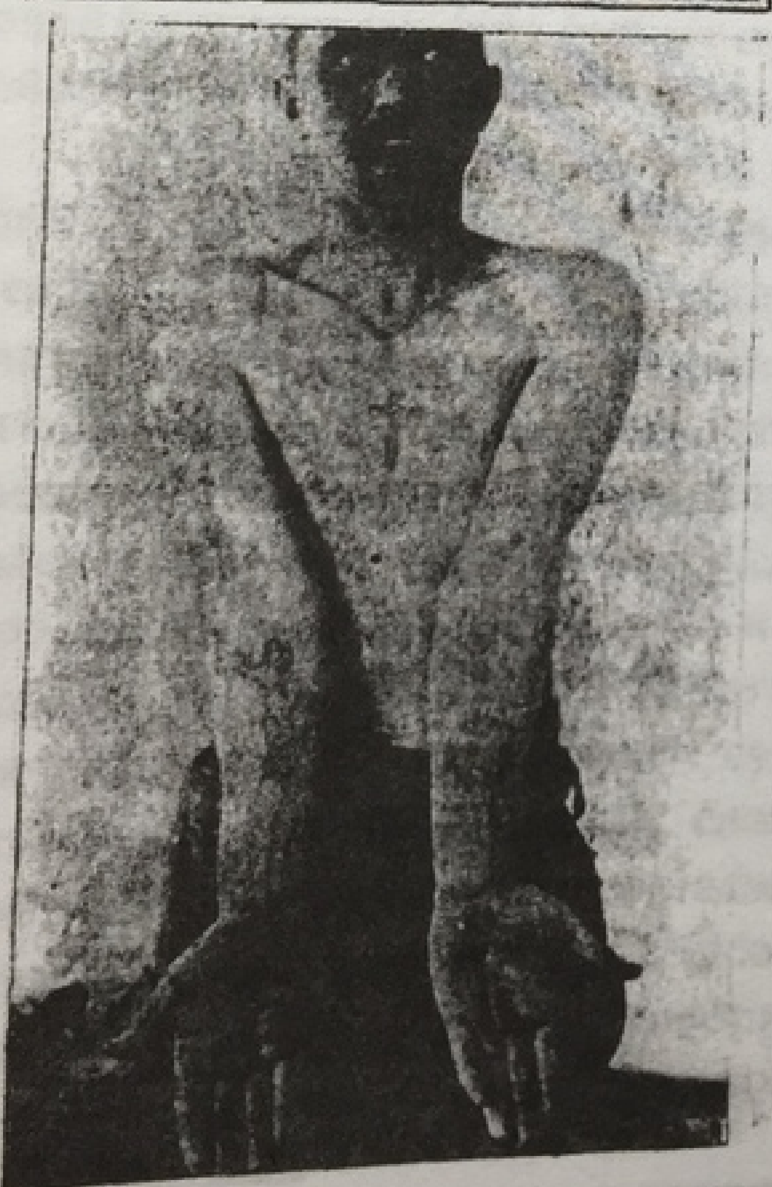
на половое побуждение неисчислимы и поистине чудовищны». Под влиянием алкоголя, по словам Фореля[1], люди делаются предприимчивыми в половом отношении. Эту предприимчивость Форель называет «алкогольным флиртом». «Трудно придумать, – говорит Форель, – что-либо более гнусное, низменное и скотское, более патологическое, чем алкогольный флирт... Пьянство делает мужчину и женщину *чувственными и грубыми и вместе с тем беспечными, легкомысленными, чуждыми всякой предусмотрительности*. Одной из важнейших сторон самочувствия, – говорит Форель, – является половое, оно же и родовое чувство... Охватывая человека, оно иногда временно перерождает его, на моменты делает его независимым от материальных условий, заставляет его забывать все, а по временам возвышает его до удивительного героизма» и, прибавим мы от себя, низводит при некоторых условиях, как мы видели выше, до степени зверя. Освобожденный, благодаря действию алкоголя, от всякого контроля и извращенный тем же алкоголем, половой инстинкт является бичом и для своего носителя и для окружающего его общества.

---

[1] Проф. Форель. «Алкоголизм, наследственность и половая жизнь».

Заключение

Резюмируя в заключительных строках работы данные, собранные в ней о преступниках, я позволю себе сделать такие предположения.

1. Преступник – личность психофизически оскуделая, с отсутствием или недоразвитием тех элементов в своей организации, благодаря которым средний нормальный человек может бороться за существование в так называемых законных рамках.

2. Преступник борьбу за право жизни понимает, как непрестанную и напряженную погоню за благами мира низшего порядка.

3. К недочетам со стороны психической организации преступника относятся: преобладание инстинктивной природы над интеллектом; недоразвитие альтруистических чувствований и отсюда чудовищно развитой эгоизм и отсутствие жалости к ближнему (жестокость); недоразвитие способности правильно оценивать свои преступные действия и непредусмотрительность; ослабление чувства самосохранения; органическое отвращение ко всякому длительному труду. К физическим недочетам преступников нужно отнести неправильность в конфигурации черепа, стигматы физического вырождения и, может быть, порочно организованную кровеносную систему.

4. Причины психофизического оскудения преступной личности кроются в порочной организации ее предков, в алкоголизме – наследственном и личном.

5. Преступники и душевно-больные – родные братья, дети одной и той же оскуделой, порочно организованной семьи, члены одного и того же ряда дефективных существ.

6. Важнейшим причинным моментом в деле формирования у данного лица преступных наклонностей является отравление его организма спиртом или наследственная передача ему родителями-алкоголиками органов (сосудов), измененных в том направлении, при котором преступные наклонности легко зарождаются и укоре-

няются. Алкоголь в этом отношении является, как мне кажется, специфическим ядом.

7. Инстинктивная природа человека и, в частности, половой инстинкт, опороченный алкоголем, управляет рукой преступника, а не злая воля. Раз человек, организм которого подвергся резким изменениям под влиянием каких бы то ни было факторов, будь то алкоголизм, болезни, дурная жизненная обстановка, становится рабом своих инстинктивных склонностей, то этим самым свободная воля исключается, как двигатель, толкающий его на преступный путь. Скажем вместе с Форелем[1], что «всего несвободнее тот человек, который, будучи обуреваем низкими страстями и побуждениями, или связан недостатком ума или слабостью воли, не может руководить сам собой, в жизни, подчиняясь каждому соблазну, каждому импульсу, попадает в каждую ловушку и вследствие этого постоянно вступает в конфликты с обществом». Можно ли питать надежду на исправление такой преступной личности, какой она очерчена выше? Прежде, чем ответить на этот вопрос, я снова вернусь к психике ее и на этот раз постараюсь показать, что на ряду с отрицательными ее чертами встречаются, как это ни странно, и положительные, несомненно указывающие на то, что и самый тяжкий преступник (прирожденный, по мнению некоторых исследователей) не может третироваться, как человек совершенно погибший и безнадежный в смысле исправления[2].

Мне известны случаи (кто из близко соприкасавшихся с преступным людом не знает их?), когда жестокий убийца спасает тонущих людей с опасностью для собственной жизни; когда грабитель бросается в огонь, спасая чужое имущество; когда преступник, руки которого обагрены детской кровью, становится нянькой и за порученными ему детьми ухаживает с трогательной заботливостью и т. д. Мне известны тяжкие преступники, бессрочные каторжники; все мысли которых сосредоточены на побегах. Они ради свободы идут на верную смерть; перебираются через высокие стены под выстрелами часовых; с невыразимыми трудностями, лишениями

[1] Форель. «Половой вопрос».

[2] Преступники, которые отнесены к категории полных нравственных идиотов, представляют из себя в смысле исправления элемент, как мне кажется, вполне безнадежный.

и опасностями проделывают длинные подкопы; прорываются через густую цепь конвойных под угрозами штыка и пули, и эти же люди, за ничтожными исключениями, не делают попыток к побегу из неогороженного, почти неохраняемого, стоящего на краю города, у самой тайги, лазарета; не делают попыток потому, что дали врачам честное слово не бежать из лазарета. Для убийцы, бессрочного каторжника, при страшном соблазне легко уйти с каторги, честное слово является надежным часовым. А та чуткость, с которой преступник относится ко всякой несправедливости, проявленной к нему или к его товарищам; та верность и преданность, о которой знают все, имевшие преступников в качестве слуг и относившиеся к ним человечно и справедливо... разве не говорят за то, что даже и тяжкий преступник – не совсем погибший человек? Можно до бесконечности приводить примеры в таком роде, но думаю, что и приведенных достаточно, чтобы не сомневаться в существовании у преступников таких положительных душевных черт, как любовь к ближнему, самоотверженность, сознание долга, преданность, верность и т. д. Черты эти существуют, но они заглушены, и мозговые пути для проявления их атрофированы и засорены. Стоит только порыться и тщательно поискать этих черт – и в этом ответ на поставленный выше вопрос о возможности исправления преступников. Суть исправительных мероприятий, повторяю, должна заключаться в добросовестном отыскивании этих черт, в вытаскивании их на свет Божий и в культивировании их разумным воспитанием; тогда душевные черты преступников отрицательные будут постепенно глохнуть, атрофироваться (проторенная в мозгу преступника дорога, существующая для преступных волевых актов, зарастет, так как внимание будет от них систематически отвлекаться). Само собой разумеется, что как в борьбе с преступностью (профилактике преступности) нельзя обойтись без изучения причин появления преступных личностей, так и борьба с преступником невозможна без тщательного изучения его психофизических свойств.

Покойный Д.А. Дриль в одной из своих статей[1] с достаточной ясностью показал, что возможно сделать для исправления преступника при его принудительном воспитании. Об этом, как говорит

[1] Д.А. Дриль. «О применении основных начал принудительного воспитания к взрослым осужденным» («Журнал Минист. Юстиции», сентября 1901 г.).

Дриль, красноречиво свидетельствуют американские исправительные колонии (реформатории). Какие результаты можно получить при правильном взгляде на этот предмет, показал бывший начальник Нордгольской штрафной колонии Менкочи. «За время управления Менкочи, – говорит Д.А. Дриль, – страшная, совершенно озверелая каторга, как известно, преобразилась; каторжане делали удивительные успехи в труде и поведении, и не поддающихся дисциплинированию почти не было». Заканчивая свою статью, Д.А. Дриль приводит слова д-ра Wienes'a. Слова эти хотя и кратко, но настолько выразительно намечают целесообразный путь в деле исправления преступников, что я не мог удержаться, чтобы не привести их здесь, тем более, что лично знакомясь с преступным людом в течение многих лет, я безусловно верю в их святую истину. Вот эти полные значения слова: «Мудро обращаться к лучшим чувствам человечества даже тогда, когда мы имеем дело с людьми низкими и деградированными. Обращайтесь с виновником зла, как с себе подобным, и более нежели вероятно, что его воля отзовется на ваш призыв. Обращайтесь с ним, как с собакой и он будет действовать, как она».

Конец

Н.С. ЛОБАС
бывший врач сахалинских каторжных тюрем
УБИЙЦЫ
(Некоторые черты психофизики преступников)
Со снимками преступников

Компьютерная верстка И.Ю. Маслова
Дизайн обложки О.В. Касаткина

Подписано в печать 02.10.07 Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 10,5
Тираж 500 экз. Заказ 2484.
0000.043.168.07/10.13

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография».
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а.

Издательство Современного гуманитарного университета

109029, Москва, ул. Нижегородская, д. 32,
корпус 1, комн. 206
Тел./факс: (495) 727-12-41, доб. 31-80
E-mail: edit@muh.ru

Н.С. ЛОБАС Убийцы

